

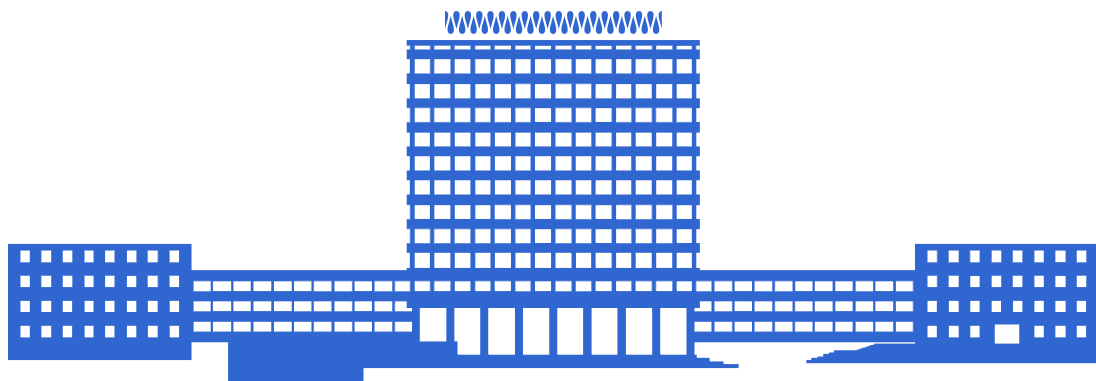
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 18 Выпуск 4 (58) 2022

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДОННУ, 2022. – Т. 18. – Вып. 4 (58). – 139 с.

*Печатается по решению Учёного совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 8 от 30 декабря 2022 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

*Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22*

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 18 Выпуск 4 (58) 2022

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова;
д. филол. наук, проф. А. В. Ленец; д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев;
д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина; д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко;
д. филол. наук, проф. А. В. Петров; д. филол. наук, проф. М. В. Пименова;
д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов; д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик;
д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДОННУ 2022

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 18 Issue 4 (58) 2022

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets; Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev;

Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina; Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov; Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova;

Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov; Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik;

Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DONNU 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 18, Вып. 4 (58), 2022

Германские языки

- Жерденовская А. В.* Наименования приёмов пищи в новозеландском варианте английского языка..... 5
- Усова Н. В., Чеботаревская К. С.* Структурные характеристики немецких геортонимов..... 19
- Филатова Е. В.* Годонимы в германских языках как лингвокультурные пространственные объекты..... 30
- Ширяева Т. А., Цымбалов Д. А.* Лингвистические особенности выражения комического в англоязычном кинодискурсе..... 42
- Yagupova L. N.* Wie die Wortbildungstypen unproduktiv werden. Eine korpusbasierte Untersuchung..... 53

Типологические и сопоставительные исследования

- Кремзикова С. Е.* Прототипическая модель имени действия как структурный компонент деятельностной ситуации и способы ее системного и дискурсивного представления..... 68
- Лукашова И. В.* Метафоризация значения слова как один из основных семантических процессов в английском и русском языках (на материале терминологии бизнеса и менеджмента)..... 85
- Никольшина Т. Н.* Лингвоцветовая картина мира англичан и русских в древности: сопоставительный аспект (на материале английских и русских народных сказок)..... 98
- Растарасова Е. К.* Рефлексивные конверсивные глаголы в немецком и русском языках... 107

C O N T E N T S

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 18, Issue 4 (58), 2022

Studies in Germanic Languages

<i>Zherdenovskaya A. V.</i> Names Of Meals In New Zealand English.....	5
<i>Usova N. V., Chebotarevskaya K. S.</i> Structural Characteristics of the German Geortonyms..	19
<i>Filatova E. V.</i> Hodonyms in Germanic Languages as Linguocultural Spatial Features.....	30
<i>Shiryaeva T. A., Tsymbalov D. A.</i> Linguistic Features of Comic Representation in English Film Discourse.....	42
<i>Yagupova L. N.</i> Wie die Wortbildungstypen unproduktiv werden. Eine korpusbasierte Untersuchung.....	53

Typological and Contrastive Studies

<i>Kremzikova S. E.</i> Prototypical Model of the Action Name as a Structural Component of the Activity Situation and the Ways of its Systemic and Discourse Representation.....	68
<i>Lukashova I. V.</i> Metaphorization of the Meaning of a Word as one of the Main Semantic Processes in English and Russian (Based on the Business and Management Terminology)....	85
<i>Nikulshina T. N.</i> Colour Namings in the Worldview of the English and Russians in Ancient Times: Contrastive Survey (Based on English and Russian Fairy Tales).....	98
<i>Rastarasove E. K.</i> Reflective Conversive Verbs in German and Russian.....	107

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111:81'373.45

© 2022 А. В. Жерденовская

НАИМЕНОВАНИЯ ПРИЁМОВ ПИЩИ В НОВОЗЕЛАНДСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена изучению семантического развития специфических значений в области употребления наименований приёмов пищи в новозеландском варианте английского языка из английских лексических единиц. Были выявлены системные пути образования наименований приёмов пищи в новозеландском варианте английского языка от английских лексем путём метафоры, метонимии, синекдохи.

Ключевые слова: *наименования приёмов пищи, вариант, новозеландский вариант английского языка, британский вариант английского языка, модель.*

© 2022 A. V. Zherdenovskaya

NAMES OF MEALS IN NEW ZEALAND ENGLISH

The article deals with studying semantic development of specific meanings in the sphere of names of meals application in New Zealand variant of the English language from English lexical units. Systemic ways of names of meals formation in New Zealand variant of the English language from English lexemes through metaphor, metonymy, synecdoche were identified.

Key words: *names of meals, variant, New Zealand variant of the English language, British variant of the English language, model.*

Введение. В настоящей статье предпринята попытка представить лексико-семантические отличия новозеландского варианта английского языка (далее НЗА) на примере наименований приёмов пищи (далее НПП) [Дроздов, 2019: 111]. **Актуальность** исследования обусловлена ростом интереса лингвистов к проблемам пространственной вариативности английского языка, недостаточной изученностью территориального варьирования английского языка Новой Зеландии и механизмов формирования вариантных языковых систем, необходимостью обобщения системных изменений в лексической системе НЗА под влиянием лексических заимствований и семантической деривации. **Цель статьи** – выявить общие и специфические значения и область употребления наименований приёмов пищи в НЗА относительно британского варианта английского языка. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) изучить и систематизировать материал исследования; 2) установить корпус исследуемых лексических единиц; 3) выявить семантические и лексические особенности группы наименований приёмов пищи в новозеландском варианте английского языка;

4) описать семантические пути развития английских наименований приёмов пищи в НЗА.

Объектом исследования являются лексемы новозеландского варианта английского языка, обозначающие наименования приёмов пищи (далее НПП) в сравнении с британскими.

Предметом исследования являются лексические особенности и семантические пути развития наименований приёмов пищи в новозеландском варианте английского языка.

Материал исследования составляют лексические единицы новозеландского варианта английского языка, обозначающие НПП, отобранные методом сплошной выборки из словаря новозеландского варианта английского языка Гарри Орсмана. Также в работе использовался материал из лингвострановедческого словаря Австралии и Новой Зеландии В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской [Ощепкова, Петриковская, 1998], Оксфордского словаря английского языка под редакцией Б. Мура [Moore, 1999] и Национального словаря австрализмов, основанного на исторических принципах У. С. Рэмсона [Ramson, 1997]. Теоретические положения работы базируются на концепциях ведущих отечественных и зарубежных лингвистов в области теории языка: Ю. Д. Апресяна [Апресян, 2002], В. Н. Топорова [Топоров, 2004], О. Н. Трубачева [Трубачев, 1976], Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 1988], Г. В. Степанова [Степанов, 1976], А. Д. Швейцера, Б. А. Серебрянникова [Серебрянников, 1988] и др.

В статье были использованы следующие **методы исследования**: 1) метод сплошной выборки; 2) классификация отобранного эмпирического материала; 3) метод сплошной выборки из лексикографических источников; 3) семантический анализ лексических единиц НЗА и БрА; 4) сопоставительный анализ лексических единиц НЗА, британского варианта английского языка (далее БрА) и австралийского варианта английского языка (далее АвА) [Дроздов, 2019: 8]; 6) метод анализа словарных дефиниций.

1. Заслуживают внимания с лингвистической точки зрения наименования приёмов пищи, устоявшиеся в современном варианте новозеландского варианта английского языка в сравнении с британским. Рассмотрим сначала британские НПП. Традиционные *breakfast* ‘завтрак’ – *dinner* ‘обед’ – *supper* ‘ужин’, закрепившиеся в БрА под влиянием нормандских завоевателей и, соответственно французского языка, копируют французскую модель *dejeuner* ‘завтрак’ – *diner* ‘обед’ – *souper* ‘ужин’. А. Доза даёт интересное социально-психологическое объяснение некоторым из них, а именно – смещению смыслов и появлению некоторых новых слов в группе наименований принятия пищи. Вначале словом, означавшим первый приём пищи было *diner* – **disjunare*, «*превратить ночной пост*». Во франкский период крестьяне завтракали рано утром, ещё до рассвета. Лёгкий дневной завтрак, или обед обозначался словом *souper*. В 12-13 вв. эти слова вместе

с завтраком и обедом перемещаются на более позднее время. Затем движение слов по часовому циферблату постепенно приводит к тому, что оказывается необходимым найти слово для обозначения первого завтрака. Появляется *dejeuner*, видоизменённое латинское **disjunare*. Тон задаётся обычаями королевского двора: Карл 5 обедал в 10 часов, Генрих 4 – в 11, при Людовике 14 обедали в полдень, а ужинали между 6 и 7 часами; при Людовике 15 обеденный час в Париже переносится на 2, потом на 3 часа. При Наполеоне в казармах и военных школах принято расписание: 10 часов и 5 часов для завтрака и обеда. В 19 веке на время приёма пищи оказывает влияние образ жизни парижского света. Ужин (*souper*) зависит от балов и театров, он передвигается на всё более позднее время, соответственно передвигаются завтрак (*dejeuner*) и обед (*diner*). Освобождается в утренние часы время для первого завтрака и для слова, обозначающего его, появляется *petit déjeuner*. Так серия *dejeuner – diner – souper* уступает место серии *petit déjeuner – déjeuner – diner*, хотя по свидетельству лексикологов в деревне ещё и в середине 20 века использовали первую, придерживаясь режима 17 века [Скрелина, 2015: 17-18].

Таким образом, мы имеем британское НПП *breakfast* (букв. *break* ‘прерывать’, *fast* ‘пост’) по аналогии с **disjunare* ‘прервать ночной пост’, *dinner (diner)*, *supper (souper)*. В словаре [OED, 1989: vol. 1, 1076] даётся следующее определение НПП *breakfast* – *that with which a person breaks his fast in the morning; the first meal of the day* ‘первый утренний приём пищи’. Например:

1860 *My assistants were preparing breakfast* [OED, 1989: vol. 1, 1076]. ‘Мои помощники готовили завтрак’.

2. В НЗА мы находим НПП *morning tea* ‘утренний приём пищи; завтрак’. Например:

1927 *Return and run the morning tea up to the men* [Orsman, 1997: 823]. ‘Вернись и приготовь людям завтрак’. (Здесь и далее цифра перед примером обозначает дату регистрации данного примера в словаре английского языка).

1953 *I had my first experience of an entertainment common through New Zealand. They call it morning tea, and serve it about ten o'clock; but it may be a formidable meal* [Orsman, 1997: 823]. ‘Я впервые испытал на себе популярное в Новой Зеландии развлечение. Оно называется ‘утренний чай’ и его подают примерно в десять утра; это может быть существенный приём пищи’.

Из приведённых примеров можно сделать вывод, что *morning tea* ‘утренний чай’ в НЗА – основной утренний приём пищи, при этом лексема *breakfast* ‘завтрак’ входит в «общее ядро» двух данных национальных вариантов английского языка. Понятие общего ядра было впервые предложил Ч. Ф. Хоккет. А. Д. Швейцер использовал данное понятие

для описания черт, различающих британский и американский варианты английского языка: «Понятие общего ядра представляется чрезвычайно важным и существенным для сравнительного анализа таких непересекающихся языковых систем, как диалекты и варианты, сопоставление вариантов языка, которое осуществляется без учета общего ядра, как правило, искажает реальную картину соотношения их общих и различительных элементов» [Швейцер, 1976: 23].

2.1. Отдельно стоит сказать о лексемах *lunch*, *luncheon* ‘обед, ланч’. В новозеландском варианте они отсутствуют, в британском же появились несколько позже модели *breakfast* ‘завтрак’- *dinner* ‘обед’- *supper* ‘ужин’, их семантика и различия между ними до конца не ясны.

В БрА *Lunch* [*perh. Evolved from lump on the analogy of the apparent relation between hump and hunch, bump and bunch. Cf. ‘Lounge’, a large lump as of bread or cheese.*] *It is curious that the word first appears as a rendering of the (at that time) like sounding Sp. Lonja – slice of ham* [OED, 1989: vol. 6, part 1: 502]. ‘Ланч [значение лексемы основывается на сходстве между *hump* и *hunch*, *bump* и *bunch*. *Lounge* ‘большой кусок хлеба или сыра’]. Интересно, что впервые слово появляется как перевод (на то время) схожего по звучанию исп. *Lonja* ‘кусок ветчины’.

Luncheon, commonly believed to be a derivative of lunch, occurs in our quotes. 11 years earlier, with its present spelling. In sense 2 lunch was an abbreviation of luncheon, first appearing about 1829, when it was regarded either as a vulgarism or a fashionable affectation [OED, 1989: vol. 6, part 1: 502]. Считается, что НПП *luncheon* производное от НПП *lunch* ‘ланч’, но встречается в цитатах на 11 лет ранее в нынешнем написании. Во втором значении НПП *lunch* обед был сокращением от НПП *luncheon* ‘(официальный) завтрак’ [Мюллер, 1996: 434], который впервые встречается примерно в 1829, тогда он рассматривался скорее как вульгаризм или модный маннеризм.

Можно сказать, что разница между лексемами *lunch* и *luncheon* стилистическая.

2. *A more colloquial synonym of luncheon. (Now usual word exc. In specially formal use, though many persons still object to it as vulgar.)* [OED, 1989: vol. 6, part 1: 502]. ‘Более разговорный синоним лексемы *luncheon*. (Сейчас обычное слово, кроме крайне формального употребления, хотя многие люди всё ещё отказываются употреблять его по причине его вульгарности)’.

1865 Lunch was on the table at half past one [OED, 1989: vol. 6, part 1: 502]. ‘Обед был на столе в половину второго’.

1880 Come to lunch tomorrow at one [OED, 1989: vol. 6, part 1: 502]. ‘Приходи на обед

завтра в час’.

2.2. Следует также отметить, что *tea* в современном БрА – вечерний НПП, также являющийся довольно плотным приёмом пищи, в некоторых социальных кругах заменяющий НПП ‘ужин’. В OED даётся следующее определение лексемы *tea*:

Tea – a meal or social entertainment at which tea is served, esp. an ordinary afternoon or evening meal, at which the usual beverage is tea (but sometimes cocoa, chocolate, coffee or other substitute) [OED, 1989: 124-125]. ‘Ужин (чай) – приём пищи или социальное мероприятие, на котором подаётся чай, особенно приём пищи после обеда или вечером, обычный напиток при котором – ‘чай’ (но иногда какао, шоколад, кофе или другой заменитель’.

1882 My first introduction to ‘afternoon tea’ took place during this visit to Belvoir [in 1842]. I do not believe that now universally-honoured institution of ‘five-o’clock tea’ dates further back than this [OED, 1989: vol. 9, part 2: 124-125]. ‘Моё первое знакомство с «послеполуденным чаем» произошло во время визита в Бельвуар (в 1842). ‘Я не думаю, что это, ныне повсеместно почитаемое мероприятие под названием «пятичасовое чаепитие» насчитывает больше лет’.

1901 Mrs. Brierly spread a liberal tea upon the table [OED, 1989: vol. 9, part 2: 124-125]. ‘Миссис Брайерли поставила на стол довольно разнообразный ужин’.

Отдельно стоит упомянуть НПП *meat tea – a tea at which meat is served, a high tea*. Здесь мы находим подтверждение того, что это не просто чаепитие, а наименование вечернего приёма пищи, «ужин».

1885 This high occasion was to be celebrated by a ‘meat-tea’ [OED, 1989: vol. 6: 283]. ‘Это знаменательное событие следовало отметить плотным ужином’.

Рассмотрим присущую только НЗА лексему *tea-oh, (a call for) smoko* [Orsman, 1997: 823]. ‘Перерыв на чай, «перекур»’.

1944 Tea-oh in Australia and New Zealand, an interval for tea during working hours [Orsman, 1997: 823]. ‘Перерыв на чай в Австралии и Новой Зеландии в рабочее время’.

1966 The back country runs have quite a vocabulary of their own... Amongst these are... terms like cow paddock and tea-oh [Orsman, 1997: 823]. ‘В глуши у них собственный словарь... Среди прочих, там есть такие термины как ‘загон для коров’ и ‘перерыв на чай’».

Рассмотрим лексему НЗА *tea* ‘ужин’.

[Transf. use of tea a (light) meal orig. at which tea was drunk: see OED tea 4 a; AND 1863] a. Formerly most freq. in rural use, the main evening meal, always substantial, often cooked. Contrast supper. ‘Изначально (лёгкий) приём пищи, при котором пили чай. Ранее более распространён в сельской среде как основной вечерний приём пищи, всегда

существенный, часто его готовили. Противопоставляется ужину’.

1853 *We go to bed at 10 or 11 get up at 8 dine at 2, take tea at 5 or 6 and so survive* [Orsman, 1997: 823]. ‘Мы ложимся спать в 10 или 11, встаём в 8, обедаем в 2, ужинаем в 5 или 6, так и живём’.

1936 *In camp the tea bugle sounded at five; the mess orderlies went up to tea, meat and vegetable* [Orsman, 1997: 823]. ‘В лагере горн, призывающий к ужину, звучал в пять; денщики шли в столовую, пили чай, ели мясо с овощами’.

1942 *And now we come to the all-important subject of teas... It may be a whole meal!.. If you are invited to ‘tea’ perhaps the safest thing to do is to ask your host to name thhour* [Orsman, 1997: 823]. ‘А теперь мы подходим к особенно важному вопросу чая (ужина) в... Это может быть полноценный приём пищи!.. Если вас пригласили на «чай», нелишним будет спросить у хозяев во сколько приходиться’.

1943 *He went into Harpoon and had tea in the pub. You call it dinner* [Orsman, 1997: 823]. ‘Мы пошли в Гарпун и поужинали в пабе. Вы называете это обедом’.

1970 *Dinnertime was best though, except we called it tea* [Orsman, 1997: 823]. ‘Самым лучшим было время ужина, только мы называли его «чаем»’.

Среди НПП НЗА с компонентом *tea* можно обнаружить и относительное соответствие британскому *dinner* в его изначальном варианте, обозначающем «обед, дневной приём пищи».

Afternoon tea, a mid-afternoon occasion (usu. Between 2 and 3.30 p.m.) which could in the past range in formality from a regular afternoon work-break (smoko) or an informal refreshment break, to an often highly ceremonious social gathering of (mainly) women [Orsman, 1997: 823]. ‘Послеобеденное чаепитие, послеполуденное мероприятие (обычно между 2 и 3.30 дня), которое в прошлом варьировалось формально от обычного полуденного перерыва на работе (перекура) или неформального перерыва на напитки, до часто очень церемониального социального собрания, состоящего (обычно) из женщин’.

2.3. В БрА, как следует из примеров, ‘*dinner*’обед – главный приём пищи.

Dinner – the chief meal of the day, eaten originally, and still by the majority of people, about the middle of the day, but now, by professional and fashionable classes, usually in the evening; particularly, a formally arranged meal of various courses; a repast given publicly in honour of some one, or to celebrate some event [OED, 1989: vol. 3: 377]. ‘Обед – главный приём пищи в течение дня, который изначальным, и большинство людей до сих пор, устраивают примерно в середине дня; но сейчас, в профессиональных и фешенебельных кругах, обычно вечером; особенно формальный организованный приём пищи из

нескольких блюд; трапеза, публично устраиваемая в чью-то честь или чтобы отметить какое-либо событие’.

Здесь же, *dinner-time – the usual time of dining; the time occupied by, or allowed for, dinner – обеденное время*. ‘Обычное время обеда; время, занятое или отведённое для обеда’.

1869 *Before dinner-time a reconciliation had been effected* [OED, 1989: vol. 3: 377]. ‘Примирение было заключено до обеда’.

Рассмотрим пример из НЗА:

1890 *After dinner, another lounge and gossip, afternoon tea, another drive to the baths, bathing, home again, tea time. After tea, walking or riding* [Orsman, 1997: 210]. ‘После обеда, ещё одна гостиная и порция сплетен, послеобеденный чай, ещё одна поездка в бани, купание, снова домой, время ужина. После ужина, прогулка или езда верхом’.

1992 *Do New Zealand ladies still entertain their friends to afternoon tea?.. Just after the war my mother was renowned for her afternoon teas... Afternoon tea was the done thing, the social highlight, the acid test of a good cook... My mother’s guests would be invited for about two o’clock in the afternoon... Tea would be served shortly after three o’clock... The real point of the afternoon, apart from the gossip and the cup of tea, was the food. It was not only the lavishness of the display but the degree to which it complied with the strict rules which made or marred the hostess’s reputation* [Orsman, 1997: 210]. ‘В Новой Зеландии дамы всё ещё приглашают друзей на послеобеденный чай?.. Сразу после войны моя мать славилась своими послеобеденными чаепитиями... Послеобеденный чай был достоянием, событием, лакмусовой бумагой хорошего повара... Мать приглашала гостей примерно к двум часам пополудни... Чай подавали вскоре после трёх. Настоящим смыслом вечера, кроме сплетен и чая, была еда. Не только щедрость представленных блюд, но и степень их соответствия строгим правилам, решали судьбу хозяйки’.

Стоит заметить, что параллельно с НПП *afternoon tea* ‘обед’, НПП *dinner* ‘обед’, традиционное для британской модели, употребляется и в новозеландском варианте, но преимущественно в сельской местности.

The midday meal whether the main meal of the day (as often in rural New Zealand) or not (as is usual in towns) [Orsman, 1997: 210]. ‘Дневной приём пищи или главная трапеза дня (часто в сельской местности Новой Зеландии) или нет (как это принято в городах)’.

В примерах ниже из НЗА мы видим практически традиционную британскую модель *breakfast* ‘завтрак’ – *dinner* ‘обед’ – *tea* ‘ужин’, характерную для сельской местности как Великобритании, так и Новой Зеландии.

1883 *Dinner. - Dinner at one p.m. Wholesome fresh meat and vegetables... plainly cooked,*

served hot, and properly masticated... Tea. – Tea may be taken at six or half –past, and include one or two small cups of black tea... If it be the last meal of the day... the meal may include some light meat, chicken or white fish [Orsman, 1997: 210]. ‘Обед. – Обед в час дня. Полезное свежее мясо с овощами..просто приготовленное, подаётся горячим и тщательно пережёвывается... Чай. – Чай могут пить в шесть или половину седьмого, это могут быть одна или две маленькие чашки чёрного чая... Если случится так, что это последняя трапеза дня..она может включать немного нежирного мяса, курицу или белую рыбу’.

2.4. В следующем примере из НЗА можно, тем не менее, проследить всю модель НПП аналогичную модели НПП БрА: *breakfast* ‘завтрак’ – *dinner* ‘обед’ – *afternoon tea* ‘обед, послеполуденный чай’ – *supper* ‘ужин’. Основываясь на данном примере можно сказать, что НЗА взял за основу традиционную модель НПП БрА, но со временем и в различных слоях общества Новой Зеландии эта модель видоизменилась. В частности, лексема *morning tea* стала более частотной, чем лексема *breakfast* ‘завтрак’.

1927 Before milking, they made a hearty meal of cups of tea and bread and butter and cake. After milking, they made a hearty meal of breakfast, porridge with cream, then ham and eggs. About half past ten in the forenoon, a jug of hot tea and a basket of scones was always taken out in the paddock... as a refresher, and at mid-day they had a three course dinner. Then at four in the afternoon, afternoon tea was served before the evening milking, and at six the family sat down to tea. Then supper at nine o'clock, and they were ready for bed [Orsman, 1997: 210]. ‘Прежде чем доить коров, они устраивали обильную трапезу из чая с бутербродами и пирогом. После дойки они сытно завтракали кашей со сливками, затем ветчиной с яйцами. Примерно в половину одиннадцатого утра в загон всегда приносили чайник с горячим чаем и корзину ячменных лепёшек, чтобы освежиться, а в полдень у них был обед из трёх блюд. Затем в четыре перед вечерней дойкой подавали послеобеденный чай, а в шесть семья садилась за стол пить чай. После, ужин в девять, и они были готовы ложиться спать’.

На основе данного примера можно представить схему приёмов пищи в сельской местности на протяжении рабочего дня в новозеландском варианте английского языка:

- 1) до дойки коров – *cup of tea* ‘чай’ (с бутербродами и пирогом);
- 2) после дойки коров – *breakfast* ‘завтрак’ (каша со сливками, ветчиной с яйцами);
- 3) 9.30 – *a refresher* ‘освежающий напиток’ (кувшин горячего молока и корзинка с ячменными лепёшками) [Drozdov, 2013: 106];
- 4) в середине дня – *a (three course) dinner* ‘обед’ (из трёх блюд);
- 5) 16.00 – *afternoon tea* ‘полдник’;
- 6) 18.00 – *tea* ‘ужин’;

7) 21.00 – *supper* ‘поздний ужин’.

1979 ‘*Tea won’t be long’ She always calls it tea. My mother said that a meal of meat and vegetables was called dinner but that on no account was I to correct Mrs. Turbett. I never know whether to thank her for the ‘tea’ or for the dinner* [Orsman, 1997: 210]. ‘Ужин скоро будет готов». Она всегда называет его ужином. Моя мама говорила, что приём пищи, состоящий из мяса и овощей называется обедом, но я ни в коем случае не должен поправлять миссис Тёрбетт. Я никогда не знаю, благодарить ли её за ужин или обед’.

1987 *My girlfriend almost did get presented with a ‘plate’ (empty), when she asked me to meet some folks at her place for dinner – whoops, sorry for tea* [Orsman, 1997: 210]. ‘Моя подруга почти получила «тарелку» (пустую), когда попросила меня познакомиться с какими-то людьми у неё дома за обедом – простите, за ужином’.

Данные примеры очень ярко иллюстрируют одновременное употребление *dinner* ‘ужин’ и *tea* ‘ужин’ для одного и того же по временному промежутку приёма пищи, но для разных социальных групп. *Dinner* – для жителей города, *tea* – сельской местности.

2.5. Для обозначения главного вечернего приёма пищи в НЗА также наблюдается подобная двойственность: *tea* ‘ужин’ – *supper* ‘ужин’.

1856 *The supper consisted of roast beef, boiled mutton, steak and kaka pies, fowls, tongues, plum puddings, custards, jellies, etc., port and sherry wines, brandy, Scotch Whisky in abundance* [Orsman, 1997: 794]. ‘Ужин состоял из ростбифа, вареной говядины, стейка и пирогов, птицы, языка, сливового пудинга, заварного теста, желе и т.д., портвейн, шерри, скотч виски присутствовали в изобилии’.

2. a. *A late-night snack; food or other refreshment taken during the interval in a ball or dance* [Orsman, 1997: 794]. ‘Поздний приём пищи; еда или напитки, которые подают во время перерыва на балу или танцах’.

1924 *As usual the ladies supplied a plentiful supper which was handed round during the interval* [Orsman, 1997: 794]. ‘Как обычно дамы приготовили обильный ужин, который подавали во время перерыва’.

Supper – также специальный поздний ужин, который в Новой Зеландии подавался после танцев в специальной комнате, что ещё раз говорит о том, что эта лексема использовалась для наименования вечернего приёма пищи в скорее в городских кругах.

b. *Special Comb. Supper dance, supper waltz, the dance after which women are escorted to supper by their partners; supper room, room (often in a local community hall) used for serving supper at dances* [Orsman, 1997: 794]. ‘Вечерний танец, вальс, танец, после которого кавалеры провожают дам к ужину; комната для ужина (часто находящаяся в местном зале

собраний), в которой подают ужин во время танцев’.

В БрА *supper* – *the last meal of the day; (contextually) the hour at which this is taken, supper-time; also, such a meal made the occasion of a social or festive gathering* [OED, 1989: vol. 9, part 2: 198-199]. ‘Последний приём пищи в течение дня; (контекстуально) время, в которое ужинают, время ужина; также такой приём пищи являлся общественным или праздничным собранием’.

Formerly, the last of the three meals of the day (breakfast, dinner, supper); now applied to the last substantial meal of the day when dinner is taken in the middle of the day, or to a late meal following an early evening dinner *вечером* [OED, 1989: vol. 9, part 2: 198-199]. ‘Ранее, последний из трёх приёмов пищи в течение дня (завтрак, обед, ужин); сейчас применяется скорее в качестве названия последнего существенного приёма пищи, если обедают в середине дня, или для названия позднего приёма пищи после обеда ранним’.

1905 After a late dinner which was practically merely a supper *вечером* [OED, 1989: vol. 9, part 2: 198-199]. ‘После позднего обеда, который был практически просто ужином’.

В БрА в 19 веке тоже встречается двойственность употребления *tea-supper*.

1874 I chatted... till tea, or as they call it, supper *вечером* [OED, 1989: vol. 9, part 2: 198-199]. ‘Я проговорил... до чая, или, как они его называют, ужина’.

3. Выводы

3.1. НПП *tea* ‘ужин’ в БрА и НПП *tea* в НЗА образованы путём синекдохи [Реформатский, 2004: 89]: слово *tea* ‘напиток чай’ получает семантическое развитие, что приводит к появлению значения НПП *tea* ‘ужин’ (в БрА). У слова *tea* ‘напиток чай’ развивается новое значение НПП *tea* ‘завтрак’ (в НЗА) путём синекдохи по модели «часть вместо целого, целое вместо части».

3.2. В британском варианте английского языка НПП *lunch* ‘обед’, образованное от слова *lump* ‘кусок (мяса, сыра)’, представляет собой семантическое развитие слова *lump* путём метонимии [Реформатский, 2004: 86].

3.3. НПП *breakfast* ‘завтрак’ в БрА представляет собой кальку-заимствование французского НПП XVII века *dejeuner* ‘завтрак’. Последний НПП восходит к латинскому слову *desjejunare*. При этом все три лексемы – англ. НПП *breakfast* ‘завтрак’, фр. НПП *dejeuner* ‘завтрак’ и латинская лексема *desjejunare* имеют значение ‘прервать ночной пост, позавтракать’.

3.4. Можно представить две модели британских наименований приёмов пищи: 1) *breakfast* ‘завтрак’ – *dinner* ‘обед’ – *tea/supper* ‘ужин’, установившуюся в Великобритании под влиянием нормандских завоевателей и, соответственно, французского языка и модель

2) *breakfast* ‘завтрак’ – *lunch (luncheon)* ‘обед’ – *dinner* ‘ужин’ по аналогии с французской моделью *dejeuner* ‘завтрак’ – *diner* ‘обед’ – *souper* ‘ужин’ XVII века.

3.5. При этом НПП *tea (high tea, meat tea)* ‘вечерний приём пищи, довольно плотный, часто сопровождаемый чаепитием, иногда заменяющий ужин (*supper*), особенно в профессиональных и аристократических кругах’. В свою очередь, НПП *supper* ‘ужин’ – последний, самый поздний по времени приём пищи в течение дня.

3.6. Модель *breakfast* ‘завтрак’ – *lunch (luncheon)* ‘обед’ – *dinner* ‘ужин’. По мере того, как НПП *dinner* смещался по времени и стал, особенно в высших слоях британского общества, вечерним приёмом пищи, т. е. ужином, образовалась лакуна для наименования обеда. Постепенно эту лакуну заполнили лексемы *lunch, luncheon*, имеющие взаимосвязанное, но до конца невыясненное происхождение. Стоит отметить, что в XIX веке лексема *lunch* изначально рассматривалась как вульгаризм либо разговорный вариант *luncheon*. В OED даётся также определение, хотя и атрибутивное: *lunch – dinner, a meal that might be called either lunch or dinner, a mid-day meal*; ‘обед, приём пищи, который можно назвать обедом, приём пищи в середине дня’.

3.7. Модель наименований приёмов пищи в НЗА сформировалась путём самобытного развития и представляет собой *morning tea* ‘утренний чай’ – *afternoon tea* ‘второй завтрак’ (*smoko / tea-oh* ‘перерыв на чай’) – *dinner* ‘обед’ – *supper* ‘ужин’. *Morning tea* в ней совпадает по времени и значению с британским, калькированным у норманнов *dejeuner = breakfast*, но при этом сама лексема *tea* совпадает с британским НПП *tea* ‘вечерний приём пищи’.

3.8. Разговорные лексемы НПП *Tea-oh или smoko* ‘перерыв на чай’, ‘«перекус» среди рабочего дня’ по времени и значению совпадают с британскими НПП *lunch / luncheon* ‘обед’ хотя и имеет отличия. Что касается *dinner* и *supper*, они наиболее полно совпадают по времени дня и значению с британскими аналогами. При этом *dinner* всё же иногда фигурирует в новозеландском варианте английского языка для обозначения более позднего приёма пищи – ‘ужина’, по аналогии с БрА. Тем не менее, в новозеландском варианте английского языка для названия вечернего приёма пищи более широкое распространение получила лексема НПП *tea* ‘ужин’. В НЗА, как и в БрА присутствует двойственность *tea – supper*. Но, если в БрА НПП *tea – supper* ‘ужин’, где НПП *tea* – более привычное название НПП ‘ужина’ в аристократических и профессиональных кругах, а НПП *supper* – для рабочего класса, то в НЗА НПП *tea* более употребим для названия ‘ужина’ в сельской местности, а НПП *supper* – в городской среде.

3.9. В НЗА закрепились одна парадигма наименований приёмов пищи: *morning tea* –

afternoon tea (smoko / tea-oh) – dinner – supper, ‘утренний чай – второй завтрак (перерыв на чай) – обед – ужин’ в БрА же существуют две: 1) *breakfast – dinner – tea / supper*, ‘завтрак – обед – ужин’; 2) *breakfast – lunch (luncheon) – dinner*, ‘завтрак – обед – ужин (поздний обед)’.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АвА – австралийский вариант английского языка;
БрА – британский вариант английского языка;
НЗА – новозеландский вариант английского языка;
НПП – наименование приёма пищи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Об одной закономерности устройства семантических систем // Проблемы семантического анализа лексики. Москва, 2002. С. 6-9.
2. Дроздов В. А. Наименования приемов пищи в ямайском, багамском, белизском и тринидадо-тобагском креолях на англоязычной основе. // Вестник Луганского национального университета им. Тараса Шевченко. Луганск, 2019. С.102-111.
3. Дроздов В. А. Формирования словарного состава карибских креольских языков. Донецк: ДонНУ, 2019. 348 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т.18).
4. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва: Наука, 1988. С. 141-172.
5. Реформатский А. А. Введение в языковедение. 5-е изд., испр. Москва: Аспект Пресс, 2004. 536 с.
6. Скрелина Л. М. История французского языка. 3 изд. Москва: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2015. 463 с.
7. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. Москва: Наука, 1976. 223 с.
8. Топоров В. Н. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). Москва, 2004. С. 12-106.
9. Трубачев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. Москва: Наука, 1976. С. 147-180.
10. Серебрянников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва: Наука, 1988. С. 87-107.
11. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: Теория. Проблемы. Методы. Москва: Наука, 1976. 175 с.
12. Drozdov V. Nouns denoting names of meals in English: Diachronic approach // Diachronie. Linguistische Typologie. Kontrastive Linguistik: Empirische Untersuchungen zu germanischen, romanischewn und slawischen Sprachen / Larysa Iagupowa, Volodymyr Kaliuscenko (Hrsg). Donezk: NUD, 2013. P. 105-107.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мюллер В. К., Дашевская В. Л., Каплан В. А. и др. Новый англо-русский словарь. 3-е изд., стереот. Москва: Рус. яз., 1996. 880 с.
2. Ощепкова В. В. Австралия и Новая Зеландия: Лингвострановедческий словарь. Москва: Рус. яз., 1998. 212 с.

3. Australian Oxford Dictionary. Oxford University Press, 1999. 1597 p.
4. Orsman H. W. The Dictionary of New Zealand English. A dictionary of New Zealandisms on historical principles. Oxford University Press, 1997. 965 p.
5. Ramson W. S. Australian National Dictionary of Australianisms on historical principles. Melbourne: Australia, 1997. 814 p.
6. The Oxford English dictionary. 2nd ed. / J. A. Simpson and E. S. C. Weiner (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1989. Vol. X. 1143 p.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (2002). Ob odnoy zakonomernosti ustroystva semanticheskikh system [On one pattern of semantic systems structure]. In *Problemy semanticheskogo analiza leksiki*. Moskva, Pp. 6-9. (In Russ.).
2. Drozdov, V. A. (2019). Naimenovaniya priemov pishchi v yamayskom, bagamskom, belizskom i trinidado-tobagskom kreolyah na angloyazychnoy osnove [Names of eating occasions in Jamaican, Bahamian, Belizian and Trinidado-Tobagian Creoles based on English]. In *Vestnik Luganskogo natsionalnogo universiteta im. Tarasa Shevchenko*. Lugansk. Pp. 102-111. (In Russ.).
3. Drozdov, V. A. (2019). *Formirovaniya slovarnogo sostava karibskikh kreolskikh yazykov* [Formation of vocabulary in Caribbean Creoles]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diahronicheskie issledovaniya; Vol.18). (In Russ.).
4. Kubryakova, E. S. (1988). Rol slovoobrazovaniya v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Function of the word formation in creating linguistic picture of the world]. In *Rol chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira*. Moskva: Nauka. Pp. 141-172. (In Russ.).
5. Reformatskiy, A. A. (2004). *Vvedenie v yazykovedenie: uchebnyy dlya vuzov* [Introduction to linguistics: university guide]. 5rd ed., rev. Moskva: Aspekt Press. (In Russ.).
6. Skrelina, L. M., Stanovaya L. A. (2015). *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of the French language: bachelor's guide]. 3rd ed. Moskva: Izdatelstvo Yurayt; ID Yurayt. (In Russ.).
7. Stepanov, G. V. (1976). *Tipologiya yazykovykh sostoyaniy i situatsiy v stranakh romanskoy rechi* [Typology of linguistic states and situations in Roman languages countries]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
8. Toporov, V. N. (2004). O ponyatii mesta, ego vnutrennikh svyazyakh, ego kontekste (znachenie, smysl, etimologiya) [On the concept of place, its intrinsic links, its context (meaning, sense, etymology)]. In *Yazyk kultury: semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Ilichy Tolstogo (1923–1996)*. Moskva. Pp. 12-106. (In Russ.).
9. Trubachev, O. N. (1976). Etimologicheskie issledovaniya i leksicheskaya semantika [Etymological research and lexical semantics]. In *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy*. Moskva: Nauka. Pp. 147-180. (In Russ.).
10. Serebryannikov, B. A. (1988). Kak proiskhodit otrazhenie kartiny mira v yazyke? [How does the picture of the world reflect in language?]. In *Rol chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira*. Moskva: Nauka. Pp. 87-107. (In Russ.).
11. Shveitser, A. D. (1976). *Sovremennaya sotsiolingvistika: Teoriya. Problemy. Metody* [Modern sociolinguistics: Theory. Problems. Methods]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
12. Drozdov, V. (2013). Nouns denoting names of meals in English: Diachronic approach. In *Diachronie. Linguistische Typologie. Kontrastive Linguistik: Empirische Untersuchungen zu germanischen, romanischewn und slawischen Sprachen*. In Larysa Iagupowa, Volodymyr Kaliuscenko (Hrsg). Donetsk: NUD. Pp. 105-107.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Myuller, V. K., Dashevskaya, V. L., Kaplan, V. A. et. al. (1996). *Novyy anglo-russkiy slovar* [Contemporary English-Russian Dictionary]. 3rd ed., stereot. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
2. Oshchepkova, V. V., Petrikovskaja, A. S. (1998). *Avstraliya i Novaya Zelandiya: Lingvostranovedcheskiy slovar* [Australia and New Zealand: Cultural linguistics Dictionary]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
3. *Australian Oxford Dictionary*. Oxford University Press, 1999.
4. Orsman, H. W. (1997). *The Dictionary of New Zealand English. A dictionary of New Zealandisms on historical principles*. Oxford University Press.
5. Ramson, W. S. (1997). *Australian National Dictionary of Australianisms on historical principles*. Melburn: Australia.
6. *The Oxford English dictionary*. 2nd ed. In J. A. Simpson and E. S. C. Weiner (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1989. Vol. X.

Жерденовская Анна Витальевна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода (e-mail: h.zherdenovska@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Zherdenovskaya Anna V. – Senior Lecturer of Translation Studies Department (e-mail: h.zherdenovska@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 23 ноября 2022 г.

УДК 81:811.11

© 2022 Н. В. Усова, К. С. Чеботаревская

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕМЕЦКИХ ГЕОРТОНИМОВ

Статья посвящена изучению геортонимов современного немецкого языка как одного из разрядов онимной лексики. Основное внимание фокусируется на структурных признаках геортонимов как слов и/или словесных комплексов (словосочетаний). При анализе компонентов структуры исследуемых единиц принимается во внимание семантический и функционально-семантический аспект.

Ключевые слова: ономастика, оним, лингвокультура, геортоним, номинация, структура.

© 2022 N. V. Usova, K. S. Chebotarevskaya

STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF THE GERMAN GEORTONYMS

The article discusses the study of geortonyms in the modern German language as one of the onymic vocabulary categories. The main attention is focused on the structural features of geortonyms as words and/or word complexes (phrases). While analyzing the structure components of the units under study, the semantic and functional-semantic aspects are taken into account.

Key words: *onomastics, onym, linguistic culture, geortonym, nomination, structure.*

1. Геортонимия представляет собой особый слой онимной лексики, который самым непосредственным образом связан не только с лингвокультурой, но и с общекультурными проявлениями бытования народа, с ритуальными, обрядовыми сторонами его жизни. Живая жизнь общества во все времена немислима без коллективного времяпрепровождения, объединяющего его членов на основе общей иерархии ценностей, духовных и нравственных ориентиров, идейных и социокультурных интересов. Праздники, памятные даты, события и торжества являются «духовными скрепами» [Васильева, 2013: 198], неотъемлемой частью жизни как общества в целом, так и отдельной языковой личности, поскольку «за любым проявлением жизнедеятельности человека стоит триада «язык – культура – лингвокультура»» [Красных, 2020: 7].

По своей природе геортонимы соотносятся как с традиционной, исторической, так и с современной массовой культурой. Существующие сегодня тенденции в отношении устоявшихся и новых способов и форм культурного досуга, стихийно или целенаправленно повторяющиеся и регулярно воспроизводимые события, в разной степени духовно и культурно значимые, неизбежно находят отражение в языке, мотивируя возникновение новых слов для их обозначения. Непрерывно обновляясь, состав геортонимов пополняется и ставит лингвистов перед необходимостью изучения на

новом уровне всех аспектов этого класса лексики. Перечисленные факторы обуславливают актуальность заявленной темы.

2. Номинативные единицы, обозначающие праздники, определяются исследователями по-разному, основными терминологическими единицами для них являются *геортоним* и *хрононим* (собственные имена отдельных отрезков и точек времени). О. В. Врублевская причисляет к геортонимам наименования праздников, памятных дат, торжеств, концертов, фестивалей, конкурсов, выставок, кампаний и т.п. при условии их регулярности [Врублевская, 2006: 17]. И. В. Крюкова включает эти собственные имена в разряд онимов, квалифицируемых как «рекламные имена» [Крюкова, 2004: 33]. А. В. Суперанская настаивала на разграничении этих терминов на том основании, что для геортонимов именуемый объект – «не время, а торжество со всеми его настроениями, церемониями, актами и т. д.» [Суперанская, 1973: 198]. Как справедливо замечает П. Чеснокова, эти термины находятся в гиперо-гипонимических отношениях, поскольку «каждый геортоним является хрононимом, но не каждый хрононим может быть геортонимом», ведь «любой праздник содержит в себе временной компонент значения, но не каждое определение времени является геортонимом» [Чеснокова, 2011: 47].

В данной работе, с опорой на позицию А. В. Суперанской, в качестве основной единицы исследования принимается определение геортонимов, предложенное Н. В. Подольской [Подольская, 1978]: «геортоним (от греч. *праздник*) – вид идеонима – собственное имя любого праздника, памятной даты, торжества, фестиваля». Рассмотрение эмпирического материала в данной работе не учитывает традиционное разделение геортонимов, в основе которого лежит отнесение обозначаемого референта к религиозным, светским, государственным и т. п. праздникам, торжествам или событиям. В предмет исследования включены следующие группы онимной лексики рассматриваемого разряда: календарные праздники (как религиозные, так и светские); праздничные и памятные даты; фестивали. Целью исследования является изучение структурных моделей геортонимов современного немецкого языка. Основное внимание фокусируется на структурных признаках геортонимов как слов или словесных комплексов (словосочетаний). Однако семантический и функционально-семантический аспект принимается во внимание при анализе компонентов структуры исследуемых единиц.

3. Одним из важных аспектов всестороннего изучения геортонимов является анализ структуры этого весьма разнообразного разряда онимов.

В статье представлен материал выборки из 145 немецких геортонимов, отобранных из словарей, электронных справочных ресурсов и немецкоязычных сайтов, указанных

в списке литературы [Подольская, 1978; Список всех праздников в Германии; All Festivals; CTM_Festival; Duden; Feiertage Deutschland – Termine & Infos; Feiertage in Deutschland sowie internationale Fest- & Feiertage und Ferien 2021, 2022 etc.; Schlagermove; Wutzrock].

В ходе рассмотрения эмпирического материала на основе структурного анализа с применением морфологического и словообразовательного анализа, а также метода непосредственно составляющих выделяются структурные типы исследуемых единиц.

Геортонимы немецкого языка представляют собой разнообразные по своей структуре единицы: от простых одноосновных слов (*Silvester*), до многокомпонентных словосочетаний (*Stuttgart Electronic Music Festival*). Проведённое исследование структурных характеристик геортонимов немецкого языка показало, что геортонимы разделяются по структуре на две основные группы: однословные геортонимы и геортонимы-словосочетания. Внутри каждой из групп наблюдается вычленение определённых структурных типов, что обобщённо представлено в таблице 1.

Таблица 1. Структурные типы немецких геортонимов

Тип структуры		Количество		Примеры
		Абс., ед.	Относит., %	
однословный	простое слово	11	7,6	<i>Ostern, Pfingsten, Splash!</i>
	комполит	53	36,5	<i>Muttertag, Weihnachtstag, Vogelhochzeit, Oktoberfest</i>
словосочетание		81	55,9	<i>Lichtrouten Lüdenscheid</i>
Всего:		145	100	

3.1. Однословные геортонимы разделяются на одноосновные (простые и производные) слова и сложные (комполиты).

1. Одноосновные геортонимы представляют собой лексические единицы, состав которых включает только корень либо корень и словообразовательный аффикс. В выборке такой структурный тип составляет 11 единиц (7,6%) и представлен такими геортонимами: *Ostern, Advent, Silvester, Fasching, Pfingsten, Splash!, Eclat, Jula, Hammoniale, Berlinale, Zappanale*.

2. Геортонимы-комполиты насчитывают 53 единицы, соответственно 36,5% от общей выборки. В данную группу входят слова, в составе которых не менее двух основ: *Valentinstag, Rosenmontag, Fastnachtsdienstag, Aschermittwoch, Dreikönigstag, Ostermontag, Muttertag, Pfingstsonntag, Pfingstmontag, Fronleichnam, Erntedankfest, Reformationstag, Allerheiligen, Volkstrauertag, Totensonntag, Nikolaustag, Heiligabend, Weihnachtstag, Weiberfastnacht, Nelkensamstag, Tulpensonntag, Heimatklänge, Elbjazz, Privattheatertag*,

Schlagermove, Wutzrock, Walpurgisnacht, Vatertag, Weltkindertag, Herz-Jesu-Fest, Martinstag, Vogelhochzeit, Oktoberfest, Johannistag, Michaelistag, das Werner-Rennen, Reichsgründungstag, Bizarre-Festival, Maifeiertag, Karfreitag, Neujahr и др. Между компонентами геортонимов-композигов выявляются субординативные связи, типичные для сложных двух- и многокомпонентных номинальных слов-композигов немецкого языка. Такие «внутренние синтагматические структурные отношения» [Вашунин, 1981: 4] соответствуют издавна принятому в германистике делению композигов на детерминативные (*bestimmte (determinative) Zusammensetzungen*) и копулятивные (*aneinanderreihende (kopulative) Zusammensetzungen*) [Вашунин, 1981; Fleischer, 1971; Stock, 1999 и др.]. В композигах детерминативного типа первая основа является, как правило, определением для второго, базового компонента, в качестве которого часто выступают лексемы с темпоральным значением [Навашева, 2016: 51]: *-nacht / nachten (Fastnacht, Weihnachten), -tag (Neujahrstag, Muttertag), -abend (der Heiligabend), -zeit (Weihnachtszeit), Mai- (Maifeiertag), -jahr (Neujahr)*. Темпоральными указателями могут служить также лексемы со значением дней недели (*Karfreitag, Pfingstsonntag*). Самым продуктивным из указателей темпоральности является компонент *-tag* (60% от общего числа геортонимов в данной группе). Базовым компонентом в составе композигов часто служит лексема *-fest (Weihnachtsfest, Christfest, Oktoberfest)*. Базовыми компонентами в составе геортонимов-композигов со значением фестивалей и массовых праздничных мероприятий помимо лексемы *-fest*, может выступать компонент *-Festival (Bizarre-Festival)*, что обусловлено семантикой геортонима.

Значительная часть рассмотренных геортонимов детерминативного и копулятивного типа мотивированы онимными единицами, в том числе агионимами (*Nikolaustag*), теонимами (*Christfest*), антропонимами (*Werner-Rennen*), топонимами (*Elbjazz*), что подтверждает высказанную ранее мысль о деривационной активности онимной лексики [Усова 2016].

3.2. Геортонимы-словосочетания составляют наиболее многочисленную группу в выборке (81 единицы и, соответственно, 55,9 %) и представляют собой словосочетания, различные как по семантике, так и по структуре: *Buß- und Betttag, Festival Genialer Dilettanten, Triennale der Photographie, Corso Leopold, Fotodoks Festival, Europäischer Datenschutztag, Reeperbahn Festival, Darstellung des Herrn, Welttag des Buches und des Urheberrechts, die Schlagernacht des Jahres* и другие.

3.2.1. Субстантивные словосочетания:

– существительное + существительное – *Theaterfestival Spielart, Hase & Hirsch, Corso*

Leopold, Zeitfenster – Biennale Alter Musik;

– существительное *Tag* + существительное / субстантивная группа в генитивной форме – *Tag des Gedenkens an die Opfer des Holocausts*.

Субстантивный тип геортонимов-словосочетаний представлен как словосочетаниями, состоящими только из нарицательных имен существительных (*Musikwoche Hitzacker*), так и включающими нарицательные существительные (апеллятивы) и имена собственные (онимы) (*Curso Leopold*).

3.2.2. Атрибутивные словосочетания. В число атрибутивных сочетаний входят словесные комплексы с онимным компонентом, о них см. п. 3.2.3. Помимо этого, выявлены следующие атрибутивные словосочетания-геортонимы:

– существительное + прилагательное / атрибутивная группа (в том числе генитивный атрибутив) – *Tag der Deutschen Einheit, Festival des politischen Liedes;*

– прилагательное + существительное – *Deutsches Turnfest, Internationaler Frauentag, rußiger Freitag, Flammende Sterne, Internationales Figurentheaterfestival*. Такие атрибутивные сочетания могут включать также онимные компоненты (см. 3.2.3);

– существительное + существительное (Gen) – *Darstellung des Herrn;*

препозициональные сочетания:

– существительное + предлог + существительное – *Rock am Stück, Rock unterm Hünstollen*. В отдельных случаях существительные в таких структурах имеют определения – *Internationale Kinder- und Jugendliteratur beim Internationalen Literaturfestival*.

Продуктивным типом атрибутивного словосочетания-геортонима являются структуры с прилагательным *international(e / er / es/)*, указывающим на уровень мероприятия / праздника: *Internationaler Frauentag, Internationale A-cappella-Woche Hannover, Internationales Bühler Bluegrass Festival, Internationales Dachsbergtturnfest, Internationales Köln Comedy Festival* и т. п.

Ещё один структурный тип – атрибутивные словосочетания с числовым компонентом – составляют незначительное количество (3%) от общей выборки. К ним относятся геортонимы, в состав которых входит имя числительное, порядковое или количественное. Различаются следующие типы структур:

– порядковое числительное + существительное – *Der 1. April;*

– существительное + порядковое числительное – *Aufstand des 17. Juni;*

– количественное числительное + существительное (+ топоним) – *48 Stunden Neuköln*.

Порядковые числительные в геортониме выполняют роль темпорального компонента с хронологизирующей функцией, называя дату события. Количественные

числительные в составе геортонима призваны выполнять дифференцирующую функцию, конкретизируя или привнося дополнительную информацию в семантику геортонима. Так, в приведённом примере числовой компонент указывает на продолжительность мероприятия (*48 Stunden*).

3.2.3. В отдельную группу были выделены геортонимы-словосочетания с онимным компонентом, представляющие собой различные по внутренней структуре словесные комплексы с включением онимов разных разрядов:

- прилагательное + существительное + теоним – *Heiligsten Herzens Jesu*;
- прилагательное + агнионим – *Die Heilige Barbara*;
- оним (теоним) + существительное (апеллятив), где в атрибутивной функции выступает генитивная форма теонима либо агнионима – *Christi Himmelfahrt, Mariä Himmelfahrt*;
- прилагательное *internationaler* + апеллятивно-онимная группа – *Internationale Filmfestspiele Berlin, Internationaler Heidelberger Rollstuhlmarathon*;
- антропоним + апеллятив / апеллятивно-онимная группа – *Bach-Tage Berlin*;
- апеллятив + топоним – *Jazzfest Berlin, Klangwerkstatt Berlin, Fullmetal Osthessen, Comicfestival München, Literaturfest München, Discomove Hamburg; Lichtroueten Lüdenscheid, Hafengeburtstag Hamburg*;
- топоним + апеллятив / апеллятивная группа – *Berlin Atonal, Stuttgart Electronic Music Festival; Saxonia International Balloon Festival*;
- оттопонимный атрибутив + апеллятив – *Augsburger Friedensfest, Münchner Outdoorsportfestival, Der Leipziger Hörspielsommer, Bremer Freimarkt, Osnabrücker Blueslawine*;
- препозициональные сочетания: *Sommer am Kiez, Internationale Kinder- und Jugendliteratur beim Internationalen Literaturfestival, Rock am Stück, Rock unterm Hünstollen*.

Следует заметить, что входящие в состав геортонимов топонимы выполняют локализирующую функцию, обозначая место проведения праздника или фестиваля. Геортонимы, построенные на основе онимов, составляют 36 единиц (24,8%) выборки.

3.2.4. Словосочетания с аббревиатурным компонентом. В выборке присутствует всего один геортоним такого структурного типа: *CTM Festival* (Фестиваль СТМ – Фестиваль экспериментальной музыки и искусства СТМ, также «Фестиваль авантюрной музыки и искусства»), проводится ежегодно в Берлине, Германия [*CTM_Festival*]).

3.2.5. Среди номинативных единиц-геортонимов выявлены развёрнутые синтаксические конструкции со структурой предложения: *Tante Mia tanzt!* (Фестиваль

электронной музыки); *Zurück zu den Wurzeln Festival* (Фестиваль «Возвращение к корням» в Нидергёрсдорфе); *Ab geht die Lutzi!* (Музыкальный фестиваль «И вот спускается Люци!» в Аугсбурге). В таблице 2 обобщённо представлены структурные типы геортонимов.

Таблица 2. Структура немецких геортонимов-словосочетаний

Структурные типы	Примеры
<i>субстантивный</i>	
сущ + сущ	<i>Hexentanz Festival, Musikwoche Hitzacker, Corso Leopold, Hase & Hirsch</i>
сущ <i>Tag</i> + сущ (Gen) / генитивная группа	<i>Tag des Gedenkens an die Opfer des Holocaust, Welttag des Buches und des Urheberrechts</i>
<i>атрибутивный</i>	
прил + сущ + теоним	<i>Heiligsten Herzens Jesu</i>
сущ + прил / атрибутив. группа (в т. ч. Gen атрибу.)	<i>Tag der Deutschen Einheit, Die Schlagernacht des Jahres</i>
прил + сущ	<i>Internationaler Frauentag, rußiger Freitag, Flammende Sterne</i>
сущ + сущ (Gen)	<i>Darstellung des Herrn</i>
<i>атрибутивные словосочетания с числовым компонентом</i>	
порядковое числит + сущ	<i>der 1. April</i>
сущ + порядковое числит	<i>Aufstand des 17. Juni</i>
колич. числит + сущ (+ топоним)	<i>48 Stunden Neuköln</i>
<i>словосочетания с онимным компонентом</i>	
прил + сущ + теоним	<i>Heiligsten Herzens Jesu</i>
прил + агнионим	<i>Die Heilige Barbara</i>
теоним (Gen) + сущ (апеллятив)	<i>Christi Himmelfahrt, Mariä Himmelfahrt</i>
прил <i>internationaler</i> + апеллятивно-онимная группа	<i>Internationale Filmfestspiele Berlin, Internationaler Heidelberger Rollstuhlmarathon</i>
антропоним + апеллятив / апеллятивно-онимная группа	<i>Bach-Tage Berlin</i>
апеллятив + топоним	<i>Jazzfest Berlin, Literaturfest München, Discomove Hamburg</i>
топоним + апеллятив / апеллятивная группа	<i>Berlin Atonal, Stuttgart Electronic Music Festival</i>
оттопонимный атрибутив + апеллятив	<i>Augsburger Friedensfest, Münchner Outdoorsportfestival</i>
препозициональные сочетания	<i>Sommer am Kiez, Rock am Stück</i>
конструкции со структурой предложения	<i>Tante Mia tanzt; Ab geht die Lutzi!</i>
аббревиатура + базовое сущ. Festival	<i>CTM Festival</i>

Количественный анализ материала показывает, что в структуре геортонимов-словосочетаний наиболее репрезентативными оказываются оттопонимные образования, которые составляют 24,8% общей выборки, что обусловлено семантикой таких номинативных сочетаний, где с помощью топонима обозначается место проведения того или иного праздника или фестиваля.

В ходе работы обнаружены геортонимы, представляющие из себя частично или полностью иноязычные комплексы слов: *Saxonia International Balloon Fiesta*; *Hell Over Hammaburg*, *Münchner Outdoorsportfestival*, *Street Mag Show*. Число таких геортонимов незначительно, чаще всего они используются для обозначения фестивалей и подобных массовых мероприятий. Тем не менее их наличие свидетельствует об определённых тенденциях в формировании геортонимии немецкого языка.

3.2.6. По количеству компонентов, включенных в их состав, геортонимы-словосочетания существенно различаются. Минимальное число в структуре словосочетаний – два компонента (*Internationaler Frauentag*, *Reeperbahn Festival*). Наиболее распространёнными являются трёх- и четырёхкомпонентные структуры, нередко геортонимы состоят из пяти и шести компонентов. Выявлено по одному случаю семи- (*Internationale Kinder- und Jugendliteratur beim Internationalen Literaturfestival*) и восьмикомпонентных (*Tag des Gedenkens an die Opfer des Holocaust*) словосочетаний.

4. В результате проведённого анализа можно заключить следующее.

Наиболее распространённым структурным типом геортонимов современного немецкого языка является словосочетание (55,9%). Структура немецких геортонимов может строиться по субстантивному или атрибутивному типу словосочетаний, наиболее распространённый тип – атрибутивный, с вариативным составом компонентов.

В структуре геортонимов-словосочетаний наиболее репрезентативными компонентами оказываются оттопонимные образования (24,8%).

Самым продуктивным прилагательным в структуре геортонимов-словосочетаний атрибутивного типа является компонент *international*, что обусловлено их семантикой.

Минимальное количество компонентов в структуре словосочетаний-геортонимов – два, а максимальное – восемь.

Вторым типом по количественным показателям являются геортонимы-композицы (36,5%). Типичным является использование в составе геортонимов-композицы темпоральных компонентов *-tag*, *-abend* и др., а также лексем *-fest* и *-festival*.

Наименее продуктивным структурным типом геортонимов являются простые слова (7,6%).

Перспектива исследования видится в более подробном изучении выявленных структурных типов геортонимов, с применением детального анализа семантики и словообразовательных особенностей и установлением степени продуктивности словообразовательных способов для геортонимов немецкого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Г. М. «Духовные скрепы» российского общества в зеркале языковой оценки // Общество – Среда – Развитие. 2013. №1 (26). С. 198-202.
2. Вашунин В. С. Разработка проблем композитообразования немецкого языка в зарубежной германистике // Проблемы словообразовательной и семантической структуры слова в германо-романских языках. Горький, 1981. С. 3-7.
3. Врублевская О. В. Названия торжественных мероприятий: прагмалингвистический аспект (на материале русских и немецких номинаций): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоград, 2006. 172 с.
4. Красных В. В. Грамматика и словарь лингвокультуры как предмет современных исследований // Язык, сознание, коммуникация. Москва: МАКС Пресс, 2020. Вып. 62. С. 4-15.
5. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград: Перемена, 2004. 288 с.
6. Навашева В. А. Особенности номинации народных праздников в калмыцком и немецком языках // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 31. Вып. 2. С. 49-54.
7. Список всех праздников в Германии: национальные, народные, популярные праздники по датам празднования. Доступ: <https://ru-geld.de/holidays/list>. (дата обращения: 08.11.2021).
8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: Наука, 1973. 366 с.
9. Усова Н. В. К вопросу отонимной деривации в немецком языке // Расширяя границы лингвистики: сборник в честь 70-летия доктора филологических наук, профессора Владимира Дмитриевича Калиущенко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. С. 273-281.
10. Чеснокова П. Геортонимы: тенденции развития и сферы влияния // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 2(56). С. 46-50.
11. All Festivals. Available at: <https://www.festivalticker.de/alle-festivals>. (accessed: 08.11.2021).
12. CTM_Festival. Available at: <https://www.ctm-festival.de/> (accessed: 08.11.2021)
13. Feiertage Deutschland. Termine & Infos. Available at: <https://www.feiertage-deutschland.de/2021/> (accessed: 08.11.2021).
14. Feiertage in Deutschland sowie internationale Fest- & Feiertage und Ferien 2021, 2022 etc. Available at: <http://www.feiertage-newsletter.de/> (accessed: 08.11.2021).
15. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1971. 327 p.
16. Schlagermove. Available at: <https://www.hamburg.de/schlagermove>. (accessed: 06.05.2022).
17. Stock E. Deutsche Intonation. Berlin, München, Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1999. 144 p.
18. Wutzrock. Available at: <https://www.wutzrock.de/news/wutzrock-2022-vom-12-13-august-am-eichbaumsee.html>. (accessed: 08.05.2022).

СПИСОК ЛЕКSIKOGPAФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / ред. А. В. Суперанская. Москва: Наука, 1978. 199 с.
2. Duden. Available at: <https://www.duden.de>. (accessed: 08.11.2021).

REFERENCES

1. Vasileva, G. M. (2013). «Duhovnye skrepy» rossiyskogo obshchestva v zerkale yazykovoy otsenki [«Spiritual braces» of Russian society in the mirror of language assessment]. In *Obshchestvo – Sreda – Razvitie*. No. 1 (26). Pp. 198-202. (In Russ.).
2. Vashunin, V. S. (1981). Razrabotka problem kompozitoobrazovaniya nemetskogo yazyka v zarubezhnoy germanistike [Development of the problems of the German language composite formation in foreign German studies]. In *Problemy slovoobrazovatel'noy i semanticheskoy struktury slova v germano-romanskikh yazykakh*. Gorkiy. Pp. 3-7. (In Russ.).
3. Vrublevskaya, O. V. (2006). *Nazvaniya torzhestvennykh meropriyatiy: pragmalingvisticheskiy aspekt (na materiale russkikh i nemeckikh nominatsiy)* [Names of solemn events: pragmalinguistic aspect (based on the Russian and German nominations)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Volgograd. (In Russ.)
4. Krasnykh, V. V. (2020). Grammatika i slovar lingvokultury kak predmet sovremennykh issledovaniy [Grammar and vocabulary of linguistic culture as a subject of modern research]. In *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Moskva: MAKS Press. Iss. 62. Pp. 4-15. (In Russ.).
5. Kryukova, I. V. (2004). *Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretsedentnosti* [Advertising name: from invention to precedent]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
6. Navasheva, V. A. (2016). Osobennosti nominatsii narodnykh prazdnikov v kalmytskom i nemetskom yazykakh [The nomination features of folk holidays in the Kalmyk and German languages]. In *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. Issue 2. Humanities. Vol. 31. Pp. 49-54. (In Russ.).
7. *Spisok vseh prazdnikov v Germanii: natsionalnye, narodnye, populyarnye prazdniki po datam prazdnovaniya* [List of all holidays in Germany: national, folk, popular holidays by dates of celebration]. Available at: <https://ru-geld.de/holidays/list>. (accessed: 08.11.2021). (In Russ.).
8. Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The general theory of a proper name]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
9. Usova, N. V. (2016). K voprosu otonimnoy derivatsii v nemetskom yazyke [To the question of derivation on the basis of onyms in the German language]. In *Rasshiryaya granitsy lingvistiki: Sbornik v chest 70-letiya doktora filologicheskikh nauk, professora Vladimira Dmitrievicha Kaliušchenko..* Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pp. 273-281. (In Russ.).
10. Chesnokova, P. (2011). Geortonimy: tendentsii razvitiya i sfery vliyaniya [Geortonyms: development trends and spheres of influence]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2(56). Pp. 46-50. (In Russ.).
11. *All Festivals*. Available at: <https://www.festivalticker.de/alle-festivals>. (accessed: 08.11.2021).
12. *CTM_Festival*. Available at: <https://www.ctm-festival.de>. (accessed: 08.11.2021).
13. *Feiertage Deutschland. Termine & Infos*. Available at: <https://www.feiertage-deutschland.de/2021>. (accessed: 08.11.2021).
14. *Feiertage in Deutschland sowie internationale Fest- & Feiertage und Ferien 2021, 2022 etc.* Available at: <http://www.feiertage-newsletter.de>. (accessed: 05.10.2022).
15. Fleischer, W. (1971). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut.
16. *Schlagermove*. Available at: <https://www.hamburg.de/schlagermove>. (accessed: 06.05.2022).
17. Stock, E. (1999). *Deutsche Intonation*. Berlin, München, Leipzig: Verlag Enzyklopädie.
18. *Wutzrock*. Available at: <https://www.wutzrock.de/news/wutzrock-2022-vom-12-13-august-am-eichbaumsee.html>. (accessed: 08.05.2022).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Podolskaya, N. V. (1978). *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
2. *Duden*. Available at: <https://www.duden.de>. (accessed: 08.11.2021).

Усова Нина Васильевна – доктор филологических наук, доцент кафедры германской филологии (e-mail: n.usova@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Чеботаревская Ксения Сергеевна – студентка факультета иностранных языков (e-mail: chebotarevskaya.ksenia@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Usova Nina V. – Doctor of Philology, Associate Professor of German Philology Department (e-mail: n.usova@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Chebotarevskaya Kseniya S. – Student of Foreign languages Department (e-mail: chebotarevskaya.ksenia@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 28 октября 2022 г.

ГОДОНИМЫ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ

В статье рассматриваются годонимы английского и немецкого языков, многие из которых приобрели коннотативные значения. Выявляется обусловленность этих наименований, выясняются причины появления у носителей определённой лингвокультуры конкретных коннотативных значений в сфере национальных годонимов.

Ключевые слова: годоним, городская топонимия, менталитет, референтное значение, коннотативный топоним.

© 2022 E. V. Filatova

HODONYMS IN GERMANIC LANGUAGES AS LINGUOCULTURAL SPATIAL FEATURES

English and German hodonyms with connotative meanings are considered in the article. The determination of these proper names is revealed, the causes of occurrence of certain connotative meanings in national hodonyms among native speakers of the definite lingual culture are found out.

Key words: hodonym, urban toponymy, mentality, referent meaning, connotative toponym.

1. Вводные замечания

Одной из разновидностей городской топонимии являются названия улиц – годонимы. Они представляют собой самый подвижный и изменяемый пласт лексики, являющийся зеркалом национальной культуры и содержащий большой объем информации о быте, традициях, устоях, своеобразии менталитета и особенностях миропонимания, характеризующих то или иное языковое сообщество. Годонимы позволяют не только увидеть историю городов глазами далеких предков [Шмелёва, 1987], но и ориентироваться в городе, наблюдая переплетение в нём истории и современности.

Названия улиц приравниваются к архитектурным памятникам, историческим документам, включают в себе важную культурно-историческую информацию, связанную с духовной и материальной жизнью народа или природой. Они могут указывать на физико-географические и исторические особенности, которые нередко уже отсутствуют.

Многие топонимы развили референтные значения и регулярно употребляются в речи в одних случаях как обычные собственные имена, в других же – в качестве проприальных единиц, получивших дополнительные оценочные, т. е. коннотативные, характерологические созначения. Этот вид «вторичной» номинации, когда отонимные лексические единицы используются вместо нарицательных имен существительных, встречается в разных стилях и жанрах речи, чаще в публицистике и разговорной речи.

Почти во всех случаях эти коннотативные созначения появились и закрепились в семантической структуре собственных имен в результате метонимизации, создав обширный, довольно богатый аллюзивный арсенал лексических средств для выражения субъективно-объективных отношений. К настоящему времени они из случайных, окказиональных фактов стали закономерными и приобрели постоянный лексико-семантический статус.

Актуальность исследования обусловлена постоянно растущим интересом к лингвокультурологической специфике германских топонимов, необходимостью дальнейшей систематизации накопленных знаний.

Существует огромное количество разнообразных подходов к описанию и классификаций проприальной лексики. Донецкая ономастическая школа базируется на фундаментальных работах Е. С. Отин и В. М. Калинин [Отин, 2004; Калинин, 1999]. Во время написания статьи автору приходилось обращаться к работам следующих российских и белорусских лингвистов [Артемова, 2014; Давлеткулова, 2014; Муравлева, 2012; Никонов, 1960; Поспелов, 1971, 2000; Ратникова, 2003; Рум, Колесников, Пасечник, 1978; Хохлова, 2017]. На английском языке были проработаны труды исследователей [Alexiadou, 2019; Giegerich, 2004; Klassen, 2021; Van Langendonck, Van de Velde, 2016].

2. Основная часть

В нашу задачу входит рассмотрение топонимов английского и немецкого языков. У носителей конкретной лингвокультуры появились и установились коннотативные значения национальных собственных имен (топонимов). Без точных знаний этих значений иностранцам-филологам, переводчикам, туристам трудно, а подчас и невозможно адекватно понять ту или иную информацию, в которой в качестве органических речевых элементов использованы коннотативные онимы.

Рассмотрим ряд английских топонимов.

Аве Мариа Лейн (*Ave Maria Lane*), **Амен-корнер** (*Amen Corner*) – переулки, на которых жили клерки, зарабатывавшие на жизнь перепиской церковных текстов и молитв. Название воспринимается как символ места.

Бейкер-стрит (*Baker Street*) – оживленная улица в лондонском районе Мэрилебон (северная часть Вестминстера). Является частью шоссе А-41. Наиболее известна в связи со знаменитым персонажем Артура Конан Дойля частным детективом Шерлоком Холмсом. Согласно замыслу автора, великий сыщик жил на Бейкер-стрит, в доме 221-Б, которого в реальности не существует. Улица получила название в честь строителя Уильяма Бейкера, проложившего ее в XVIII веке. Первоначально здесь было место

жительства для высшего сословия, однако в наши дни на Бейкер-стрит в основном располагаются коммерческая и торговая недвижимость. Название ассоциируется с детективной деятельностью.

Булл Элли (*Bull Alley*) – название переулка связано с вывеской, изображавшей быка. Такие вывески часто обозначали таверну, в которой происходила популярная в средние века травля собаками привязанного быка (*bull-baiting*).

Вормвуд-стрит (*Wormwood Street*), **Камомайл-стрит** (*Camomile Street*) – улицы в районе бывшей городской стены, окружавшей средневековый Лондон (согласно положению, существовавшему в средние века, внутри городской стены должна была оставаться свободной от застройки полоса земли шириной 16 футов; на этой пустующей земле горожане выращивали полынь (*wormwood*) и ромашку (*camomile*), применявшиеся в лечебных целях).

Глассхаус Элли (*Glasshouse Alley*) – улица, где находилась мастерская по изготовлению одной из лучших марок стекла. Улица лучших изготовителей стекла.

Груб-стрит (*Grub Street*) – название улицы в Лондоне, на которой в XVII-XVIII вв. жили представители нишей литературной богемы. Рассадник литературной халтуры. Современное название – Милтон-стрит. Существует выражение *Grub-street hack* – наемный писака, ремесленник пера, борзописец; низкопробный, халтурный (о книге и т. п.).

Даунинг-стрит (*Downing Street*) – одна из самых известных улиц Лондона. Она была застроена во второй половине XVII века политическим деятелем сэром Джорджем Даунингом, политическим авантюристом, владевшим некоторыми домами на этой улице. Здесь в доме номер 10 помещается резиденция премьер-министра и в доме номер 11 – резиденция канцлера казначейства. Название улицы употребляют в значении 'правительство'.

Друри Лейн (*Drury Lane*) – улица получила имя сэра Уильяма Друри, к резиденции которого она вела. Дом сэра Уильяма Друри был построен во времена королевы Елизаветы I. Придворные, собиравшиеся в его доме, были причастны к восстанию графа Эссекского. За домом был разбит небольшой сад. Ещё в XVIII веке Друри Лейн прослыла в английской литературе логовом разврата – здесь были устроены многочисленные притоны и распивочные.

Каукросс-стрит (*Cowcross Street*) – улица, по которой в средние века прогоняли скот на бойню (в середине улицы стоял крест). Символизирует жалкую участь и путь в один конец.

Ковент-Гарден (*Covent Garden*) – улица, проходящая по земле, принадлежащей

Вестминстерскому аббатству (*Covent Garden* – искаж. от *convent garden*). Монахи, владевшие этой землей до середины XVII в., выращивали на ней для продажи овощи и фрукты. С 1661 до 1974 г. на этой улице находился главный лондонский оптовый рынок фруктов, овощей и цветов (ныне он переведен в район Воксхолл – *Vauxhall*).

Кок Лейн (*Cock Lane*) – переулочек в Сити, где с XII в. выращивали и продавали бойцовых петухов (петушиные бои были очень популярным развлечением в средневековом Лондоне).

Лайм-стрит (*Lime Street*) – улица в Лондонском сити между Фанчёрч-стрит на юге и Лиденхолл-стрит на севере. На Лайм-стрит находится штаб-квартира всемирно известного страхового рынка *Lloyd's of London*. Архитектор Ричард Роджерс, один из создателей стиля хай-тек, придал зданию *Lloyd's of London* необычную форму. Здание служило местом съёмки фильма «Мамма Миа!». Рядом с Лайм-стрит находится ещё одно примечательное здание архитектора Нормана Фостера – небоскрёб Мэри-Экс, названный за свою необычную форму «огурцом». Улица получила своё название от гашеной извести, которую продавали на этой улице для использования в строительстве.

Ломбард-стрит (*Lombard Street*) – центральная улица в Лондонском Сити, деловой части Лондона, на которой располагались крупнейшие банки и другие финансовые организации. С 1691 года здесь находилась знаменитая кофейня Э. Ллойда, положившая начало крупной финансовой корпорации *Lloyd's of London*. Как и Уолл-стрит в Нью-Йорке, Ломбард-стрит является символом, олицетворяющим деловую жизнь города и страны. Название произошло от итальянской провинции Ломбардия, столицей которой является Милан, где, как и в других городах Италии, появились первые банки. Среди основателей первых банков Англии были выходцы из Ломбардии (один из сыновей Ротшильда), поэтому улица с банками в Лондоне была названа Ломбардской. В настоящее время многие крупнейшие банки и другие финансовые институты переехали в новую деловую часть Лондона – на Собачий остров (*Isle of Dogs*), в район старых верфей и доков Кэнэри-Уорф в восточной части Лондона. Жизнь меняется – история остаётся.

Мейфэр (*Mayfair*) – район в центральном Лондоне, к востоку от Гайд-парка. В настоящее время является торговым районом, многие жилые дома перестроены в штаб-квартиры крупных корпораций, посольств, хедж-фондов и для сдачи в аренду недвижимости под офисы. Также в районе значительное количество как жилой недвижимости, так и некоторых дорогих магазинов и ресторанов, а также самая высокая концентрация пятизвёздочных отелей в Лондоне. Арендная плата здесь одна из самых высоких в Великобритании и мире. Название означает всего-навсего 'Майская ярмарка'.

Но ярмарки там проводились в средние века, а теперь это район, в котором невозможно купить дом, даже имея огромные деньги. Дома по двести лет принадлежат одним и тем же семьям, «выскачок» сюда не пускают.

Оксфорд-сквер (*Oxford Square*), **Кембридж-сквер** (*Cambridge Square*) – площади в Лондоне, основанные на землях, которые принадлежали Оксфордскому и Кембриджскому университетам (в XV в. эти земли были пожертвованы данным университетам для оплаты студенческих стипендий).

Олдвич (*Aldwych*) – своё название улица получила от старинного английского *eald and wic*, означающего ‘old settlement’ – старое поселение. В 1211 году было записано как *Aldewich*. В седьмом столетии здесь находилось англо-саксонское поселение и торговый центр, имевшие название *Lundenwic* – Лондонское поселение. Оно находилось на расстоянии примерно в одну милю к западу от Лондиниума, или Лондонского форта, по-саксонски. Предполагается, что здесь, в устье реки Флит (*River Fleet*), находился причал и стоянка торговых и рыбацких судов. Подтверждение этому было найдено в ходе строительных работ, во время которых были произведены археологические исследования данного места. Современная улица *Aldewich* появилась в начале двадцатого века. Тогда же были построены такие здания как Дом Австралии (1912-1913 гг.) и Буш-хаус (1925). В 1905 году напротив церкви Святого Клементя (восточная часть улицы *Aldewich*) был установлен памятник премьер-министру Уильяму Гладстоуну.

Пикадилли (*Piccadilly*) – одна из самых широких и оживлённых улиц в историческом центре Лондона – Вестминстере. Пролегает от площади Пикадилли (на востоке) до Гайд-парка (на западе). Главная местная достопримечательность – здание Королевской академии художеств. До XX века область в районе улицы была известна как Португалия, позднее сама улица носила название Португальской. Название «Пикадилли» получила от особняка Роберта Бэйкера, который в начале XVII века сколотил состояние, торгуя модными воротничками-«пикадилами» (*picadils*) – жёсткими воротничками с зубчатыми краями и широким шнурком, стягивающимся по краям. В 1612 году он покупает в районе улицы часть земли и строит на ней дом. Позднее его особняк получил название Пикадилли-холл. После восстановления английской монархии в 1660 году, *Piccadilly* и область к северу (Мэйфэр) начали застраиваться роскошными домами. В XVII и XVIII веках здесь строили дома вельможи и аристократы, позднее – нувориши вроде Ротшильдов. В то время самые фешенебельные особняки Лондона появлялись именно на северной стороне Пикадилли.

Рагби-стрит (*Rugby Street*) – улица в Лондоне, возникшая на земле, которая

принадлежала одной из старейших мужских частных школ Рагби (сама школа находится в г. Рагби, графство Уорикшир).

Сохо (*Soho*) – родина стриптиза, киностудий и международного кулинарного искусства. Сохо – это место для покупок и круглосуточных развлечений. Возможно, что название Сохо происходит от древнего охотничьего клича – СО-ХО (вот так!), т. е. восходит к тем временам, когда в этом районе была еще деревня.

Стрэнд (*the Strand*) – ‘берег’. Название *Stronde* встречается уже в 1185 г., но вполне возможно, что оно более древнего происхождения. Дорога в то время проходила по самому берегу Темзы, но с течением времени у реки отвоевывали новые участки земли, а после постройки набережной Виктории (*Victoria Embankment*) улица Стрэнд оказалась на значительном расстоянии от Темзы.

Уордор-стрит (*Wardour Street*) – лондонская улица, на которой много антикварных магазинов. Существует выражение *Wardour-street English* – речь, уснащенная архаизмами.

Флит-стрит (*Fleet Street*) – улица в лондонском Сити. С конца XVI века здесь стали появляться офисы основных лондонских газет, позднее – информационных агентств (например, Рейтер). Хотя многие СМИ в последнее время переехали в другие районы, за Флит-стрит прочно закрепилась репутация цитадели британской прессы. Употребляется в значении ‘пресса, мир журналистики’.

Харли-стрит (*Harley Street*) – улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей-консультантов. Имеет коннотативное значение ‘медицинский центр, медицинское сосредоточение’.

Чипсайд (*Cheapside*) – улица в Сити, на которой в течение многих веков находился главный рынок Лондона. Так как Чипсайд (‘дешевая сторона’) представляла собой не рыночную площадь, а широкую улицу, которая использовалась для народных гуляний и для торжественного проезда лорд-мэра Сити, торговля на ней имела строгие ограничения, что привело в дальнейшем к закрытию рынка. Но до сих пор улицы и переулки, расположенные вблизи Чипсайд, носят названия товаров, которые там продавались или хранились: *Bread* (‘хлеб’) *Street*, *Honey* (‘мёд’) *Lane*, *Milk* (‘молоко’) *Street*, *Poultry* (‘домашняя птица’), *Wood* (‘древесина’) *Street*.

Эйнджел-стрит (*Angel Street*), **Эйнджел Корт** (*Angel Court*) – названия улиц связаны с вывеской, изображавшей ангела. В средние века считалось, что такое изображение защищает дом и его обитателей от козней нечистой силы.

Юникорн Пэssidж (*Unicorn Passage*) – название улицы произошло от одной из вывесок, изображавшей единорога. В средние века такие вывески использовали

владельцы гостиниц как знак того, что их постояльцам не угрожает отравление, а также аптекари, которые приписывали этому мифическому животному способность излечивать людей от многих болезней.

В немецком языке есть ряд годонимов для любителей делать покупки, так называемых «шопоголиков». Приведем ряд примеров.

Людгериштрассе (*Ludgeristraße*), **Мюнстер**. Эта улица для любителей одеваться ярко, стильно и нетрадиционно, независимо от моды. Специально для «фриков» на ней работают многочисленные эксклюзивные магазины с уникальными вещами. Здесь бывают туристы и обычные горожане, решившие посидеть в одном из многочисленных кафе.

Мёнкебергштрассе (*Mönckebergstraße*), **Гамбург**. Это одна из двух главных торговых магистралей Гамбурга. Она удобно расположена в самом центре города; существенный недостаток: обычно торговые улицы закрыты для автотранспорта, а *Mönckebergstraße* переполнена машинами и автобусами, поэтому тем, кто предпочитает делать покупки в спокойных пешеходных зонах, лучше оправиться на *Spitaler Straße*. Улица Мёнкебергштрассе – это старинные фасады в сердце ганзейского Гамбурга, это современные торговые центры и старинные универмаги, в которых выставлен широкий ассортимент товаров. Это магазины в превосходной степени, в том числе, самый большой спортивный магазин Европы, крупнейший магазин бытовой техники в мире и самый большой обувной магазин Европы. В старинных зданиях на улице «Мё», как жители Гамбурга любовно именуют главную торговую зону города, расположены крупные универмаги. Фешенебельный бульвар между главным железнодорожным вокзалом Гамбурга и городской ратушей, застроенный в начале XX века, олицетворял экономическую мощь ганзейской столицы и по сей день не оставляет равнодушными гостей Гамбурга со всего мира, которые прогуливаются по нему.

Хоэ штрассе (*Hohe Straße*), **Кельн**. 680-метровая улица, находящаяся между *Wallrafplatz* и *Hohe Pforte*, появилась еще в древние времена Римской Империи и сегодня стала одной из самых оживленных торговых магистралей Германии. На этой улице ждут абсолютно всех вне зависимости от доходов. Ассортимент товаров в местных магазинах очень широк: от самых дешевых вещей и добротной одежды для среднего класса до невероятно дорогих предметов роскоши.

Кирхгассе (*Kirchgasse*), **Висбаден**. Наряду с *Langgasse* переулок *Kirchgasse* – любимейший адрес висбаденских шопоголиков. В нем расположены самые известные и дорогие бутики, ювелирные магазины и рестораны. *Kirchgasse* переводится как 'Церковный переулок'. Это название появилось благодаря храму *Mauritiuskirche*, который

сгорел в 1850 году, и сейчас на его месте находится *Mauritius*-сквер. Арендная плата в этих местах составляет около 130 евро за квадратный метр, что делает *Kirchgasse* вторым по дороговизне местом в Германии после Франкфурта.

Каролиненштрассе (*Karolinenstraße*), **Нюрнберг**. *Karolinenstraße* – самая популярная торговая улица города – находится в самом центре старого Нюрнберга. Часть ее полностью отдана пешеходам, поэтому семьи с детьми могут спокойно ходить по магазинам, не беспокоясь, что ребенок может оказаться под колесами автомобиля. На улице много достопримечательностей, так что шопинг вполне можно совместить с культурной программой.

Шпиталер штрассе (*Spitaler Straße*), **Гамбург**. Первенство среди торговых улиц Гамбурга принадлежит именно *Spitaler Straße*. Чтобы перемещаться по магазинам на разных сторонах улицы, не приходится даже переходить дорогу – *Spitaler Straße* полностью отдана пешеходам и является пятой из самых оживленных улиц в стране. Это один из лучших адресов для совершения покупок в Гамбурге. Пешеходная зона проходит параллельно *Mönckebergstraße*.

Кёнихштрассе (*Königstraße*), **Штутгарт**. Королевская улица появилась в 1806 году. Она начинается на привокзальной площади *Arnulf-Klett-Platz* и тянется на юго-запад к *Rotebühlplatz*. Туристов на *Königstraße* привлекают основные достопримечательности – Старый и Новый дворцы на *Schloßplatz* в самом центре улицы. В пешеходной зоне расположены не только популярные бутики, но и фондовая биржа, музей искусств Штутгарта.

Шильдергассе (*Schildergasse*), **Кельн**. Довольно протяженный 500-метровый переулок проложен от *Neumarkt* до *Hohen Straße*. Здесь всегда много местных жителей и гостей города, которые хотят посмотреть основные достопримечательности – дом *Mirrweiler*, старинную аптеку *Goldhofapotheke* и церковь *Antonienkirche*. Здесь находится торговый центр «*Peek&Cloppenburg*», знаменитый своим футуристическим архитектурным решением. Магазины находятся в абсолютно прозрачном здании в форме яйца с общей площадью остекления около 5000 кв. м.

Цейль (*Zeil*), **Франкфурт**. На улице огромное количество всевозможных магазинов на любой вкус. Наибольшее число покупателей привлекает открытый в 1992 году огромный универмаг *Zeilgalerie*. Громадный 10-этажный торговый комплекс создан по уникальному спиральному проекту: можно гулять по нему, не пользуясь лестницами или эскалаторами.

Вильгельмштрассе (*Wilhelmstraße*) – знаменитая берлинская улица, расположена в районах Митте и Кройцберг. На Вильгельмштрассе располагались правительственные

учреждения Пруссии и Германской империи. До 1945 года «Вильгельмштрассе» – нарицательное обозначение имперского правительства так же, как Уайтхоллом называют правительство Великобритании. Улица ведёт в направлении с севера на юг. На севере она начинается у набережной Рейхстага (*Reichstagsufer*), пересекает бульвар Унтер-ден-Линден у восточной стороны Парижской площади и Лейпцигскую улицу и заканчивается у Галльской набережной (*Hallesches Ufer*) вблизи Галльских ворот (*Hallesches Tor*) в Кройцберге. На участке между улицей Беренштрассе (*Behrenstraße*) и Унтер-ден-Линден Вильгельмштрассе она в целях безопасности британского посольства закрыта для автотранспорта. К началу XIX века на Вильгельмштрассе разместились ключевые министерства Пруссии. С 1871 года на Вильгельмштрассе расположились правительственные учреждения Германской империи. В непосредственной близости возводились здания иностранных посольств. Во Вторую мировую войну многие здания на Вильгельмштрассе были разрушены и после 1945 года были снесены. В 1980-е годы на участке между Беренштрассе и Фосштрассе (*Vofßstraße*) были построены предприятия торговли и панельные жилые дома с красиво оформленными фасадами, где проживали высокопоставленные номенклатурные работники ГДР. В настоящее время по инициативе Парламента Берлина на Вильгельмштрассе работает постоянная выставка, рассказывающая о памятных сооружениях улицы.

Курфюрстендамм (*Kurfürstendamm*, сокращённо *Кудамм* (*Ku'damm*)) – знаменитый бульвар Берлина, одна из основных автомобильных магистралей в берлинском округе Шарлоттенбург-Вильмерсдорф. Улица протяжённостью 3,5 км начинается у площади Брайтшайдплац (*Breitscheidplatz*) и ведёт к площади Ратенауплац (*Rathenauplatz*). Кудамм известна как популярное место для прогулок, покупок и развлечений. Прообразом Кудамм послужили Елисейские поля. До начала Первой мировой войны степенный Курфюрстендамм в окружении дорогих жилых кварталов стал стремительно превращаться в центр развлечений, покупок и общения. Курфюрстендамм стал местом для тех, кто хочет себя показать и людей посмотреть. Став сценой для буржуазного самовыражения и культурных открытий, Курфюрстендамм с его «Кафе Запада» и Луна-парком вскоре составил достойную конкуренцию признанной «витрине» города Унтер-ден-Линден. Зенит Курфюрстендамм пришёлся на первые десятилетия XX в. В 1913 году на этой изысканной улице проживало 120 миллионеров. Бульвар называли самым большим кафе Европы. Жизнь на Курфюрстендамм была ключом: здесь, в частности в знаменитом Романском кафе, встречались артисты и художники, в кинотеатрах шли премьеры немых и первых звуковых фильмов. Курфюрстендамм стала для многих

синонимом «золотых двадцатых» годов Германии (1924–1929 годы). В нацистской Германии многочисленные запреты в политической и культурной жизни повлекли серьезные изменения и на Курфюрстендамм. Флёр Курфюрстендамм ещё сыграл свою роль во время Олимпийских игр 1936 года, но то, что он нёс в себе – интеллектуальную живость, космополитизм, полёт творчества, провокативность, свободу, предпринимательскую жилку, духовность и культуру – не отвечало национал-социалистической идеологии и всё более подвергалось регламентации властями. После высылки и истребления евреев прежний дух Кудамма был окончательно уничтожен. Воздушные налёты союзников во Вторую мировую войну на Курфюрстендамм пережили лишь 43 дома. Восстановление улицы пришлось на период холодной войны, и Курфюрстендамм стал витриной Запада и символом экономического чуда. После разделения Берлина и денежной реформы 1948 года Курфюрстендамм, а точнее его восточная часть вблизи вокзала «Зоологический сад», стала торговым центром Западного Берлина. После падения Берлинской стены Курфюрстендамм несколько потерял в значимости, центр города сместился в его историческую часть в район Берлин-Митте. Дополнительную конкуренцию Курфюрстендамм стал составлять новый квартал на Потсдамской площади. Курфюрстендамм постепенно превращается в улицу эксклюзивных магазинов.

Одеонсплац (*Odeonsplatz*) – площадь в Мюнхене, была заложена королём Баварии Максимилианом I на месте разрушенной в 1791 году городской стены рядом с церковью Театинеркирхе. Строительство продолжалось в 1816–1828 гг. Были разрушены Швабингские ворота в 1817 году, площадь стала началом улиц Бриеннерштрассе и Людвигштрассе. Активно участвовал знаменитый архитектор Лео фон Кленце, построивший в 1826–1828 гг. концертный зал Одеон. В 1817–1821 гг. был построен дворец Лойхтенберг, во многом копирующий Палаццо Фарнезе. Дополнил архитектурный ансамбль площади Фельдхеррnhалле, возведенный в 1841–1844 гг. по проекту Гертнера. В 1862 году Макс фон Виднман установил памятник королю Людвигу I в виде всадника. Известность площади добавил и трагически завершившийся здесь известный марш НСДАП по Мюнхену 9 ноября 1923 года, заключительная часть «Пивного путча».

3. Выводы

Думается, всех этих сведений достаточно, чтобы убедиться в том, насколько важна сфера коннотативных онимов при подготовке, например, гидов-переводчиков, насколько она объемна, актуальна, а главное, подвижна. Особенно важно, что коннотативные значения постоянно развиваются, а значит, проблема коннотативной онимии каждого

иностранного языка должна быть в процессе постоянного изучения и исследования, без чего вообще невозможно подготавливать высококвалифицированных специалистов в области иностранных языков. Помимо чисто лингвистических знаний, коннотативная онимия содержит важнейшие сведения в области культуры, истории, мировосприятия и менталитета другого народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемова А. Ф. Страноведение через идиоматику. Москва: ФЛИНТА, 2014. 128 с.
2. Давлеткулова Л. Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте (на примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2014. 220 с.
3. Калинин В. М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
4. Никонов В. А. Введение в топонимику. Москва: Наука, 1960. 180 с.
5. Поспелов Е. М. Топонимика и картография. Москва: Мысль, 1971. 256 с.
6. Ратникова И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск: БГУ, 2003. 214 с.
7. Хохлова В. А. Фразеологические единицы с топонимическим компонентом в английском и украинском языках: лингвокультурологический аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Донецк, 2017. 234 с.
8. Шмелёва Т. В. Современная годонимия: семантика и семиотика // Лингвистическое краеведение. Пермь, 1991. С. 33-37.
9. Alexiadou A. Proper name compounds: A comparative perspective // English Language and Linguistics. Cambridge University Press, 2019. 23 (4). P. 855-877.
10. Giegerich, H. Compound or phrase? English noun-plus-noun constructions and the stress criterion // English Language and Linguistics, 2004. 8 (01). P. 1-24.
11. Klassen, K. Proper name theory and implications for second language reading // Language Teaching. Cambridge University Press, 2021. 55 (2). P. 149-155.
12. Van Langendonck, W., Van de Velde, M. Names and grammar // The Oxford handbook of names and naming. Oxford, UK: Oxford University Press, 2016. P. 17-38.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Муравлева Н. В. Германия. Лингвострановедческий словарь. Москва: АСТ, 2012. 992 с.
2. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток, 2004. 412 с.
3. Поспелов Е. М. Географические названия. Топонимический словарь. Москва, 2000. 512 с.
4. Рум А. Р. У., Колесников Л. В., Пасечник Г. А. Великобритания: Лингвострановедческий словарь: 9500 единиц. Москва, 1978. 480 с.

REFERENCES

1. Artemova, A. F. (2014). *Stranovedenie cherez idiomatiku* [Regional geography through idiomatics]. Moskva: FLINTA. (In Russ.).
2. Davletkulova, L. N. (2014). *Toponimy v lingvokulturologicheskom aspekte (na primere geograficheskikh nazvaniy grafstva Oksfordshir i Chelyabinskoy oblasti* [Toponyms in linguocultural aspect (based on example of geographical names of Oxfordshire and Chelyabinsk district)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Chelyabinsk. (In Russ.).
3. Kalinkin, V. M. (1999). *Poetika onima* [Onym's poetics]. Donetsk: Yugo-Vostok.

(In Russ.).

4. Nikonov, V. A. (1960). *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

5. Pospelov, E. M. (1971). *Toponimika i kartografiya* [Toponymy and cartography]. Moskva: Mysl (In Russ.).

6. Ratnikova, I. E. (2003). *Imya sobstvennoe: ot kulturnoy semantiki k yazykovoy* [Proper name: from cultural semantics to language one]. Minsk: BGU. (In Russ.).

7. Khokhlova, V. A. (2017). *Frazeologicheskie edinitsy s toponimicheskim komponentom v angliyskom i ukrainskom yazykakh: lingvokulturologicheskiy aspekt* [Phraseological units with a toponymic component in English and Ukrainian: linguocultural aspect]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Donetsk. (In Russ.).

8. Shmeleva, T. V. (1991). *Sovremennaya godonimia: semantika i semiotika* [Modern hodonymy: semantics and semiotics]. In *Lingvisticheskoe kraevedenie*. Perm. Pp. 33-37. (In Russ.).

9. Alexiadou, A. (2019). Proper name compounds: a comparative perspective. In *English Language and Linguistics*. Cambridge University Press. 23 (4). Pp. 855-877.

10. Giegerich, H. (2004). Compound or phrase? English noun-plus-noun constructions and the stress criterion. In *English Language and Linguistics*. 8 (01).Pp. 1-24.

11. Klassen, K. (2021). Proper name theory and implications for second language reading. In *Language Teaching*. Cambridge University Press. 55 (2). Pp. 149-155.

12. Van Langendonck, W., Van de Velde, M. (2016). Names and grammar. In *The Oxford handbook of names and naming*. Oxford, UK: Oxford University Press. Pp. 17-38.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Muravleva, N. V. (2012). *Germania. Lingvostranovedcheskiy slovar* [Germany. Dictionary of linguistic and cultural studies]. Moskva: AST. (In Russ.).

2. Otin, E. S. (2004). *Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of connotative proper names]. Donetsk: Yugo-Vostok. (In Russ.).

3. Pospelov, E. M. (2000). *Geograficheskie nazvaniya. Toponimicheskiy slovar* [Geographical names. Dictionary of toponyms]. Moskva. (In Russ.).

4. Rum, A. R. U., Kolesnikov, L. V., Pasechnik, G. A. (1978). *Velikobritaniya: Lingvostranovedcheskiy slovar* [Great Britain: Dictionary of linguistic and cultural studies]: 9500 edinits. Moskva. (In Russ.).

Филатова Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей (e-mail: e.filatova@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Filatova Elena V. – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of English for Natural Sciences and Humanities Department (e-mail: e.filatova@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 25 ноября 2022 г.

УДК 811.111.ʹ42: 791.43-22

© 2022 Т. А. Ширяева, Д. А. Цымбалов

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению способов выражения комического в англоязычном кинодискурсе. Выделяются типы приемов вербального выражения комического, описываются и анализируются ситуации использования описанных приемов. Определяется частота использования разных типов комического.

Ключевые слова: юмор, комическое, кинодискурс, ирония, сарказм, сатира.

© 2022 T. A. Shiryaeva, D. A. Tsymbalov

LINGUISTIC FEATURES OF COMIC REPRESENTATION IN ENGLISH FILM DISCOURSE

The article is devoted to the study of means of comic representation in the English-language film discourse. Means of verbal manifestation of the comic representation are distinguished and the cases of using the above-mentioned techniques are illustrated. The applying frequency of different types of comic representation is determined.

Key words: humour, comic representation, cinematic discourse, irony, sarcasm, satire.

Данное исследование посвящено изучению проблемы интерпретации комического при переводе кинофильмов. В работе была предпринята попытка классификации и анализа всех комических эпизодов из художественного фильма «Джентльмены» (ориг. «The Gentlemen»), что, впоследствии, призвано помочь изучению проблемы понимания и интерпретации комического в кинодискурсе.

Юмор всегда являлся одной из основополагающих тем в исследованиях представителей гуманитарных наук: философов, социологов, психологов, лингвистов, семиологов, переводчиков и ученых, изучающих межкультурную коммуникацию. Поэтому существует большое количество основных гуманитарных направлений в изучении данного понятия [Тищенко, 2018]. Понятие о юморе играет важную роль в лингвистических исследованиях в первую очередь потому, что элементы данного явления неразрывно связаны с культурой носителей любого языка. Здесь подчеркнем, что представления о юморе отличаются в различных культурах, поскольку отличается картина мира представителей каждой культуры.

Целью данного исследования является выявление приемов выражения комического в кинодискурсе и анализ ситуаций, в которых они используются.

Актуальность данного исследования обусловлена наличием большого количества неточностей, имеющих в переводе кинолент на русский язык, а также трудностью

передачи и адаптации культурных особенностей юмора в кинодискурсе [Нелюбина, 2013].

Предметом исследования является художественный фильм «Джентльмены» (*The Gentlemen*) реж. Гая Ричи. Выбор предмета анализа не случаен, так как работы данного режиссера известны во всем мире и переведены на множество языков, и, что немаловажно, считаются классикой мирового комедийного кинематографа. Однако, перевод шедевров режиссера во-многом отличается от языка оригинала именно адекватным переводом юмористических сюжетов, что представляет на сегодняшний день явную проблему, требующую решения.

В процессе исследования нами было отобрано и проанализировано 76 эпизодов, которые были расклассифицированы на 3 группы исходя из природы комического: сатира, ирония, сарказм.

В результате исследования нам удалось выявить наиболее частотные ситуации, для которых характерно использование вышеперечисленных видов.

Принимая во внимание большое количество подходов к изучению юмора, начнем с базового определения этого феномена, использующегося в лингвистике. Юмор – это социальное средство для снятия эмоционального напряжения и улучшения взаимоотношений между людьми [Зализняк, 2012: 554-557]. Юмор – это средство передачи различных чувств и мыслей, но он также может передавать отрицательные эмоции, которые обычно не принято открыто выражать в обществе. Если в шутке нет соответствия между формой и значением в лингвистическом единстве, то возникает лингвистический юмор. Здесь важно сослаться на лингвиста Г. Г. Почепцова, который считает, что эффект лингвистического юмора основан на качестве шутки и на говорящем, на его чувстве юмора, умении преподнести шутку, его отношении к ней [Почепцов, 1982].

Однако принципы восприятия юмора и реконструкции ментального образа ситуации, изучению которых посвящена данная работа, сильно разнятся. Они определяются не только значением слов, но и комплексом различных когнитивных процессов, находящихся в основе формирования и мысленной обработки высказывания, построения в уме образа ситуации и его изменения.

Для того, чтобы чувствовать и понимать смысл юмористических эпизодов, нам необходимо дифференцировать основные виды комического в кинодискурсе. В Большом Энциклопедическом Словаре «комическое» – «это категория эстетики, которая означает смешное, восходящее к игровому, самодеятельному смеху. В ходе развития обособляются несколько видов «комического» – ирония, юмор, сатира. Различаются высокие и забавные, шуточные виды [Duple, 2013]. Для «комического», отражающего противоречия реальности,

важна игра на утрировании величины предметов (карикатура), на фантастических сочетаниях (гротеск), сближении далеких понятий (острота)» [Прохоров, 2002].

Важно отметить, что при выборке юмористических эпизодов, на данном этапе исследования мы ограничились непосредственно репликами персонажей, то есть вербальной составляющей, оставив за фокусом исследования элементы визуального юмора, которые не менее важны и содержательно значимы.

Наиболее распространенным видом, который обнаруживается в исследуемом материале, является ирония. Такая широкая распространенность данного вида обусловлена тем, что указанное понятие имеет достаточно обширные границы и, может быть, даже типологизировано. Конечно, в данный момент в лингвистике нет устоявшегося типологического разделения данного понятия. Некоторые ученые предпринимают попытку типологизировать данное понятие, принимая во внимание различные аспекты. В данном исследовании мы будем полагаться на типологию, предложенную С. И. Походним, в работах которого ирония разделяется на ситуативную и ассоциативную. «Ситуативная ирония – более простое определение, поскольку контраст между контекстом и прямым значением единицы высказывания приводит к мгновенному созданию значения, противоположного буквальному. Важен тот факт, что ситуативная ирония опирается на текстовые пресуппозиции, в то время как системообразующими факторами ассоциативной иронии являются глобальные текстовые, экстралингвистические и интертекстуальные пресуппозиции. В свою очередь, ассоциативная ирония не позволяет сразу автоматически изменить значение высказывания на противоположное, но заставляет читателя обращаться к известным прецедентным феноменам для установления интеллектуального контакта с изображением или реальностью, что создает связь между независимыми друг от друга текстами и т. д.» [Походня, 1989: 128].

Итак, согласно теории С. И. Походни, «ирония – лингвистическое явление, представляющее собой преднамеренное выражение несоответствия буквального и подразумеваемого смысла слова или высказывания с целью насмешки, шутки и издевательства. Ирония обладает способностью выявлять широкую гамму эмоций и чувств говорящего – как отрицательных, так и положительных» [Походня, 1989: 128]. Данный феномен проявляется различными способами – с одной стороны, ее считают одним из тропов, а с другой, ученые присваивают ей статус философской категории. В обывательском сознании «под иронией понимают язвительную интонацию слова или высказывания, которую часто отождествляют с насмешкой, скрытой издевкой, или просто видят в ней шутливость, смех под маской притворной серьезности» [Ушаков, 2001: 345]. И. Б. Шатуновский как представитель современной концептуальной лингвистики, рассматривает иронию как

концепт. «Ядро концепта – это образ насмешливого человека. Далее идут такие признаки, как «скрытая насмешка», «притворная похвала», «противопоставление», «противоположный смысл», «двузначность» [Шатуновский, 2007: 156].

В открывающей сцене фильма «Джентльмены», главный герой заказывает в пабе бокал пива и маринованное яйцо (I'll have a pint and a pickled egg). Данный набор популярен в Англии практически в каждом пабе среди посетителей в силу своей дешевизны. И эта первая сцена фильма противоречит его названию «The gentlemen». Исходя из названия, зритель полагает, что в фильме речь пойдет об аристократах, однако в первом же кадре видит главного героя, заказывающего в баре закуску, которую обычно заказывают только представители рабочего класса. Так режиссер иронизирует над образом джентльмена, ломая представление о поведении протагониста.

Следом главный герой произносит фразу, которая является своеобразным эпиграфом фильма: «It's not enough to act like a king, you must be the king, because doubt causes chaos and one's own demise», примечательным в этом эпизоде является тот факт, что оборот *one's own* и слово *demise* и присущи высшему классу общества, и не используются в средних и низших слоях общества. Таким образом, режиссер снова иронизирует над главным героем, противопоставляя его витиеватую манеру речи его привычкам.

В одном из эпизодов репортер говорит: «*editor extraordinaire has developed terrible antipathy for your boss and his liquorish assortment of tasty mates*», таким образом, иронизируя над положением лордов поместий, которые финансово зависят от лидера преступной группы и фактически не имеют никакого влияния.

Еще одним примером иронии является реплика репортера, когда он рассказывает о скандальном инциденте, связанным с одним из лордов. «*It would appear that his lordship had had a quick spin on one of his attractive young footmen*». Репортер рассуждает о серьезной проблеме лорда с насмешкой, иронично вплетая оборот «*to have a quick spin*», который обычно используют, когда имеют в виду короткую поездку на дорогой машине, взятой взаймы. Также репортер явно пренебрежительно использует обращение «*his lordship*» по отношению к вышеупомянутому лорду, высмеивая его положение, что, безусловно, добавляет высказыванию репортера сатирический эффект.

Одним из характерных приемов, присущих данному режиссеру и сценаристу, считается противопоставление высокого слога, сложного построения предложений, художественных фразеологических оборотов с жаргоном и нецензурной лексикой в конце фразы. Благодаря этому приему Гай Ричи достигает комического эффекта, разрушая ожидания зрителя о завершении предложения. Так, например, репортер Флетчер при

описании протагониста говорит: «*He was powerful and ruthless, cunning and quick, charismatic and smart, but he had to do some naughty things to get where he got to establish his position to show he wasn't just teeth, tits and tan*». Таким образом, начиная с перечисления высокопарных эпитетов, в конце он употребляет грубый разговорный фразеологизм, который зачастую используется для пренебрежительного описания женщин. Зритель не ожидает, что для описания могущественного лидера преступного мира будет использована подобная фраза. Или, например, в эпизоде, когда один из лордов на светском приеме отпускает язвительный комментарий в сторону редактора: «*I do believe it was a bit of a fuck off, Dave*». Обычно, вспомогательный глагол «*do*» в утвердительных предложениях используется для эмфазы, такой прием присущ образованным людям, здесь же использование данного приема контрастирует с нецензурной бранью. Как и в первом случае, сценарист достигает комического эффекта посредством смешения несочетаемых типов речи: высокопарной и жаргонной. Подобным же образом Микки Пирсон, лидер преступного бизнеса, рассуждает о причине своего решения продать свой бизнес и уйти «на пенсию», он говорит: «*I like middle age. I like gentrification, private schools, fine wines and a spoonful of caviar to help my medicine go down*». Иронический эффект достигается осознанием того факта, что зритель не ожидает услышать рассуждения о преимуществах жизни на пенсии от преступника, который, фактически не имеет возможности покинуть преступный мир.

Ироничной является реплика, принадлежащая главному герою, американцу, Микки Пирсону, который, на вопрос о причине его визита к супруге, отвечает следующее: «*Thought, I'd come by to have a cup of tea with my wife*». Ироничный эффект в данном примере обусловлен несвойственностью подобного выбора слов для американца. Дело в том, что, несмотря на тот факт, что американцы и британцы являются носителями одного языка, в силу культурных различий им свойственен кардинально разный подбор слов и выражений. Благодаря подобному разрыву стереотипов сценарист иронизирует над неестественным поведением персонажа.

Таким образом, проанализировав 43 эпизода, в которых присутствует ирония, можно сделать вывод о том, что зачастую автор прибегает к этому приему, чтобы показать нестандартное поведение героев в различных ситуациях, тем самым достигая комического эффекта благодаря высмеиванию персонажа.

Следующим по частотности приемом, к которому прибегает автор художественного фильма «Джентльмены» является сарказм. Согласно определению из Большой Российской энциклопедии, сарказм (греч. *σαρκασμός*, от *σαρξάω*, букв. – рвать мясо) – вид комического: суждение, содержащее едкую, язвительную насмешку над изображаемым;

высшая степень иронии» [Манн, 2017]. Однако сарказм невозможно рассматривать в отрыве от иронии. Вопрос заключается в том, является ли сарказм одной из форм выражения иронии, или же он отличается от нее по характеру выражаемой оценки, и этот вопрос остается до сих пор открытым. Тем не менее, большинство исследователей согласны в том, что сарказм представляет собой крайнюю форму иронии. Так, например, А. А. Потебня выделяет «злую и горькую саркастическую иронию, возникающую, когда адресант или адресат иронического высказывания находится в положении, менее всего располагающем к смеху» [Потебня, 1905: 390]. Ю. Боров определяет сарказм как «особо едкую и язвительную иронию, изобличающую явления, особо опасные по своим общественным последствиям» [Боров, 1960: 100]. «К семантико-прагматическим чертам сарказма, отличающим его от иронии, можно отнести объект саркастического комментария. Если ирония может быть направлена на ситуацию, стечение обстоятельств, то объектом саркастической насмешки всегда является сфера человека, так как сарказм обусловлен прагматическими и социальными факторами, которые релевантны лишь тогда, когда речь идет о человеке» [Костыгова, 2013].

Например, один из главных героев фильма, репортер Флетчер, упоминает редактора газеты, саркастически используя словосочетание *«editor extraordinaire»*, очевидно выражая пренебрежительное отношение к нему, намеренно гиперболизируя его профессионализм. Примечательным здесь является то, что использованием французского слова *extraordinaire*, говорящий усиливает саркастичность своего высказывания, придавая ему нарочитую напыщенность в силу того, что эта газета специализируется на распространении слухов об известных людях – такой вид журналистики зачастую не признается в профессиональном сообществе.

В одном из эпизодов, Флетчер, саркастично напоминает своему собеседнику об инциденте, случившемся на одном из предприятий главного героя словами: *«Didn't Mickey get a rat infestation at one of his farms?»* Он изобретает эвфемизм *«rat infestation»* вместо того, чтобы сказать о нападении прямо, а также задает вопрос, заведомо зная на него ответ, что и придает его словам определенный саркастический эффект. Таким выбором выражений он не только показывает свое остроумие и осведомленность, но и предпринимает попытку запугать собеседника.

В эпизоде нападения на одно из предприятий главного героя, один из охранников, обращаясь к грабителям, снисходительно говорит: *«I think you got off on the wrong stop»*, что является метафорой и означает, что они ошиблись станцией. Он уверен в своем превосходстве. Таким образом, подобной насмешкой он старается задеть тех, к кому он

обращается, явно принижая их способности, попутно отпуская язвительные комментарии касательно внешнего вида оппонентов «*Who are those jokers?*», «*What's there? A teddy bear picnic?*», «*jelly babies*». Немного позже, в этом же эпизоде, перед столкновением один из грабителей парирует высказывание охранника и комментирует то, как охранники один за другим выходят из подсобного помещения со словами: «*Any more rabbits in that warren?*», отвечая подобной насмешкой.

Следующим эпизодом, требующим исследовательского внимания, является словесная перепалка между персонажем под псевдонимом Тренер (*coach*) и молодыми хулиганами, грубо мешающими сделать заказ в кафе. Отличительной чертой данного диалога является вырывание из контекста слов оппонента и использование их же для язвительного ответа: «– *You better fuck off, old man, or I'll wet you! – The only thing you can wet is your underpants, son*».

Хрестоматийным примером сарказма в фильме можно считать, на наш взгляд, небольшой диалог между Реем и Асланом. «– *And where are you from, Aslan? You don't sound like one of the natives. – Disneyland. – Sounds about right*». Оба персонажа явно выражают свое пренебрежительное и недоброжелательное отношение друг к другу. Диалог не имеет смысла, так как цель вопроса, Рэймонда не достигнута. Аслан не дал ответ на поставленный вопрос. А Реймонд, в свою очередь, осознает настрой собеседника и больше не предпринимает попыток выяснить информацию, отвечая сарказмом на сарказм.

Проанализировав 38 эпизодов с элементами сарказма, мы пришли к выводу о том, что режиссер чаще всего обращается к сарказму во время конфликтных и напряженных сцен. Когда конфронтация между героями необратима, сарказм выступает своего рода маркером, предзнаменующим приближающийся конфликт.

Не менее значимым средством выражения комического в кинодискурсе является сатира, которая составляет наименьший процент анализируемого материала. Для определения понятия «сатира» приведем следующие словарные статьи: сатира (от лат. *satira lanx*, или *satura lanx* – блюдо из смеси плодов) – «вид комического в искусстве, подразумевающий осуждение тех явлений действительности, которые воспринимаются автором как порочные. Свойственное сатире резко критическое отношение к нарушению должного порядка вещей предполагает наличие представления об идеале, поэтому смех в сатире амбивалентен: обличая и отрицая недолжное, он утверждает иное и лучшее, в отличие от весёлого юмористического смеха, допускающего сочувственное отношение к объекту осмеяния» [Бахтин, 1996].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что сатира – это особый вид комического, в

котором происходит высмеивание и разоблачение отрицательных сторон жизни.

Приведем примеры: Первое, что бросается в глаза – само сатирическое название фильма «The Gentlemen». Согласно определению Кембриджского словаря «a gentleman – a man who is polite and behaves well toward other people», однако все главные герои фильма фактически являются преступниками. Вероятно, таким образом режиссер сатирически высмеивает персонажей, которые ведут себя и общаются как представители высшего класса, но по сути являются преступниками.

Еще одним примером сатирического высмеивания персонажей перед зрителем является фраза, которую репортер Флетчер говорит при описании главного героя: «*that was the early days*», несмотря на «витиеватые» слова, которые использует персонаж, в его речи можно заметить небольшие грамматические ошибки, как в данном случае. Так сценарист показывает, что попытки скрыть свое происхождение за высокой манерой речи все равно не могут скрыть реальное происхождение и сущность персонажа.

Отдельно стоит остановиться на подборе имен и псевдонимов персонажей. Это один из наиболее распространенных приемов комического высмеивания, к которому прибегают режиссеры и сценаристы. В анализируемом фильме, режиссер, давая определенные имена своим героям, подчеркивает конкретные черты их характера, расовое происхождение и их социальную принадлежность. Остановимся на нескольких примерах. Первое, на что обращается внимание зрителя – это имя главного героя *Mickey Pearson*. Благодаря противопоставлению образа героя как влиятельного лидера преступной группировки и в то же время представителя высших слоев общества и его имени, которое намеренно дается в сокращенной, просторечной, жаргонизированной форме, режиссер не только добивается комического эффекта от несоответствия внешнего облика персонажа с его внутренним содержанием, но и сатирически напоминает зрителю о том, что персонаж, несмотря на свои попытки быть частью «высшего общества», остается выходцем из низшего класса. Еще одним примером «говорящих» имен является сквозной прием обращений репортера Флетчера, вместо того чтобы называть собеседника по имени, он использует собственный вариант произношения на испанском языке «*Buenos tardes, Raimondo*». Зритель, не знакомый с культурой британского юмора, может войти в ступор, так как не видит связи персонажа с испанской культурой. Дело в том, что в бытовой речи британцев распространен данный прием, который используют между собой близкие друзья. А тот факт, что Флетчер и Рэймонд по сути являются противниками в фильме, в очередной раз помогает автору достичь комического эффекта, благодаря нестандартному контексту, в котором используется данный прием. Наиболее ярким и очевидным для

простого зрителя примером комического использования имени является эпизод с допросом одного из представителя азиатской преступной группировки. Персонажа зовут *Phuck*. В первую очередь, комический эффект достигается благодаря созвучию нестандартного имени персонажа с обценным словом из английского языка. Также стоит отметить сатирическое высмеивание расовой принадлежности персонажа.

Одним из наиболее примечательных примеров использования сатиры в фильме можно считать эпизод, в котором Рэй и Микки обсуждают план по возвращению дочери одного из лордов в поместье. Для придания комического эффекта сценарист использует реплики, которые не соответствуют ситуации и персонажам. Когда Рей предостерегает Микки об опасности этого плана, он сообщает о местоположении девушки словами: «*South London council estate*». Дело в том, что южные районы Лондона считаются самыми бедными и, соответственно, опасными. А слова *council estate* являются иронической отсылкой к “наследству” предвыборной кампании правительства, в рамках которой были построены социальные жилые здания, предназначенные для необеспеченных семей. Таким образом, Рей подразумевает, что это место опасно даже для таких могущественных преступников как они. Следом он говорит следующую фразу: «*It's out of our jurisdiction*», которую часто можно услышать в детективных фильмах от государственных служащих, ограниченных некой юрисдикцией. Так сценарист высмеивает персонажей, сопоставляя преступников и ограничения закона.

Результаты проведенного анализа показывают, что сатира является наименее частотным приемом, к которому прибегает режиссер. В основном автор использует сатиру для того, чтобы в художественном мире сделать отсылку на мир реальный, с целью высмеять какие-то элементы нашей реальности в своем фильме.

Подводя итоги, подчеркнем, что в результате исследования нам удалось классифицировать и проанализировать элементы комического в художественном фильме «Джентльмены», представить наиболее частые случаи использования некоторых приемов, что в будущем позволит решить проблему трудности интерпретации комического при переводе в кинематографе. Наиболее частотным видом комического в исследуемом материале является ирония. Это обусловлено желанием автора достичь комического эффекта прибегая к разрыву ожидания зрителя и конечного результата. Сущность иронии позволяет прибегать к ней в обширном спектре ситуаций, что также влияет на частотность ее использования. Менее частыми видами комического являются сарказм и сатира. Как было указано выше, по мнению многих ученых сарказм является подвидом иронии, при этом сарказм имеет большое количество отличий от иронии, что позволяет сделать вывод

о том, что вариативность ситуаций намного меньше, чем у иронии. Однако, сарказм является не менее важным видом комического, использование которого дополняет описание конфликтных и враждебных ситуаций не только между персонажами, но и отношение их к окружающему миру. Сатира служит инструментом автора для передачи критического комментария к реальному миру в художественном, придавая комический эффект своему высказыванию. Стоит отметить, что на данном этапе исследования мы анализировали только языковые средства выражения комического, но не затрагивали аудиовизуальные средства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. 1-е изд. Москва: Русские словари, 1996. Т. 5. 732 с.
2. Боров Ю. Б. Основные эстетические категории. Москва: Высшая школа, 1960. 424 с.
3. Зализняк А. А. Лингвокультурологические аспекты комического (к постановке проблемы) // Логический анализ языка: языковые механизмы комизма. Москва: Индрик, 2007. С. 554-557.
4. Костыгова А. С. Лингвопрагматические и стилистические особенности высказываний с саркастическим смыслом // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2013. № 160. С. 101-107.
5. Манн Ю. В. САРКАЗМ // Большая российская энциклопедия. 2017. Доступ: <https://bigenc.ru/literature/text/3536615>. (дата обращения: 08.11.2022)
6. Нелюбина Ю. А. Кинодискурс как объект лингвистического изучения // Челябинский гуманитарий. 2013. №3 (24). С. 71-74.
7. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. 654 с.
8. Походня С. И. Языковые средства и виды реализации иронии. Киев, 1989. 128 с.
9. Почепцов Г. Г. Язык и юмор. Киев, 1982. 326 с.
10. Тищенко И. Я. Ирония и ее классификация // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2018. Доступ: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018000823>. (дата обращения: 08.11.2022).
11. Шатуновский И. Б. Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. Москва, 2007. 349 с.
12. Dynel M. Humorous phenomena in dramatic discourse // The European Journal of Humour Research. 2013. 1(1). Pp. 22-60.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Прохоров А. М. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Большая Российская энциклопедия; Санкт-Петербург: Норинт, 2002. 1456 с.
2. Ушаков Д. Н. Толковый словарь. Москва: Альфа-книга, 2001. 345 с.

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. (1996). *Sobranie sochineniy* [Collected edition]: v 7 t. 1-e izd. Moskva: Russkie slovari. Vol. 5. (In Russ.)
2. Borev, Yu. B. (1960). *Osnovnye esteticheskie kategorii* [Main esthetic categories]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.)
3. Zaliznyak, A. A. (2007). *Lingvokulturologicheskie aspekty komicheskogo (k postanovke problemy)* [Linguoculturological aspects of comic representation (formulation of

the problem)]. In *Logicheskiy analiz yazyka: yazykovye mekhanizmy komizma*. Moskva: Indrik. Pp. 554-557. (In Russ.).

4. Kostygova, A. S. (2013). Lingvopragmaticheskie i stilisticheskie osobennosti vyskazyvaniy s sarkasticheskim smyslom [Linguopragmatic and stylistic features of statements with sarcastic meaning]. In *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*. No. 160. Pp. 101-107. (In Russ.).

5. Mann, Yu. V. (2017). SARKAZM [Sarcasm]. In *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya*. Available at: <https://bigenc.ru/literature/text/3536615>. (accessed: 08.11.2022). (In Russ.).

6. Nelyubina, Yu. A. (2013). Kinodiskurs kak obekt lingvisticheskogo izucheniya [Film discourse as linguistic object]. In *Chelyabinskiy gumanitariy*. No. 3 (24). Pp. 71-74. (In Russ.).

7. Potebnya, A. A. (1905). *Iz zapisok po teorii slovesnosti* [Reports on language art theory]. Kharkov. (In Russ.)

8. Pokhodnya, S. I. (1989). *Yazykovye sredstva i vidy realizatsii ironii* [Language means and types of irony representation]. Kiev. (In Russ.).

9. Pocheptsov, G. G. (1982). *Yazyk i yumor* [Language and Humour]. Kiev. (In Russ.).

10. Tishchenko, I. Ya. (2018). Ironiya i ee klassifikatsiya [Irony and its classification]. In *Materialy X Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii «Studencheskiy nauchnyy forum»*. Available at: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018000823>. (accessed: 08.11.2022). (In Russ.).

11. Shatunovskiy, I. B. (2007). *Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [Logic language analysis. Verbal comedy mechanisms]. Moskva. (In Russ.).

12. Dynel, M. (2013). Humorous phenomena in dramatic discourse. In *The European Journal of Humour Research*. 1(1). Pp. 22-60.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Prokhorov, A. M. (2002). *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* [Unabridged encyclopedia dictionary]. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya; Sankt-Peterburg: Norint. (In Russ.).

2. Ushakov, D. N. (2001). *Tolkovyy slovar* [Thesaurus]. Moskva: Alfa-kniga. (In Russ.).

Ширяева Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и профессиональной коммуникации (e-mail: shiryaevat@list.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

Shiryayeva Tatyana A. – Doctor of Philology, Professor of English and Professional Communication Department (e-mail: shiryaevat@list.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9 Kalinin Avenue, Pyatigorsk, 357532

Цымбалов Дмитрий Алексеевич – преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации (e-mail: dima.cymbalov@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

Tsymbalov Dmitry A. – Lecturer of English and Professional Communication Department (e-mail: dima.cymbalov@yandex.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9 Kalinin Avenue, Pyatigorsk, 357532

Поступила в редакцию 20 ноября 2022 г.

WIE DIE WORTBILUNGSTYPEN UNPRODUKTIV WERDEN. EINE KORPUSBASIERTE UNTERSUCHUNG

Im vorliegenden Beitrag wird am Beispiel von substantivischen Präfixbildungen mit â- aufgezeigt, wie die einst üblichen Wortbildungstypen in der historisch-synchronen Perspektive unproduktiv werden. Als Textbasis dient das Bochumer Korpus, das authentische mittelhochdeutsche Handschriften diverser zeit- und sprachräumlicher Herkunft enthält sowie eine Vielfalt an Textsorten aufweist. Das Handschriftenkorpus ermöglicht den Einblick in die Sprachvarietäten des Mittelhochdeutschen hinsichtlich der â-Derivate, die bislang durch deren geringen Anteil an der Substantiv-Derivation des Mhd. wohl unterschätzt worden sind.

Schlüsselwörter: *Mittelhochdeutsch, Handschriften-Korpus, Präfix, Basissubstantiv, Wortbildungstyp, Dialekt, Zeitraum, Sprachraum, Konkurrenzbildung, Synonym.*

КАК СТАНОВЯТСЯ НЕПРОДУКТИВНЫМИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ. КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В предлагаемой статье анализируется в синхронно-исторической перспективе, как употребительные прежде словообразовательные типы становятся непродуктивными. В качестве текстовой основы служит Бохумский корпус, который содержит аутентичные рукописи разных типов и жанров из разных внутренних временных отрезков и диалектных ареалов средневерхненемецкого периода. Корпус рукописей позволяет обнаружить вариативность средневерхненемецкого языка на примере субстантивных дериватов с префиксом â-, которые прежде недооценивались ввиду их незначительной доли в системе именного словообразования анализируемого периода.

Ключевые слова: *средневерхненемецкий язык, корпус рукописей, префикс, базовое имя существительное, словообразовательный тип, диалект, временной отрезок, диалектный ареал, конкурентная лексема, синоним.*

1. Vorbemerkungen. Die im Folgenden dargelegten Ergebnisse im Bereich der Substantiv-Derivation basieren auf einer historisch-synchron ausgerichteten Untersuchung der Bildungen mit dem Präfix *â-* im mittelhochdeutschen Handschriftenkorpus (bestehend aus 79 Handschriften), das nach Zeit-, Sprachräumen sowie Textsorten strukturiert ist und dem Bochumer Korpus angehört¹. Der vorliegende Beitrag bietet eine exemplarische Analyse der substantivischen Präfigierungen unter semasiologischer Perspektive. Als eine Hilfsquelle für den Zugriff auf den Lexembestand diene „Mittelhochdeutsches Handwörterbuch“ von Matthias

---

¹ Mein herzlicher Dank gilt Herrn Prof. Dr. Klaus-Peter Wegera für die Bereitstellung des elektronisch gespeicherten mittelhochdeutschen Handschriftenkorpus (Bochumer Korpus), dessen Übersicht incl. seine zeit- und sprachräumliche sowie textsortenspezifische Strukturierung bei [Klein, Solms, Wegera, 2009: 17-30] vorliegt.

Lexer [MHW I; MHW II], das vor allem auf der Suche nach den im Korpus nicht belegten Motivationsbasen sehr hilfreich wurde.

Im Anschluss an eine kurze Erläuterung der Geschichte von *â-* wird die morphologische Analyse der Substantive mit *â-* vorgenommen, nachher wird dargestellt, mit welcher quantitativen Verteilung das Präfix *â-* im Rahmen der Substantiv-Derivation im Mhd.-Korpus verwendet wird sowie mit welchen Präfixen *â-* im Korpus konvergiert (und welche Konkurrenzen dabei bestehen) bzw. divergiert. Der diachrone Vergleich mit dem Althochdeutschen, Frühneuhochdeutschen sowie Gegenwartsteutschen soll Entwicklungstendenzen für das behandelte Präfix aufzeigen. Als Vergleichsgrundlage dienen für das Ahd. die Abhandlung von Schwarz [Schwarz, 1986], für das Frnhd. – die Monographie von Müller [Müller, 1993], für das Gegenwartsteutsche – die Bestandsaufnahme von Wellmann [Wellmann, 1975].

Das Mhd.-Korpus ermöglicht den Einblick in die Sprachvarietäten des Mittelhochdeutschen hinsichtlich der *â*-Derivate, die bislang durch deren geringen Anteil an der Substantiv-Derivation des Mhd. wohl unterschätzt worden sind (s. dagegen [Iagupova, 2007]).

2. Herkunft und Entwicklungstendenzen von *â-*. Über *â-* ist es bekannt, dass dieses Präfix griechischer Herkunft ist, eventuell hat es auch einen Bezug auf das Sanskrit (*a* privativum). Etymologisch ist es auch mit *un-* und *in-* verbunden, die lateinischer Herkunft sind [Weinhold, 1967: 245; KEWD, 1989: 1]. Für das Gotische ist *â-* jedoch ganz fremd. In Kombination mit Nomina hat es taxierende Funktion, die *â-* im Ahd. sowie Mhd. prägt [Wilmanns, 1930: 569f.]. Kluge [Kluge, 1925: 52] betont dabei, dass *â-* am Ende des Mhd. verklingt, wobei er wohl Substantiv-Derivation meine, denn *â-* lebt als ein Adjektiv-Präfix in der deutschen Gegenwartssprache weiter, ist überwiegend mit den lat. Entlehnungen kombinierbar und verleiht den Derivaten eine negierende Bedeutung [DGW 1, 1993: 51; KEWD, 1989: 1].

Hans Schwarz [Schwarz, 1986: 33] referiert das mhd. Präfix *â-* auf die idg. Partikel **ē* ‘nah bei; zusammen mit’ (in Anlehnung an Pokorny), germ. **ē* ‘unter, nach, zurück, wieder, weg’ (bezogen auf Kluge), das afries. Präfix *ē-* ‘ohne’ sowie das ahd. Nominalpräfix *ā-*, das Entfernung, Intensivierung, Negation ausdrücken konnte. In den slavischen Sprachen ist es bereits von dem Urslavischen an bekannt [Fasmer, 1973].

3. Lexembestand und Frequenz. Die Analyse des Hss.-Korpus lässt feststellen, dass das Präfix *â-* bereits im Mhd. wenig produktiv ist. Insgesamt sind acht *â*-Substantive (42 Belege) in 16 von 79 Hss. nachweisbar.

In der *Tab. 1* sind die Handschriften zum einen nach den Zeiträumen und zum anderen nach den Sprachräumen eingeordnet. Die Bildungen mit *â-* weisen sich überwiegend in den

religiösen Texten auf. Ausnahmsweise sind sie auch in der gelehrten Prosa [Phys] sowie in zwei Versepen über Tristan belegt [Tris; TriF].

Tabelle 1. *Quantitative Verteilung der â-Substantive in den mhd. Hss. (in absoluten Zahlen)*

Lexeme	Belege	Handschriften															
		WNot	BaGB	HLit	Phys	Wind	Spec	Tris	Mar	Hchz	PrPa	ZwBR	TrHL	TriF	RhMI	PrGe	Mart
<i>âbulge</i>	2	1								1							
<i>âgëz</i>	1		1														
<i>âkust</i>	33	1	4	3	4	2	2		1		1	3	4	2		1	5
<i>âleibe</i>	2	1		1													
<i>âmaht</i>	1														1		
<i>âname</i>	1							1									
<i>âteil</i>	1		1														
<i>âwërf</i>	1	1															
Gesamt:	42	4	6	4	4	2	2	1	1	1	1	3	4	2	1	1	5

Die meisten *â*-Derivate sind vereinzelt nachweisbar, wobei *âbulge*, *âleibe* sich 2mal finden. Das am häufigsten gebrauchte Substantiv mit *â* – *âkust* – ist 33mal in 13 Hss. belegt.

Die Hälfte von den *â*-Bildungen (4 von 8) sind lediglich als Feminina nachgewiesen, je einmal – lediglich als maskulin bzw. neutral. Ein Beleg lässt keine sichere Aussage über die Genuszuweisung (maskulin oder neutral) zu. *âkust* ist öfters als Femininum belegt, 2mal dagegen als Maskulinum. In 5 Belegen ist die Genuszuweisung nicht möglich (maskulin oder feminin). Die absolute Mehrheit der Basislexeme unterliegen keiner Alternation. Allein *âbulge* ist durch den Ablaut des Basiswortes markiert. Alle Substantiv-Derivate mit *â*- haben als Basen Simplizia.

Die meisten Bildungen sind Abstrakta (z. B. *âbulge* ‘Zorn’), *âleibe* ‘Überreste’ dagegen ein Sammelbegriff und *âwërf* ‘Auswurf’ – ein Mensch.

Die *â*-Bildungen sind im Korpus auf das Oberdeutsche (bair., alem., bair.-alem. Übergangsraum) begrenzt. Nur einmal ist das Derivat mit *â*- (*âmaht*) im Rip. nachgewiesen.

Am häufigsten vertreten (13mal) sind die *â*-Derivate in 6 bairischen Hss., 12 Belege sind im Alemannischen (in 4 Hss.) dokumentiert, 11 – in den Texten aus dem zentral-obd. Raum (s. dazu [Klein 1991: 5 f.]) bezeugt, 5 – in zwei schwäb. Hss.

Weitgehend erweisen sich die *â*-Belege in allen zeitlichen Binnenschnitten des Mhd. Eine Ausnahme stellt hier lediglich die 2. Hälfte des 13. Jhs. dar. Dieser Zeitraum ist im Mhd.-Korpus mit 18 Handschriften vertreten, demgegenüber sind in keiner davon die Substantive mit *â*- belegt. In drei Binnenschnitten (2. Hälfte des 11. Jhs., die erste und die zweite Hälfte des 12. Jhs.) ist die Beleganzahl nahezu ausgewogen. In der 1. Hälfte des 14. Jhs. verringert sich

wesentlich der Anteil der Belege für *â-* im Vergleich zu den anderen Zeiträumen, wobei der Hss.-Anteil für diesen Zeitschnitt wesentlich zunimmt und im Korpus 27 Texte erreicht.

Tabelle 2. *Frequentative Verteilung der â-Substantive nach Zeit- und Sprachräumen des Mittelhochdeutschen (in absoluten Zahlen)*

Zeitraum ²	Sprachraum ³									Gesamt	
	0	1	2	3	4	4a	4b	5	6		
I	10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	10
II	–	10	2	–	–	–	–	–	–	–	12
III	1	3	3	6	1	–	–	–	–	–	14
IV	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	-
V	–	–	–	6	–	–	–	–	–	–	6
Gesamt:	11	13	5	12	1	–	–	–	–	–	42

Die hier getroffenen Beobachtungen bestätigen die o. g. Ausführung von Kluge, wonach die *â*-Bildungen am Ende der mhd. Periode aus dem Gebrauch kommen. Dies erklärt die Tatsache, dass es in den deutschsprachigen Urkunden, die erst seit der 2. Hälfte des 13. Jhs. in beachtlicher Zahl verbreitet werden [Wegera, 2000: 1311], kein einziger Beleg für *â*-Substantive dokumentiert ist. Für das Mitteldeutsche bleiben sie auch fremd.

4. Vergleich mit dem Latein. Da frühmittelhochdeutsche Texte vorrangig Interlinearversionen der lateinischen Schriftdenkmäler darstellen [Lutz, 1989: 11], weisen sich in diesem Zeitschnitt in den Hss. einzelne lat. Wörter bzw. Wortgruppen auf. So ist *âbulge* in der Hs. „Wiener Notker“ (um 1100, bair.) einmal belegt, sein lat. Äquivalent *ira* dagegen ist hier 5mal bezeugt, vgl.:

(1) *Exurge domine in ira tua Stant uf trohtin mit zorne* [WNot, 009vb,08; 009vb,10].

âbulge ist in der Hs. „Wiener Notker“ keine direkte Übersetzung vom lat. *ira*, das Notker als *zorn* übersetzt hat, doch semantisch referiert lat. *ira* auch auf mhd. *âbulge*.

In einem Kontext (auch in derselben Hs.) sind das mhd. *âwërf* und lat. *abjectio* ‘Auswurf’ belegt:

(2) *Ego autem sum uermis et non homo obprobrium hominum et abiectio plebis* [WNot, 035ra,19-21].

Und etwas unten:

(3) *Ih pin uuorten iteuuiz mennilken. unde auuerf def liutel* [WNot, 035rb,03-05].

In der Hs. „Wiener Notker“ korrelieren miteinander mhd. *âleibe* und lat. *reliquiae*:

² Die römischen Zahlen kennzeichnen die inneren Zeiträume des Mhd. [Klein, Solms, Wegera, 2009: 17]: I – 1050-1150, II – 1150-1200, III – 1200-1250, IV – 1250-1300, V – 1300-1350.

³ Die arabischen Zahlen kennzeichnen die Sprachräume des Mhd. [Klein, Solms, Wegera, 2009: 17f.]: 0 – obd., 1 – bair., 2 – „alemannisch-bairischer“ Übergangsraum (ostalem. / westbair.), 3 – alem. (westalem.), 4 – wmd., 4a – mfrk., 4b – rhfrk.-hess., 5 – hess.-thür. (omd.), 6 – ofrk.

(4) *in reliquiis tuis praeparabis uultum eorum* [WNot, 034rb,15-16] ≈ *in dinen aleiben gehaltenst du iro antluzze* [WNot, 034rb,19-21].

In derselben Hs. erweisen sich lat. *oblivio* und mhd. *âgëzzel*, wobei das mhd. Lexem als pleonastische Suffigierung in der folgenden Übersicht unberücksichtigt bleibt.

Die weiteren lat. Äquivalente der *â*-Bildungen aus dem Mhd.-Korpus sind im „Ausführlichen lateinisch-deutschen Handwörterbuch“ von Georges [Georges, 1998] dokumentiert: *impotentia* – *âmaht* ‘Ohnmacht’; *âgnōmen, cōgnōmen* – *âname* ‘Beiname’; aber auch lat. *indifferentia* sowie griech. *apathia* als mögliche Äquivalente für *âteil* ‘Gleichgültigkeit’.

Der Befund ergibt, dass die meisten *â*-Substantive im Korpus die lexikalische Äquivalenz mit den jeweiligen lat. Bildungen aufweisen. Bezüglich weiterer Lexeme ist anzunehmen, dass sie Lehnübersetzungen aus dem Lateinischen sind und als solche den Wortbildungsbezug (mhd. *â* – lat. *â-* (*ad-*), *in-*, *co-*) beibehalten.

5. Graphische Varianz von *â*-. Im Korpus zeigt sich eine geringe graphische Varianz von *â*-. Von Interesse ist die Distribution der *â*-Varianten bezüglich der einzelnen Bildungen. Hierzu die nachstehende Übersicht.

Tabelle 3. *Graphische Varianz von â- (in absoluten Zahlen)*

Lexeme									
Graphische Varianten	<i>âbulge</i>	<i>âgëz</i>	<i>âkust</i>	<i>âleibe</i>	<i>âmaht</i>	<i>âname</i>	<i>âteil</i>	<i>âwërf</i>	<i>Gesamt</i>
<i>a-</i>	2	1	29	2	1	1	1	1	38
<i>â-</i>	–	–	2	–	–	–	–	–	2
<i>á-</i>	–	–	2	–	–	–	–	–	2
<i>Gesamt:</i>	2	1	33	2	1	1	1	1	42

Die mhd. Quellen präferieren fast ausschließlich die Variante *a-* (38mal). Daneben finden sich jeweils nur zweimal die Varianten *â-* und *á-*. Dies ergibt mithin eine graphische Affinität des jeweiligen Präfixes.

Die Präfixvariante *â-* ist unter anderem in der Hs. „Zwiefaltener Benediktinerregel“ (1. Viertel des 13. Jhs., schwäb.) bezeugt (*âchulft* [ZwBR, 03v,02-03]). In der Hs. „Bamberger Glaube und Beichte, Himmel und Hölle“ (1. Hälfte des 12. Jhs., ofrk.) sind demgegenüber alle graphischen Varianten – *a-*, *â-* und *á-* (jeweils 2mal) – belegt. Neben der Präfixvarianz bei den unterschiedlichen Lexemen sind hier alle graphischen Varianten des Präfixes auch bei einem Derivat (*âkust*) dokumentiert: *achulte* [BaGB, 140,11]; *âkult* [BaGB, 153,32]; *âchulte* [BaGB, 142,26].

Die Mhd.-Korpusanalyse zeigt keine auffälligen landschafts- bzw. zeittypischen Besonderheiten der *â*-Varianz.

6. Motivationsdichte. Für die meisten substantivischen *â*-Bildungen sind die Basen eng-syntopisch nachweisbar (Basisrang 1). Hinsichtlich der Basis-Affinität sind hier jedoch 4 Basisränge⁴ plausibel.

Die substantivischen Basen von *âmaht*, *âname*, *âteil* sind in denselben Hss. wie die jeweiligen Derivate verzeichnet (Basisrang 1): *âmaht* ist in der Hs. „Rheinisches Marienlob“ (2. Viertel des 13. Jhs., rip.) durch viele Belege von dem Basissubstantiv *maht* unterstützt. Zahlreich belegt ist die Basis *name* neben *âname* in der Hs. „Tristan“ von Gottfried von Straßburg (Mitte des 13. Jhs., obd.), auch in einem Kontext, sodass *name* die *â*-Bildung sowohl morphologisch als auch semantisch motiviert. *âteil* ist morphologisch in der frühmhd. Hs. „Bamberger Glaube und Beichte, Himmel und Hölle“ durch 2 Belege von *teil* ‘Teilnahme’ motiviert (Basisrang 1).

Die substantivische Basis von *âkust* ist im Hss.-Korpus nicht bezeugt. Hier sind andere Substantiv-Derivate mit *kust* (*unkust* und *hônkust*) mit der gleichen Bedeutung wie *âkust* nachweisbar. Das Wurzellexem *kust* ist bei Lexer dokumentiert [MHW I, 1993: 1802], bezogen auch auf „Tristan“ – das Schriftdenkmal, das diatopisch den Hss. „Wiener Notker“ und „Bamberger Glaube und Beichte, Himmel und Hölle“ naheliegt, wo sich *âkust* auch findet (Basisrang 4).

Im Korpus ist die plausible Basis für *âleibe* nicht nachgewiesen, doch sie ist auch bei Lexer belegt [MHW I, 1993: 1862] (Basisrang 6).

7. Konkurrenzbildungen und Synonyme. Im Rahmen der untersuchten Gruppe von Derivaten sind Konkurrenzbildungen lediglich mit dem Basissubstantiv *kust* in 6 Hss. nachweisbar.

Tabelle 4. Konkurrenzbildungen mit Basissubstantiv *kust*

Konkurrenztypen	Lexeme	Handschriften
$\hat{a}^{-1} : un^{-2}$	<i>âkust</i> (4) : <i>unkust</i>	BaGB; Phys
$\hat{a}^1 - : h\hat{o}n-$	<i>âkust</i> : <i>hônkust</i> <i>âkust</i> (4) : <i>hônkust</i>	WNot; PrPa TrHL
$\hat{a} - : un^{-2} : -(ic)heit$	<i>âkust</i> (2) : <i>unkust</i> (5) : <i>unkusticheit</i>	Wind

Anm.: In den Klammern nach den Lexemen ist (in der Tab. 4 sowie unten) die Belegfrequenz angegeben, wenn es mehr als ein Beleg im Mhd.-Korpus dokumentiert ist.

In den Hss. „Bamberger Glaube und Beichte, Himmel und Hölle“, „Physiologus“ und „St. Trudperter Hohelied“ präferiert Typ $\hat{a}^{-1}$ und lediglich in der Hs. „Windberger Psalter“ – un^{-2} . Typ $\hat{a}^{-1}$ steht mit dem Kompositum mit *hôn-* in Konkurrenz (*âkust* vs. *hônkust*):

(5) *Si iſt ein miltiv vogtînne wider di ſwartzten ſchar vnd di grvlichen menige def ginten tievell. vn aller ſîn' **achvſt*** [PrPa, 316,04-07].

⁴ Zum Begriff „Motivationsdichte“ s. [Müller, 1993: 64 ff.], zu Basisrang s. [Yagupova, 2007: 89 ff.].

(6) *di herte vnserf herzen. di fvlñ wir fyrder werfen. nit. vnñ haz. vnñ alle honchvñt* [PrPa, 158,09-10].

Im Mhd.-Korpus ist *âkust* häufiger als *unkust* bezeugt, wobei die Belegfrequenz im Verhältnis ~ 1,7 : 1 steht.

Die Verwendung der beiden Konkurrenzbildungen ist zeitlich und landschaftlich eingeschränkt. Vorrangig ist dies auf *âkust* bezogen, das lediglich in 13 obd. Hss. nachweisbar ist. Die meisten Hss. (9) fallen hier auf die 2. Hälfte des 12. Jhs. – die 1. Hälfte des 13. Jhs. Am Anfang und am Ende der mhd. Zeit gibt es jeweils 2 Hss., in denen *âkust* dokumentiert ist. Bemerkenswert ist, dass weder *âkust*, noch *unkust* in den Hss. vertreten sind, die mit der 2. Hälfte des 13. Jhs. datiert sind (s. Tab. 5).

Als mehr frequentativ erweisen sich *âkust* im Alem. und Bair. (jeweils 12mal und 11mal belegt), je 5mal – im zentralobd. Raum (lediglich am Anfang der mhd. Zeit) und im bair.-alem. Übergangsraum (schwäb.). In der 1. Hälfte des 14. Jhs. ist der Gebrauch von *âkust* auf das Alem. eingeschränkt („St. Georgener Predigten“; „Hugo von Langenstein. Martina“). *unkust* ist sowohl in obd., als auch in md. Texten nachweisbar: in 6 obd. Hss. sowie 3 md. Hss.

Tabelle 5. *Belegverteilung von âkust auf Zeit- und Sprachräume des Mittelhochdeutschen (in den absoluten Zahlen)*

<i>âkust</i>	Sprachräume									<i>Gesamt</i>
Zeiträume	0	1	2	3	4	4a	4b	5	6	
I	5	–	–	–	–	–	–	–	–	5
II	–	9	2	–	–	–	–	–	–	11
III	–	2	3	6	–	–	–	–	–	11
IV	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
V	–	–	–	6	–	–	–	–	–	6
Gesamt:	5	11	5	12	–	–	–	–	–	33

Tabelle 6. *Belegverteilung von unkust auf Zeit- und Sprachräume des Mittelhochdeutschen (in den absoluten Zahlen)*

Zeiträume	Sprachräume									<i>Gesamt</i>
	0	1	2	3	4	4a	4b	5	6	
I	2	–	–	–	–	–	–	–	–	2
II	–	6	–	–	2	–	–	–	–	8
III	–	–	–	2	–	–	–	1	–	3
IV	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
V	–	–	–	–	–	–	3	–	4	7
Gesamt:	2	6	–	2	2	–	3	1	4	20

Die o. g. Bildungen stehen in der Hs. „Windberger Psalter“ (letztes Viertel des 12. Jhs., bair.) mit der Suffigierung *unkusticheit*, die mit dem Suffixadjektiv *unkustic* motivierbar ist, in Konkurrenz:

(7) *Vzſchute herro ſegenunge oder wihe dine uber liut dinen daz mit diner urftende wir geueſtenete nihne furhten uone dere widerwententen **achulte** oder laſtere der ubile umbegeben werden* [Wind, 11r,16; 11v,01-04].

(8) *der nihne tet **unchult** an zungen ſiner* [Wind, 24v,01].

(9) *daz wir megen ... die ... **unchulticheit** der wuotenten uermiden* [Wind, 23r,02-04].

Die Konkurrenz besteht auch zwischen *âgëz* und *âgëzzel* in der Hs. „Bamberger Glaube und Beichte, Himmel und Hölle“:

(10) *ne habent ſiê **agez**. der huge in ne wenket* [BaGB, 153,25-26].

(11) *Ich habe giſündôt ... in **âgezze*** [BaGB, 144,30; 145,02].

Offenbar sind *âgëz* und *âgëzzel* bereits in der 1. Hälfte der mhd. Zeit veraltet, da die jeweiligen Belege im 13. Jh. nicht mehr erscheinen: *âgëzzel(e)* ist 5mal in 4 Hss. nachweisbar [WNot; BaGB; Wind; HLit], *âgëz* dagegen nur in einer Hs. [BaGB]. Daraus ergibt sich, dass alle Belege von beiden Bildungen auf zwei obd. Großräume eingeschränkt sind – den zentralobd. Raum und das Bairische.

In der rhfrk. Hs. „Trierer Psalmen“ (um 1200) ist neben *âgëz* und *âgëzzel(e)* deren Wortbildungssynonym *vergëzzunge* belegt:

(12) *obe ich uirgezze din iherufalen. **uirgezunge** werde gegebin zvefuwe mine* [TrPs, 89r,13-15].

Am Anfang der mhd. Zeit korrelieren *âbulge* [WNot] und *âbulgede* [BaGB] miteinander. Die beiden Bildungen haben den gleichen Stamm. Die Analyse der funktionellen Verwendung von *âbulgede* lässt das als einen Wortbildungspleonasmus⁵ definieren. In vielen Texten ist auch das Wurzellexem *zorn* in der gleichen Bedeutung bezeugt. In der Hs. [BaGB] wird es intensivierend in einem Textfragment mit *âbulge* gebraucht:

(13) *Ich habe giſündôt in **zôrne**. in **âbulgide*** [BaGB, 145,09-10].

Die Korrelation zwischen *â-* und *un-* liegt klar auf der Hand, wenn sich diese Präfixe an das Basissubstantiv *maht* angeschlossen werden: *âmaht* in (14) korreliert mit *unmaht* in (15):

(14) *Ich ſin dine durren lichame ſigen. uan grozer **amaht** din hovuet nigen* [RhMI, 1153-1154].

(15) *Daz er von **unmechtin** Lac in ſwachin echtin Alf ob er were tot geflagin* [AthP, 7,005-7,007].

Der Vergleich beider Präfigierungen ist dadurch erschwert, dass *âmaht* im Korpus lediglich einmal nachweisbar (in der rip. Hs. „Rheinisches Marienlob“ (2. Viertel des 13. Jhs.),

---

⁵ Den Wortbildungspleonasmen sind Derivate zugeordnet, die „zwar semantisch motiviert sind, aber keine funktionelle Klassifikation ermöglichen“ [Müller, 1993: 61] und somit „die Weglaßbarkeit des Affixes aufweisen“ [Wellmann, 1975: 206].

wobei *unmaht* 16mal dokumentiert ist. Dadurch lässt sich *unmaht* auf *unkraft* referieren (14 Belege) – ein Synonym, das eine andere Wortbildungsbasis hat:

(16) *Ih bekennon mîn únkraft* [Will, 03r,09-10].

Alle drei Derivate überschneiden sich in keiner Handschrift, wobei sich *unkraft* und *unmaht* parallel in der bair. (obd.) Hs. „St. Pauler Predigten“ (Anfang des 13. Jhs.) (jeweils ein Beleg) und in der md. (mfrk./rip.) Hs. „Buch der Minne („Rede von den 15 Graden““ [BuMi] (frühes 14. Jh.) finden (jeweils 2 Belege). Die md. Handschriften präferieren deutlich *unmaht* (5 von 8 Hss.) – vor allem im hess.-thür. (omd.) Sprachraum (seit dem 13. Jh.), wobei *unkraft* vorrangig in den obd. (zentralobd., bair., alem.) Texten dokumentiert ist (in 8 Hss. von 9) (2. Hälfte des 11. Jhs. – 1. Hälfte des 13. Jhs.). Die Frequenz von *unmaht* nimmt gegen Ende der mhd. Zeit zu, die Frequenz von *unkraft* nimmt demgegenüber ab.

Im Mhd.-Korpus sind keine Konkurrenzbildungen zu *âname* bezeugt. Bei Lexer ist dagegen eine ganze Reihe von Synonymen mit dem Basis-Substantiv *name* nachgewiesen, das sich mit den Erstgliedern *bî-*, *nâch-*, *ob-*, *über-*, *under-*, *zuo-* zusammensetzt: *bîname* – *nâchname* – *obname* – *übername* – *undername* – *zuoname*.

8. Vergleich mit den anderen sprachgeschichtlichen Zeitschnitten. Der Vergleich erfolgt durch die Einbeziehung der Befunde, die den jeweiligen Arbeiten entnommen sind. Bezüglich der untersuchten Substantive mit *â-* findet sich im ahd. „Abrogans“ lediglich *âbulge* (ahd. *âbulgi*) [Schwarz, 1986] – in der gleichen Bedeutung wie im Mhd.-Korpus.

Im fachsprachlichen Frnhd.-Korpus, dessen Texte mit 1362 –1490 datiert sind, finden sich 2 Präfixsubstantive mit *â-* – *amacht* und *akraft* (im Mhd.-Korpus ist *kraft* demgegenüber lediglich mit dem Präfix *un-* verzeichnet): *amacht* ist dabei 13mal in 2 von 7 Texten belegt, wobei *akraft* lediglich 2mal in einem Text bezeugt ist [Moser, 1993: 20]. Beide Bildungen finden sich in einem bair. Text, der um 1370 datiert ist, *amacht* – auch in einem schwäb. Text, der 1472 erschienen ist. Eine geringe Lexemzahl sowie Belegfrequenz der Substantiv-Derivate mit *â-* im Frnhd.-Korpus lässt St. Moser feststellen, dass es offensichtlich um den Rest des jeweiligen Wortbildungstyps geht. Dabei weist sich die Tendenz zum Verschlingen des *â*-Typs durch das Präfix *un-* auf, das viel öfters in der frnhd. Zeit verbreitet ist. In der von Müller [Müller, 1993] vorgenommenen Darstellung, die auf dem Dürer-Korpus basiert (die Texte von Dürer erschienen später als die von St. Moser untersuchten Texte, – erst im 1. Viertel des 16. Jhs.) ist kein Substantiv mit *â-* angegeben. Jacob und Wilhelm Grimm schreiben demgegenüber, dass *amacht* (mhd. *âmaht*) manchmal noch im 16. Jh. zu finden ist [DWB 1, 1984: 276], obwohl die Geschichte von *â-* definitiv bereits in der spätmhd. Zeit ausklingt (s. dazu [Naumann, 1986: 68]. Im DWB I sind

keine weiteren Bildungen mit diesem Präfix verzeichnet, wobei sich im Gegenwartsdeutschen gar keine Derivate, wie die untersuchten, finden.

„Die Sprachgeschichte lehrt, – so Henzen, – daß immer wieder die Tendenz besteht, ausdruckschwächer gewordene Bildungsweisen durch ausdrucksstärkere zu ersetzen“ [Henzen, 1981: 70]. Obwohl die Substantive, die im Mhd. mit *â-* vorkommen, nicht mehr geläufig sind, ist es von Bedeutung die Entwicklungstendenzen zu verfolgen: *â-* ist in *âname* durch die Erstglieder *Bei-*, *Über-* (*Beiname*, *Übername*) verdrängt [DUW, 1996: 227, 1581]; in *âmaht* – durch *Ohn-* (*Ohnmacht*) [DUW, 1996: 1097] (*Ohn-* korreliert mit dem mhd. *âne* (heute *ohne*)). Mhd. *âbulge*, *âbulgede* wurde durch *Zorn* (mhd. *zorn*) ersetzt, das im Mhd.-Korpus viel öfters belegt ist, als die jeweiligen Synonyme mit *â-*; *âgëz*, *âgëzzel* sind durch *Vergessenheit*, das bereits im Mhd. (*vergëzzenheit*) bekannt war, sowie *Vergesslichkeit* verdrängt worden [DUW, 1996: 1644]. Statt *âteil* wird heute *Teilnahmslosigkeit* [DUW, 1996: 1522], anstelle von *âleibe* – *Überbleibsel* [DUW, 1996: 1576] oder *Überrest* [DUW, 1996: 1582] verwendet. *âkust* wurde durch *Tücke* [DUW, 1996: 1568] abgelöst, das auch bei Lexer verzeichnet ist [MHW II, 1993: 1556-1557]), *âwërf* wurde durch die Bildung mit der gleichen Wurzel (demgegenüber mit dem Ablaut des Stammvokals) – *Auswurf* – verdrängt.

9. Fazit. Das Präfix *â-* erweist sich bereits im Mhd. als unproduktiv. Besonders aktiv war es in der 1. Hälfte des mhd. Zeitraums (bis Mitte des 13. Jhs.). Die weiteste sprachräumliche Verbreitung finden die Bildungen mit *â-* in der 1. Hälfte des 13. Jhs.: die untersuchten Derivate sind in allen obd. Sprachräumen und lediglich in einer md. (rip.) Hs. dokumentiert. Das heißt die Verbreitung der Substantive mit *â-* ist nahezu ausschließlich auf das Obd. eingeschränkt. Offensichtlich geht es um die Entwicklungstendenz, die für den Werdegang des Wortbildungssystems des Deutschen im Mhd. üblich war: Neuerungen kamen oft aus dem Süden des mhd. Sprachraums (und dies trotz der Tatsache, dass Latein in Verkehr im gesamten deutschsprachigen Raum war). In diesem Fall kann man wohl davon ausgehen, dass sich das Präfix *â-* durch territoriale Kontakte und damit Sprachkontakte zunächst aus dem Langobardischen über Latein auf den ganzen obd. Raum verbreitet hat. Schwarz nimmt an, dass eben im Langobardischen und in den mit ihm verwandten Dialekten die zweite Lautverschiebung ihren Anfang genommen habe [Schwarz, 1951: 71, 76], wobei es jeweilige langobardisch-oberdeutsche Übereinstimmungen gebe [Ganina, 2006: 21]. Die diatopische Analyse ergibt, dass *â-* den mitteldeutschen Raum kaum betroffen hat.

Nahezu 86% aller Belege mit *â-* (36 von 42) sind in den Hss. belegt, die mit der 2. Hälfte des 11. Jhs. – der 1. Hälfte des 13. Jhs. datiert sind. In der 2. Hälfte des 13. Jhs. sind die jeweiligen Derivate demgegenüber gar nicht bezeugt. In der 1. Hälfte des 14. Jhs. sind die *â-*

Präfigierungen auf eine Bildung (*âkust*), einen Dialekt (Alem.), 2 Hss. (6 Belege) eingeschränkt. Dies zeigt das allmähliche Verschwinden der untersuchten Substantive binnen des mhd. Zeitraums, deren Reste noch in den frnhd. Texten zu finden sind (*amaht, akraft*).

Das Unproduktivwerden von Wortbildungstypen mit *â*- und somit das Verschwinden von *â*-Bildungen kann darauf hindeuten, dass dieses Präfix fremd für die Mittler der jeweiligen Dialekte geblieben ist. Dass *â*- gerade im Mhd. aus dem Gebrauch kommt, bestätigt die Tatsache, dass die Bildungen des *â*-Typs in den Urkunden (einer neuen Textsorte der mhd. Zeit) sowie in den Stadtrechtbüchern nicht vorkommen.

In der Kürze der Zeit konnten nur einige wenige Beobachtungen vorgestellt werden. Diese zeigen jedoch evident ein eigenständiges Profil der historischen Wortbildung, dargestellt am Beispiel der substantivischen *â*-Bildungen, die mit Rücksicht auf den ganzen mittelhochdeutschen Zeitraum als veraltend klassifiziert sein können.

ABKÜRZUNGSVERZEICHNIS

ahd. / *Ahd.* – althochdeutsch/Althochdeutsch, *afries.* – altfriesisch, *alem.* / *Alem.* – alemannisch / Alemannisch, *els.* – elsässisch, *bair.* – bairisch, *Frnhd.* – Frühneuhochdeutsch, *germ.* – germanisch, *hess.* – hessisch, *Hs.* / *Hss.* – Handschrift / Handschriften, *Jh.* / *Jhs.* – Jahrhundert / Jahrhunderts, *idg.* – indogermanisch, *lat.* – lateinisch, *md.* – mitteldeutsch, *mfrk.* – mittelfränkisch, *mhd.* / *Mhd.* – mittelhochdeutsch/Mittelhochdeutsch, *Obd.* / *obd.* – oberdeutsch / Oberdeutsch, *ofrk.* – ostfränkisch, *omd.* – ostmitteledeutsch, *ostalem.* – ostalemannisch, *rhfrk.* – rheinfränkisch, *rip.* / *Rip.* – ripuarisch / Ripuarisch, *schwäb.* / *Schwäb.* – schwäbisch / Schwäbisch, *thür.* – thüringisch, *westalem.* – westalemannisch, *westbair.* – westbairisch, *wmd.* – westmitteledeutsch.

LITERATURVERZEICHNIS

1. Ганина Н. А. Древнегерманские реликтовые языки: проблемы и перспективы исследования // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2006. № 3. С. 9-25.

2. Ягупова Л. М. Мовно-географічна варіативність системи середньовісньонімецьких префіксальних іменників. Донецьк: ДонНУ, 2007. 607 с. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження; Т. 4).

3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. Москва: Астрель, 2007. Т. 2. 671 с.

4. Georges K. E. Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Aus den Quellen zusammengetragen und mit besonderer Bezugnahme auf Synonymik und Antiquitäten unter Berücksichtigung der besten Hilfsmittel ausgearbeitet [Unveränderter Nachdruck der 8. verbes. u. vermehrten Aufl.]: in 2 Bdn. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998 (Reprint der Ausgabe Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1913/1918). Zugriffsmodus: <http://www.zeno.org/nid/20002183072>.

5. Henzen W. Inhaltsbezogene Wortbildung (Betrachtungen über 'Wortnischen' und 'Wortstände'). Wortbildung. Darmstadt, 1981. S. 55-81.

6. Klein Th. Zur Frage der Korpusbildung und zur computerunterstützten grammatischen Auswertung mittelhochdeutscher Quellen // Mittelhochdeutsche Grammatik als Aufgabe. Berlin, 1991. S. 3-23. (Zeitschrift für deutsche Philologie; 110, Sonderheft).

7. Klein Th., Solms H.-J., Wegera, K.-P. Mittelhochdeutsche Grammatik. Tübingen:

Niemeyer, 2009. Teil III. Wortbildung. 706 s.

8. Kluge Fr. Abriß der deutschen Wortbildungslehre. Halle (Saale): Niemeyer, 1925. 68 s.

9. Lutz B. Mittelalterliche Literatur // Deutsche Literaturgeschichte: von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1989. S. 1-50.

10. Moser St. Substantivische Affixbildung im Frühneuhochdeutschen. Morphologie und Semantik der Präfixe außer ge- und Suffixe -el, -(l/n)er, -(e)rich, -(e/i)ss(e/in), -icht, -in, -lein, -ling. Julius-Maximilians-Universität, 1993. 298 s.

11. Müller P. O. Substantiv-Derivation in den Schriften Albrecht Dürers: ein Beitrag zur Methodik historisch-synchroner Wortbildungsanalysen. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993. 531 s. (Wortbildung des Nürnberger Frühneuhochdeutsch; Bd. 1).

12. Naumann B. Einführung in die Wortbildungslehre des Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 1986. 90 s. (Germanistische Arbeitshefte; 4).

13. Schwarz E. Deutsche und Germanische Philologie. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1951. 248 s.

14. Schwarz H. Präfixbildungen im deutschen Abrogans. Analyse und Semantik. Göppingen: Kümmerle, 1986. 608 s.

15. Wegera K.-P. Grundlagenprobleme einer mittelhochdeutschen Grammatik // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung: in 2 Teilbänden. Berlin; New York: Walter de Gruyter. Tbd. 2. 2000. S. 1304-1320.

16. Weinhold K. Mittelhochdeutsche Grammatik. Paderborn: Schöningh, 1967. 548 s.

17. Wellmann H. Deutsche Wortbildung. Das Substantiv. Cornelsen Verlag GmbH + C, 1975. 500 s. (Sprache der Gegenwart, 32).

18. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. Zweite Abteilung: Wortbildung. Berlin u. Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1930. 695 s.

MIT SIGLEN ZITIERTER LITERATUR

1. AthP: Athis und Prophlias. Mitte 13. Jh., hess.-thür. Übergangsraum.

2. BaGB: Bamberger Glaube und Beichte, Himmel und Hölle. 1. Hälfte 12. Jh., ofrk. Textauswahl: fol. 111^v-114^r (153,1-154,61).

3. BuMi: Buch der Minne (Rede von den 15 Graden). 1. Hälfte 14. Jh., mfrk. (rip.). Textauswahl: fol. 57^r,3-98^v,12.

4. DGW 1: Duden „Das große Wörterbuch der deutschen Sprache“: in 8 Bänden; [hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat u. den Mitarbeitern der Dudenredaktion; unter der Leitung von G. Drosdowski]. [2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.]. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993. Bd. 1. 536 S.

5. DUW: Duden Deutsches Universalwörterbuch; [hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat u. den Mitarbeitern der Dudenredaktion; unter der Leitung von G. Drosdowski]. [3., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.]. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 S.

6. DWB 1: Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: in 33 Bänden. Nachdruck. Bd. 1. Nachdruck der Erstausgabe 1878. München: dtv, 1984. LXVII, 1824 S.

7. Hlit: Heinrichs Litanei. 2. Hälfte 12. Jh., bair. Textauswahl: fol. 70^r,1-104^v,13.

8. Hcz: Die Hochzeit. Um 1200 oder frühes 13. Jh., bair.-österr. Textauswahl: fol. 142^r,4-154^v,8.

9. KEWD: Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache; [unter Mithilfe von M. Bürgisser u. B. Gregor völlig neu bearb. von E. Seebold]. [22. Aufl.]. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1989. 822 S.

10. Mar: Priester Wernher. Marienleben (D). 1220/1230, (nord)bair. Textauswahl: vv. 261-1138 (fol. 6^v,1-22^r,23); 2243-3161 (40^r,4-54^r,9); 4214-5110 (74^r,1-91^v,7).

11. Mart: Hugo von Langenstein. Martina. Um 1300, alem. Textauswahl: vv. 1,1-23,26 (fol. 1ra,1-23ra,26).

12. MHW I: Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: in 3 Bdn. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hirzel, 1992. Bd. 1. 2262 S.
13. MHW II: Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: in 3 Bdn. Nachdr. der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hirzel, 1992. Bd. 2. 2050 S.
14. Phys: Physiologus. Letztes Viertel 12. Jh., bair. Textauswahl: fol. 129^v-158^f.
15. PrGe: St. Georgener Predigten. 1. Hälfte 14. Jh., alem. Textauswahl: 101rb-110rb.
16. PrPa: Sankt Pauler Predigten. Anfang 13. Jh., bair.-österr. Textauswahl: 23,13-56,17; 285,10-320,19.
17. RhMI: Rheinisches Marienlob. Viertel 13. Jh., rip. Textauswahl: fol. 1^r,1-12^v,11; 30^r,6-42^v,10; 80^v,8-93^v,24.
18. Spec-II-2-P : Predigtsammlung „Speculum ecclesiae“. Letztes Viertel 12. Jh., wesrbair. Textauswahl: fol. 4^r,1-14^f,20; 34^f,1-41^r,23; 64^f,7-82^v,22.
19. TrHL: Sankt Trudperter Hohelied. 1. Viertel 13. Jh., alem. Textauswahl: fol. 1^r,1-10^v,18; 45^v,2-55^v,12; 101^r,6-111^v,15.
20. Tris: Gottfried von Straßburg. Tristan und Isolde. 2. Viertel 13. Jh., bair.-ostalem. Textauswahl: vv. 1,1-818,4 (fol. 1ra,1-5va,14); 6951-7788 (48ra,19-52vb,18); 18131-18749 (94vb,5-96vb,25); 18761-19194 (96vb,37-98vb,39).
21. TriF: Gottfried von Straßburg. Tristan. (Fragmente f, 1 und Augsburg). Mitte 13. Jh., westalem. (els.).
22. TrPs: Trierer Psalmen. Um 1200, rhfrk. Textauswahl: fol. 1^r,1-12^v,12; 36^v,1-52^r,7; 80^r,7-94^v,20.
23. Will: Williram. Hohe-Lied-Kommentar. Ende 11. Jhs., ofrk.
24. Wind: Windberger Psalter. Letztes Viertel 12. Jh., bair. Textauswahl: 1-1,6 (fol. 9^r,1-9^v,10); 2,10-17,7 (10^r,1-27^v,16); 51,1-66,8 (80^r,1-96^r,12); 127,5-147,20 (186^v,1-204^r,4).
25. WNot: Wiener Notker. Um 1100, bair. Textauswahl: fol. 5ra,6-44vb,9.
26. ZwBR: Zwiefaltener Benediktinerregel. 1. Viertel 13. Jh., ostalem. Textauswahl: fol. 1^v,1-27^r,9; 31^r,2-52^r,5.

REFERENCES

1. Ganina, N. A. (2006) *Drevnegermanskije reliktovyjeazyki: problemy i perspektivy issledovaniya* [Old German relict languages: issues and studies perspectives]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Issue 9. Philology. No. 3. Pp. 9-25. (In Russ.).
2. Yagupova, L. M. (2007). *Movno-geografichna variatyvnist systemy seredn'overchn'o-nimetskyh prefiksalnyh imennykiv*. Donetsk: DonNU. (Typologichni, zistavni, diachronichni doslidzhennya; Vol. 4). (In Ukr.).
3. Fasmer, M. (2007). *Etimologicheskij slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vol. Trans. from Ger. and rev. O. N. Trubacheva. 4th ed. Moskva: Astrel. Vol 2. (In Russ.).
4. Georges, K. E. (1998). *Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Aus den Quellen zusammengetragen und mit besonderer Bezugnahme auf Synonymik und Antiquitäten unter Berücksichtigung der besten Hilfsmittel ausgearbeitet* [Unveränderter Nachdruck der 8. verbes. u. vermehrten Aufl.]: in 2 Bdn. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998 (Reprint der Ausgabe Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1913/1918). Zugriffsmodus: <http://www.zeno.org/nid/20002183072>
5. Henzen, W. (1981). Inhaltsbezogene Wortbildung (Betrachtungen über ‘Wortnischen’ und ‘Wortstände’). In *Wortbildung*. Darmstadt, 1981. S. 55-81.
6. Klein, Th. (1991). Zur Frage der Korpusbildung und zur computerunterstützten grammatischen Auswertung mittelhochdeutscher Quellen. In *Mittelhochdeutsche Grammatik als Aufgabe*. Berlin. S. 3-23. (Zeitschrift für deutsche Philologie; 110, Sonderheft).
7. Klein, Th., Solms, H.-J., Wegera, K.-P. (2009). *Mittelhochdeutsche Grammatik*.

Tübingen: Niemeyer. Teil III. Wortbildung.

8. Kluge, Fr. (1925). *Abriß der deutschen Wortbildungslehre*. Halle (Saale): Niemeyer.
9. Lutz, B. (1989). Mittelalterliche Literatur. In *Deutsche Literaturgeschichte: von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung. S. 1-50.
10. Moser, St. (1993). *Substantivische Affixbildung im Frühneuhochdeutschen. Morphologie und Semantik der Präfixe außer ge- und Suffixe -el, -(l/n)er, -(e)rich, -(e/i)ss(e/in), -icht, -in, -lein, -ling*. Julius-Maximilians-Universität.
11. Müller, P. O. (1993). *Substantiv-Derivation in den Schriften Albrecht Dürers: ein Beitrag zur Methodik historisch-synchroner Wortbildungsanalysen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. (Wortbildung des Nürnberger Frühneuhochdeutsch; Bd. 1).
12. Naumann, B. (1986). *Einführung in die Wortbildungslehre des Deutschen*. Tübingen: Niemeyer. (Germanistische Arbeitshefte; 4).
13. Schwarz, E. (1951). *Deutsche und Germanische Philologie*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
14. Schwarz, H. (1986). *Präfixbildungen im deutschen Abrogans. Analyse und Semantik*. Göppingen: Kümmerle.
15. Wegera, K.-P. (2000). Grundlagenprobleme einer mittelhochdeutschen Grammatik. In *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung: in 2 Teilbänden*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. Tbd. 2. S. 1304-1320.
16. Weinhold, K. (1967). *Mittelhochdeutsche Grammatik*. Paderborn: Schöningh.
17. Wellmann, H. (1975). *Deutsche Wortbildung. Das Substantiv*. Cornelsen Verlag GmbH + C. (Sprache der Gegenwart, 32).
18. Wilmanns, W. (1930). *Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. Zweite Abteilung: Wortbildung*. Berlin u. Leipzig: Walter de Gruyter & Co.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. AthP: Athis und Prophlias. Mitte 13. Jh., hess.-thür. Übergangsraum.
2. BaGB: Bamberger Glaube und Beichte, Himmel und Hölle. 1. Hälfte 12. Jh., ofrk. Textauswahl: fol. 111^v-114^r (153,1-154,61).
3. BuMi: Buch der Minne (Rede von den 15 Graden). 1. Hälfte 14. Jh., mfrk. (rip.). Textauswahl: fol. 57^r,3-98^v,12.
4. DGW 1: Duden „Das große Wörterbuch der deutschen Sprache“: in 8 Bdn.; [hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat u. den Mitarbeitern der Dudenredaktion; unter der Leitung von G. Drosdowski]. [2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.]. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993. Bd. 1. 536 S.
5. DUW: Duden Deutsches Universalwörterbuch; [hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat u. den Mitarbeitern der Dudenredaktion; unter der Leitung von G. Drosdowski]. [3., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.]. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 S.
6. DWB 1: Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: in 33 Bdn. Nachdruck. Bd. 1. Nachdruck der Erstausgabe 1878. München: dtv, 1984. LXVII, 1824 S.
7. Hlit: Heinrichs Litanei. 2. Hälfte 12. Jh., bair. Textauswahl: fol. 70^r,1-104^v,13.
8. Hcz: Die Hochzeit. Um 1200 oder frühes 13. Jh., bair.-österr. Textauswahl: fol. 142^r,4-154^v,8.
9. KEWD: Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache; [unter Mithilfe von M. Bürgisser u. B. Gregor völlig neu bearb. von E. Seebold]. [22. Aufl.]. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1989. 822 S.
10. Mar: Priester Wernher. Marienleben (D). 1220/1230, (nord)bair. Textauswahl: vv. 261-1138 (fol. 6^v,1-22^r,23); 2243-3161 (40^r,4-54^r,9); 4214-5110 (74^r,1-91^v,7).
11. Mart: Hugo von Langenstein. Martina. Um 1300, alem. Textauswahl: vv. 1,1-23,26 (fol. 1ra,1-23ra,26).

12. MHW I: Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: in 3 Bdn. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hirzel, 1992. Bd. 1. 2262 S.
13. MHW II: Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: in 3 Bdn. – Nachdr. der Ausgabe Leipzig 1872-1878. – Stuttgart: S. Hirzel, 1992. Bd. 2. 2050 S.
14. Phys: Physiologus. Letztes Viertel 12. Jh., bair. Textauswahl: fol. 129^v-158^r.
15. PrGe: St. Georgener Predigten. 1. Hälfte 14. Jh., alem. Textauswahl: 101rb-110rb.
16. PrPa: Sankt Pauler Predigten. Anfang 13. Jh., bair.-österr. Textauswahl: 23,13-56,17; 285,10-320,19.
17. RhMI: Rheinisches Marienlob. Viertel 13. Jh., rip. Textauswahl: fol. 1^r,1-12^v,11; 30^r,6-42^v,10; 80^v,8-93^v,24.
18. Spec-II-2-P : Predigtsammlung „Speculum ecclesiae“. Letztes Viertel 12. Jh., wesrbair. Textauswahl: fol. 4^r,1-14^r,20; 34^r,1-41^r,23; 64^r,7-82^v,22.
19. TrHL: Sankt Trudperter Hohelied. 1. Viertel 13. Jh., alem. Textauswahl: fol. 1^r,1-10^v,18; 45^v,2-55^v,12; 101^r,6-111^v,15.
20. Tris: Gottfried von Straßburg. Tristan und Isolde. 2. Viertel 13. Jh., bair.-ostalem. Textauswahl: vv. 1,1-818,4 (fol. 1ra,1-5va,14); 6951-7788 (48ra,19-52vb,18); 18131-18749 (94vb,5-96vb,25); 18761-19194 (96vb,37-98vb,39).
21. TriF: Gottfried von Straßburg. Tristan. (Fragmente f, l und Augsburg). Mitte 13. Jh., westalem. (els.).
22. TrPs: Trierer Psalmen. Um 1200, rhfrk. Textauswahl: fol. 1^r,1-12^v,12; 36^v,1-52^r,7; 80^r,7-94^v,20.
23. Will: Williram. Hohe-Lied-Kommentar. Ende 11. Jhs., ofrk.
24. Wind: Windberger Psalter. Letztes Viertel 12. Jh., bair. Textauswahl: 1-1,6 (fol. 9^r,1-9^v,10); 2,10-17,7 (10^r,1-27^v,16); 51,1-66,8 (80^r,1-96^r,12); 127,5-147,20 (186^v,1-204^r,4).
25. WNot: Wiener Notker. Um 1100, bair. Textauswahl: fol. 5ra,6-44vb,9.
26. ZwBR: Zwiefaltener Benediktinerregel. 1. Viertel 13. Jh., ostalem. Textauswahl: fol. 1^v,1-27^r,9; 31^r,2-52^r,5.

Ягунова Лариса Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской филологии (e-mail: l.yagupova@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Yagupova Larisa N. – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: l.yagupova@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 18 октября 2022 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 804.0

© 2022 С. Е. Кремзикова

ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИМЕНИ ДЕЙСТВИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ СИТУАЦИИ И СПОСОБЫ ЕЕ СИСТЕМНОГО И ДИСКУРСИВНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

*В статье рассматриваются принципы организации и функционирования моделей имени действия в словообразовательной системе и дискурсах с позиций теории прототипов и в структуре деятельностной ситуации. На материале старофранцузского периода анализируются производные существительные, которые, реализуя словообразовательные и концептуальные связи, организуют структурно-семантические сети – многозвенные ряды. Исследуются принципы организации ситуации в рамках функциональной иерархии ее компонентов, их стабильности в отнесении к определенному прототипу ряда. Выделяются характерные ее признаки, основанные на новом подходе к словообразовательной модели как структуре, содержащей указание на то, как ее элементы отражают определенный вид деятельности с потенциальной реконструкцией компонентов этой деятельности. По основным критериям определяется степень прототипичности единиц, реализующих деятельностную ситуацию. Детально анализируются производные существительные, образованные по **-ement** модели **V-er, -ir, -re + Suff -ement ---Nac**.*

Ключевые слова: прототип, словообразовательная модель, имя действия, валентность, многозвенный ряд, деятельностная ситуация, старофранцузский период.

© 2022 S. E. Kremzikova

PROTOTYPICAL MODEL OF THE ACTION NAME AS A STRUCTURAL COMPONENT OF THE ACTIVITY SITUATION AND THE WAYS OF ITS SYSTEMIC AND DISCOURSE REPRESENTATION

*The article deals with the principles of organization and functioning of action name models in the word-formation system and discourses from the standpoint of the prototypes theory and within the framework of the activity situation. Based on the material of the Old French period, derivative nouns are analyzed, which, realizing word-formation and conceptual connections, organize the structural-semantic networks - multi-link series. The principles of describing the situation from the positions of the prototypes theory within the framework of the functional hierarchy of its components, their stability in relation to a certain prototype are investigated. Its characteristic features based on a new approach to word-formation model as a structure containing an indication of how its elements reflect a certain type of activity with a potential reconstruction of the main components of this activity. According to the main criteria, the degree of prototypicality of units realizing the activity situation is determined. The best matched those criteria derivative nouns formed according to the **-ement** model **V-er, -ir, -re + Suff -ement ---Nac** are analyzed in detail.*

Key words: prototype, word-formation model, action name, valency, multilink series, activity situation, Old French period.

Введение

В современной лингвистике приобрела развитие теория прототипов применительно к природе и устройству категорий [Лакофф, 1988: 2004; Rosch, 1978; Geeraerts, 1992; Болдырев, 2001; 2002; Бондарко 2000; Демьянков, 2006; Кубрякова, 2003, 2006].

В отличие от традиционного толкования категории как определенного инвентаря форм, находящихся в оппозиции по отношению друг к другу, согласно основным положениям и принципам теории прототипов элементы категории считаются неравнозначными между собой. Категории в толковании теории прототипов, по мнению ученых, имеют следующие признаки: 1) прототип категории составляют единицы различной степени типичности; члены ее не обязательно являются представителями категории; 2) такие категории функционируют как родственные сходства, их семантическая структура имеет форму сети значений, которые перекрещиваются и переплетаются и таким образом организуются вокруг центрального элемента; 3) прототипические категории не определяются серией необходимых и достаточных условий; 4) прототипическая категория имеет нестабильные границы. Внутреннюю структуру категории определяет существование центральных, более типичных для данной категории элементов-прототипов и менее типичных элементов [Лакофф, 1987; 2004: 87-89; Geeraerts, 1992; Болдырев, 2002: 102-103]. Прототип определяется как содержательное ядро, концентрирующее в себе «наиболее характерные способы выражения свойств объектов и обладающие определенным набором общих облигаторных признаков» [Шубина, Костюшкина, 2022: 4].

В современных исследованиях прототипом всех сложных видов действий и процессов принимается простое перемещение объектов, когда движение интерпретируется как ситуация, происходящая не только в пространстве, но и во времени. Семантика глагола отражает определенный вид деятельности с реконструкцией основных компонентов этой деятельности [Кубрякова, 2003: 443]. Поскольку одним из основных компонентов структуры деятельности является сама деятельность (операция), в таком понимании прототипами категории имен действия могут выступать производные существительные, передающие субстанционально конкретное физическое действие, или процесс. Они мотивируются глаголами, называют события и характеризуются потенциальными семами субъекта-агенса, конкретного намерения действия, направленности на объект с целью его изменения, результата действия. В таком плане одной из задач исследования является определение прототипических моделей категории

имени действия в системе языка, а также их роль в формировании деятельностных ситуаций в дискурсе.

Как отмечается в лингвистической литературе, для характеристики понятия прототип существенными являются следующие критерии: высокая концентрация специфических признаков объекта, его способность быть источником производных вариантов, высокая степень регулярности функционирования [Бондарко, 2000: 167].

По мнению исследователей, в качестве прототипических характеристик языковых единиц выступают их семантические характеристики [Rosch, 1978]. Считается, что главным семантическим критерием организации категории имен действия является процессуальный признак. В грамматике категория имени действия толкуется как ряд производных имен со значением отвлеченного процессуального признака [Русская грамматика, 1980: 157]. Рассматривая глаголы действия через их когнитивные характеристики, ученые отмечают, что семантика процессуального признака реализуется в производных именах действия, как отношение концептов, отражающих структуры знания, стоящие за данными производными [Кубрякова, 2003; Кремзикова, 2010].

Вокруг прототипов, которые выступают в качестве когнитивных узлов референции, группируются все остальные элементы, входящие в эту категорию. Непрототипические элементы являются переходными между категориями. Они имеют несколько характеристик данной категории и ряд признаков, присущих другим категориям. Центральный компонент категории, ее прототип, характеризуется наибольшим количеством свойств, присущих данной категории, и, напротив, наименьшим количеством признаков, присущих другим категориям. Таким образом, в когнитивно-деятельностном контексте исследования, представляется важным решение проблемы определения тех типов словообразовательных моделей, которые являются прототипическими в организации категории имени действия в системе языка, а также узловыми компонентами в реализации деятельностной ситуации в дискурсе [Кремзикова, 2010: 93-94; 2017: 291-293].

Результаты исследования

Для определения прототипов словообразовательной модели имени действия, а также коррелирующих с ней моделей, релевантными признаками выступают: а) совокупность основных аспектов процессуального признака (субстантивированное действие, процесс, конкретный или абстрактный его результат); б) способность мотивации основным значением процессуального признака других аспектов значения (таких как носитель процессуального признака – предмет, лицо, существо; место действия; предмет,

предназначенный для завершения действия; конкретный предмет как объект или результат действия; состояние как результат действия); в) высокая степень регулярности функционирования определенных словообразовательных моделей данной категории в различных типах дискурсах старофранцузского периода.

Методика исследования включает и установление продуктивности словообразовательных типов, формирующих категорию имени действия по критериям количественных и качественных показателей. Количественный критерий позволяет установить количество производных, образованных по определенной модели, продуктивность которой подтверждается частотностью употребления образований такого типа в текстах. Качественный критерий указывает на сочетательные возможности компонентов словообразовательной модели, главным фактором которых является их семантическое согласование и способность служить моделью образования новых слов. Такие производные составляют центр категории имени действия.

Проведенный лексикографический и словообразовательный анализ материала исследования показал, что номинативное пространство имен действия в старофранцузский период представлено следующими моделями:

Тип модели	Количество производных единиц
V — N — ement	1763
V --- N — eure/-ure	750
V --- N — ee	732
V --- N — ance	728
V --- N — ie	686
V --- N — erie	684
V --- N — age	662
V --- N — aison/-oison/-ison	323
V --- N — aille	222
V --- N — 0/-e	200
V --- N — eis	130
Всего	6196 производных

(Выборка производных данной категории сделана из словаря *Altfranzosisches Wörterbuch* A. Tobler, E. Lommatzsch [Tobler, Lommatzsch, 1915], который включает около 48 000 старофранцузских слов; выбранные данные проверены и уточнены по многотомному словарю Godefroy 1881-1902; однотоминым словарям Greimas 2007; Grandsaignes d'Hauterive 1947; Godefroy 2003).

Исследование материала показало, что наиболее функционально нагруженной в номинативном пространстве имен действия старофранцузского периода является словообразовательная модель *V-er, -ir, -re + Suff -ement ---N -ement* (по данным выборки 1763 производных образовано по этой модели). Известно, что каждый синхронный срез языка включает в себя старые и новые, а также переходные элементы, в которых можно

обнаружить моменты предыдущей системы и процессы, которые начинаются [Гийом, 1992: 62.]. Особенность производных слов фиксировать в своей структуре одновременно и признаки генезиса, и признаки современного состояния языка, позволяет выявить преемственность языковой синхронии и диахронии.

Одной из причин количественного превалирования образований по модели *V-er, -ir, -re ---N-ement* (более чем в два раза по сравнению с другими именами действия – производными с суффиксами *-ance, -age, -eure/-ure, -aison -ie, -ee*) ученые считают причину исторического характера. В исконных словах суффикс *-ement* представляет различные варианты латинских суффиксов *-amentum, -imentum, -ĭmentum*, которые в результате процессов аналогии, распространенных в VI–VIII вв., унифицировались по наиболее продуктивному типу спряжения глаголов на *-are* в *-amentum*, который в дальнейшем перешел в *-ement* [Darmesteter, 2017, livre 3, p. 64; Nyrop, 1908. V. 3, p. 107]. И, как пишет Н. М. Штейнберг, «впитал в себя формы *-imentum, -ĭmentum*, поэтому мог присоединяться к основам глаголов (Participe présent) любого спряжения» [Штейнберг, 1976: 71].

Помимо причин исторического плана значительную роль в развитии и функционировании указанных словообразовательных моделей в старофранцузский период играют их структурные и семантические характеристики. Изучение сочетательных возможностей составных элементов таких формирований позволило выявить, что суффикс *-ement* соединяется с глагольной основой на согласный и гласный. Проведенный анализ свидетельствует о преимущественной сочетаемости суффикса *-ement* с основами глаголов на согласный (1495 единиц), значительно меньшем количестве примеров взаимодействия суффикса с мотивирующими основами на гласный (298 единиц) (см. табл. 1, 2).

Таблица 1. Словообразовательная модель *V-cons. -er, -ir, -re + Suff-ement -Nac.-ement*

Структурный тип модели	Производные имена действия (примеры)	Кол-во
1	2	3
V-ss-er, -ir, -re +Suff.-ement - N -ement	Abaissier - <i>abaissement</i> , escasser - <i>escassement</i> ; declarcir - <i>declarcissement</i> , embelir - <i>embelissement</i> , banir - <i>banissement</i> ; acroistre - <i>acroissement</i>	206
V-t-er, -ir, -re +Suff.-ement - N -ement	Alaiter - <i>alaitement</i> , acoter - <i>acotement</i> , amonester - <i>amonestement</i> , desbarat - <i>ement</i> , eschargait - <i>ement</i> ; anuitir - <i>anuitement</i> , repentir - <i>repentement</i> ; abatre - <i>abatement</i> ;	198
V-r-er, -ir, -re +Suff.-ement - N -ement	Afeutrer - <i>afeutrement</i> , aombrier - <i>aombrement</i> , avesprer - <i>avesprement</i> , conjur- <i>ement</i> , denombr- <i>ement</i> , recovr- <i>ement</i> ; ofrir - <i>ofrement</i> , encorir - <i>encorement</i> ; mordre - <i>mordr-ement</i>	163
V-n--er, -ir, -re +Suff.-ement - N -ement	Acener - <i>acenment</i> , araisn- <i>ement</i> , adevin- <i>ement</i> , defin- <i>ement</i> , enclin- <i>emen</i> ; fornir - <i>fornement</i> , tenir - <i>ten-ement</i> ; desenorden- <i>ement</i> ; porprendre- <i>porprenement</i> , espondre - <i>esponement</i>	158

1	2	3
V-s/z--er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Abrusement, acusement, atisement, boisement demenuisement, desapensement, esfrisement, faisement, luisement, oisement	126
V-l--er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Acombler -acomblement, chapl-ement, desassembl-ement, mesparl-ement, redobl-ement, entitul-ement	116
V-d-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Acorder -accordement, esgard-ement; attendre -attendement, comprendre -comprendement, dessoudre -dessoudement, contrecord-ement, tord -ement, vend-ement	90
V-g-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Alegier -alegement, assovagier -assovagement, contrevengier contrevengement, desparag-ement, iretag-ement, refug-ement	83
V-c-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Adoucier -adoucement, commenc-ement, dechac-ement, entrelac-ement, redrec-ement, soshauc-ement;	64
V-v-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Achever -achevement, eschaitiv-ement; servir -servement apercevoir -apercevement, concevoir-concevement, descrire -descrivement	64
V-gn-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Acompagner -accompagnement, chapign-ement, coign-ement, oign-ement, embesoign-ement; desjoindre -desjoignement, estreindre -estreignement, defeign-ement	54
V-ch-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Coucher -couchement, clofich-ement, encerchier -encerchement, emparchier – emparchement, decrach-ement	52
V-m-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Acostumer -acostument, pasm-ement, ralum-ement, conform-ement, esm-ement ; dormir –dormement, endorm-ement	39
V-p-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Coper -copement, eschap-ement, harp-ement, particip-ement, sop-ement ; desrompre -desrompement	32
V-b-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Adober -adobement, desrob-ement, enflamb-ement, degaber -degabement	16
V-f-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Atifer -atifement, enfefer -enfefement, eschaufement	4
V –cons.-ement	Total	1465

Таблица 2. Словообразовательная модель V-voу. -er, -ir, -re + Suff-ement -NAc.-ement

Структурный тип модели	Производные существительные (примеры)	Ко-во
V-i-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Apaiement, avoiement, chaploiment, destruiement, esbanoiment, muiement, deviiement, embesilliment	176
V-ill-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Apareillement, esmerveillement, chatoillement, entortillement, devantapareillement, sillement, pillement	42
V-u-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Avaluement, continuement, defluement, dehuement, demuement, diminuement, embuement, engluement escuement, remuement ; destruire -destruiement	35
V-o-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Avoement, loement, detroement, doement, esbloement, escoement, joement, esjoement, rescoement, voement; enclore -encloement, forcloement	25
V –e-er, -ir, -re +Suff.-ement - N ement	Congement, deveement, recreement greement maugreement, rencheement, esfreement, enceement cheement, veement	15
V-a-er + Suff.-ement- N ement	Emblaer -emblaement, faement, esfraement	5
	Total	298

Активность старофранцузского суффикса *-ement* подтверждается не только тем фактом, что он сочетается со значительным количеством мотивирующих основ (простых и сложных), но и тем, что он способен занимать различные позиции в производном

слове (прикорневую, а также после другого прикорневого суффикса). Способность суффиксов соединяться с определенными основами в процессе словообразования, базируется на семантической связи между соответствующим образующим словом и формантом. Ученые называют это явление валентностью и подчеркивают, что она указывает на наличие в языковой единице ее возможных семантических связей [Лосев, 1983: 132; Милославский, 1980: 152; Štekauer, 2014].

Продуктивность словообразовательной модели *V--N-ement* коррелирует с высокой активностью суффикса *-ement*, который проявляет способности сочетаться с различными формами мотивирующих глаголов, даже такими, в структуре которых уже присутствуют другие суффиксы. Среди них, суффиксы, которые реализуют значения фреквентативности, ослабленного или уменьшительного действия:

– производящая основа глагола с суффиксом **-ill**:

V grondir (gronger, murmurer; gronder) + Suff.-ill -V² grondillier (murmurer, grogner, mugir) - N grondillement (murmure, mugissement);

V beser (s'effaroucher) + Suff.-ill -V² besiller (tourmenter; massacrer) -N besillement (tourment; blessure; massacre);

– производящая основа с суффиксом **-oy/-oi**:

V chapler (frapper; combattre, massacrer) + Suff.-oy/-oi -V² chaploier (freq. de chapler) -N chaploiment (coups violents, massacre);

V flamber (flamber, bruler) + Suff. -oy/-oi -V² flamboier (flamboyer) - N flamboiment (action de flamboyer);

– производящая основа с суффиксом **-et**:

N cloche (cloche) + Suff.-et + Suff.-er -V clocheter (faire sonner la cloche) - N clochetement (sonnerie des cloches);

– производящая основа с суффиксом **-el**:

V gromir (gronder, grogner) + Suff.-el + Suff.-er -V² gromeler (grogner) -N gromelment (grognement);

– производящая основа с суффиксом **-on**:

N aiguille (aiguille) + Suff.-on + Suff.-er -V aguillonner (darder comme une aiguille; piquer, exciter) -N aguillonement (action d'exciter).

Анализ производных существительных, образованных по моделям *V– V² –N -ement*; *N –V -N-ement*, позволяет выявить все этапы словообразовательного процесса, результатом реализации третьей степени которого является формирование имен действия.

Сочетание в структуре производного имени действия суффикса *-ement*, (который несет потенциальную сему действия), с другими суффиксами, указывающими на характеристику действия, свидетельствует о его широкой сочетательной способности, которая определяется валентностью суффикса и производящей основы, и соответствует требованиям морфологической и словообразовательной подсистем языка.

В группе производных, где суффикс *-ement* взаимодействует с основами на согласный *-s-* (332 единицы), из которых в 206 примерах наблюдается двойной согласный *-ss-*, в 204 случаях суффикс *-ement* занимает позицию после прикорневого суффикса *-iss* (сравним с другими суффиксами, формирующими имена действия: *-ance* коррелирует с основой на *-iss* в 38 случаях; *-eure/-ure* – в 30; *-age* – в 12 примерах; по нашей выборке не обнаружено ни одного примера взаимодействия основы на *-iss* с суффиксами *-aïson/-oïson/-ïson; -aille*).

Этот феномен объясняется достаточно легкой способностью суффикса *-ement* взаимодействовать с инхоативным суффиксом *-iss*, характерным для причастных форм глаголов II спряжения на *-ir* [Дарместетер, 2017: 65], которое и служит производящей основой: *acomplir* – *acomplissant* – *acomplissement*; *banir* – *banissant* – *banissement*; *declarcir* – *declarcissant* – *declarcissement*; *defenir* – *defenissant* – *defenissement*.

Среди них выделяется группа производных имен действия, мотивированных отадъективными глаголами с префиксами *a-*, *em-*, *en-* со значением «сделать таковым, придать качество, или приобрести значение, которое называет мотивирующее прилагательное...». Они совмещают в своем значении присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака (действие, состояние) и значение результата (процесса) приобретенного качества.

<i>Adj.</i>	<i>Pref. V-ir</i>	<i>Part. Pr.</i>	<i>N -ement</i>
<i>Bel</i>	<i>-em-bel-ir</i>	<i>-embelissant</i>	<i>-embelissement;</i>
<i>bleme</i>	<i>-em-blem-ir</i>	<i>-emblemissant</i>	<i>-emblemissement;</i>
<i>grand</i>	<i>-en-grand-ir</i>	<i>-engrandissant</i>	<i>-engrandissement;</i>
<i>hardi</i>	<i>-en-hard-ir</i>	<i>-enhardissant</i>	<i>-enhardissement;</i>
<i>fresche</i>	<i>-ra-fresch-ir</i>	<i>-rafreschissant</i>	<i>-rafreschissement;</i>
<i>vert</i>	<i>-re-verd-ir</i>	<i>-reverdissant</i>	<i>-reverdissement.</i>

Помимо существительных, мотивированных глаголами II спряжения, корреляция ‘суффикс *-iss* / суффикс *-ement*’ характеризует и производные от глаголов на *-aître/-aïstre*, *-oître/-oïstre*, которые исторически восходят к инхоативным латинским суффиксам *-ascere*, *-escere*, *-oscere*: *croistre* – *croissement*; *acroistre* – *accroissement*; *encroistre* – *encroissement*; *escroistre* – *escroissement*; *descroistre* – *descroissement*; *desacroistre* – *desacroissement*;

conoistre – conoissement; reconoistre – reconoissement; naistre – naissement; paistre – paissement; repaistre – repaissement; partistre – partisement.

Особенностью старофранцузского словообразования является корреляция активных суффиксов с вариативными формами мотиватора и образование словообразовательных вариантов мотивированных слов. Вариантами производных слов считаются однокоренные образования, характеризующиеся тождеством морфемного состава, в котором та или иная морфема (корневая, или аффиксальная) представлена в различных вариантах. Варианты морфем характеризуются фонемной близостью, тождественным значением, способностью заменять друг друга в составе слова [Русская грамматика, 1980: 127].

Словообразовательное варьирование, характеризующееся функционированием единиц с вариативными формами основ или аффиксов в одном и том же окружении, нередко приводит к синонимии. Синонимами часто являются производные с тождественными суффиксами, которые образованы от вариантных форм образующей основы. В частности, словообразовательные варианты имен действия на *-ement* образуются от основ инфинитива, причастия настоящего времени или первого лица множественного числа глаголов II спряжения, например: *complir – compliement / complissement; flechir – flechement / flechissement*. Вариативные формы производных мотивируются также и однокоренными глаголами синонимами различных спряжений, (это было характерным для старофранцузского периода), например, I и II: *esplener – esplenement / esplénir – esplenissement; establer – establement / établir – établissement*.

Вариативность основ является характерной чертой и формирований от глаголов III спряжения: суффиксы коррелируют с формами инфинитива, причастия настоящего времени, причастия прошедшего времени. Отмечены следующие виды фонетического варьирования при словообразовании от глаголов III спряжения: чередование *n/gn/d*: *esteindre – esteindement / esteignement*; появление интеркалированного согласного *t, s*: *deduire – deduiement / deduisement / deduitement; destruire – destruiement / destruisement / destruitement*. Суффикс *-iss*, характерный для парадигмы множества настоящего времени глаголов II спряжения и для производных от форм этих глаголов, наблюдается и у производных от глаголов III спряжения, образованных по аналогии с глаголами II спряжения. Отмечено функционирование синонимических существительных от глаголов III спряжения с интеркаляцией суффикса *-iss*, или без него: *defendre – defendement / defendissement*. Варьирование таких форм встречается преимущественно

среди производных от глаголов III спряжения на *-ir*: *consentir – consentement / consentissement; partir – partement / partissement*.

Широкая сочетаемость суффикса *-ement* с основами глаголов с суффиксами с количественными или эмоционально-оценочными оттенками приводит к появлению производных однокоренных синонимов:

– *Languoier* (agiter la langue; bavarder) – *languoient* (action d'agiter la langue; bavardage); *langueter* (mouvoir la langue; bavarder; caresser avec la langue) – *languement* (bavardage, caresse avec la langue).

– *Grondir* (gronger, murmurer; gronder) – *grondissement* (murmure, chuchotement); *grondiller* (murmurer, grogner, mugir) – *grondillement* (murmure, mugissement).

Функционирование синонимических производных в старофранцузском номинативном пространстве имен действия подкрепляется сосуществованием многочисленных вариантов основ, что характерно для периода, когда язык еще не обладает фиксированной нормой [Челышева, 2001: 250].

В исследуемый период, в словообразовательном процессе активно участвуют и образующие основы с усложненной морфологической структурой. Несмотря на то, что последние имеют меньше потенциальных сем, чем слова с простой структурой, из этого не следует, что их словообразовательные возможности совсем незначительны. Как известно, совокупность потенциальных сем (более общего или более частного характера) указывает на валентностную характеристику значимой единицы, ее возможные семантические связи [Илюшечкина, 1983: 121]. Внутренним фактором, который способствует формированию многоаффиксных слов, является то, что они, как и простые, обладают определенным комплексом возможных семантических связей, которые способны реализоваться при взаимодействии данного производного слова с определенным суффиксом. В старофранцузском словообразовании отмечено формирование имен действия от производных производящих основ, в которых суффикс *-ement* коррелирует с суффиксом *-age*. Такая корреляция суффиксов происходит на третьей или на четвертой ступени словопроизводства, например:

<i>V desparer</i>	– N <i>desparage</i>	– V <i>desparagier</i>	– N <i>desparagement</i> ;
<i>V loer</i>	– N <i>loement</i> / N <i>loage</i>	– V <i>loagier</i> / Adj <i>loagier</i>	– N <i>loagement</i> ;
<i>V heriter / ireter</i>	– N <i>heritage</i> / <i>iretage</i>	– V <i>heritagier</i> / <i>iretagier</i>	– N <i>heritagement</i> / <i>iretagement</i> .

В старофранцузский период суффикс *-ement* чаще располагается в первой прикорневой позиции: *lo-ement*, *iret-ement*, *vend-ement*, *ru-ement*, *hu-ement* и способен

занимать второе место после другого прикорневого суффикса: *grond-iss-ement*, *chapl-oi-ement*, *iret-ag-ement*, *confort-ifi-ement*. Менее регулярно он встречается в позиции между корнем и другим суффиксом, например: V *parer* ‘apprendre’ – N¹ *parement* ‘parure, vêtement’ – N² *parementier* ‘tailleur’; V *tenir* ‘garder, posséder’ – N¹ *tenement* ‘possession, biens, domaine’ – N² *tenementier* ‘tenancier, celui qui tient un tenement’.

Образование многоаффиксных слов отражает необходимость объединения в одном слове максимума понятий, что заменяет синтаксические конструкции и перифразы. Многосложные слова фиксируют более высокий уровень абстракции, чем простые слова.

Следует отметить, что возможность реализовать правостороннюю валентность имеют и производные образующие основы со значением опредмеченного действия (отглагольные существительные с суффиксами *-age*, *-ance*), которые, сочетаясь с суффиксами *-ier/-eor*, актуализируют потенциальную сему «действующее лицо»: V *covenir* (convenir) – NAc. *covenant* ‘accord, convention’ – NAg. *covenancier* ‘celui qui fait un accord’; V *pasnier* ‘pâtre’ – NAc. *pasnage* ‘droit de faire pâtre’ – NAg. *pasnagier / pasnageor* ‘celui qui perçoit le droit de pasnage / celui qui jouit du droit de pasnage’.

Мотивированные глаголами существительные с предметным значением результата действия имеют информационный потенциал – совокупность потенциальных сем: «отношение к другому действию», «определяемое действие», «признак действия», «деятель», которые и актуализируются в многоаффиксных словах.

Валентностные реализации морфем зависят от различных факторов: требований морфемной и словообразовательной подсистем языка, его лексического состава. Анализ показал, что образование имен деятеля от производных производящих основ имен действия ограничивается действием определенных факторов. Среди прочих, причинами затухания словообразовательных возможностей ученые считают существование тупиковых словообразовательных значений и ограниченное количество последовательных словообразовательных актов [Милославский, 1980: 181].

Широкие сочетаемостные возможности суффикса *-ement* проявляются в том, что как морфема, начинающаяся на гласный, он взаимодействует с основами глаголов I, II и III спряжений на согласный и даже, в отдельных случаях, если они заканчиваются на гласный. Он также коррелирует с основами, оканчивающимися на инхоативные, фреквентативные, эмоционально-оценочные суффиксы; занимает прикорневую, послесуффиксальную, или межсуффиксальную позиции в слове. Особенностью старофранцузского словообразования, в частности образования имен действия, является

морфологическое (структурное) варьирование форм образующих основ и суффиксов. Морфологическое варьирование наблюдается в наличии вариативных форм основ глаголов II и III спряжений; ступенчатом формировании образующих основ и производных слов. В связи с нестабильностью нормы в старофранцузский период, функционирование однокоренных синонимических глаголов различных спряжений (*arrester / arestir; anuitier / anuitir; acenser / acensir*) делает возможным появление производных синонимов имени действия (*acensement / acensissement*).

В настоящем исследовании словообразовательные модели понимаются не только как категоризаторы языкового опыта о том, как возникают слова, но и как категоризаторы опыта человека, приобретенного им в процессе взаимодействия с окружающим миром. Производные слова рассматриваются как маркированные единицы, в которых эксплицируется информация о системе ценностей человека, которые отражают те корреляции и связи, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания [Кубрякова 2003; 2006].

Поскольку источником или причиной действия является сама деятельность, обозначенная глаголом, то когнитивная модель деятельностной ситуации, отражающая семантику глагола, строится как аналог ситуации с реконструкцией основных компонентов деятельности, среди которых: тот, кто осуществляет действие, сама деятельность, средство или ее инструмент, объект и цель [Кубрякова 2003: 443; Кремзикова 2010: 86].

Так, разворачивание деятельностной ситуации в деловом дискурсе старофранцузского периода ‘сдавать / брать внаем’ происходит через репрезентацию ее когнитивной структуры вербальными средствами, в том числе, многозвенными словообразовательными рядами, актуализирующими прототипическими словообразовательными моделями, потенциальных участников ситуации.

Действие: V¹ *loer* ‘сдавать / брать внаем’ ---NAc¹ Имя действия *loement* ‘сдача в наем’; N Ag¹ Имя деятеля *loeor / loieor / loueor* ‘съемщик’; ---OAc Объект действия N *loage* ‘недвижимость, сдаваемая внаем’ ---V² *loagier* ‘совершать действие с недвижимостью’ ---NAc² Имя действия (процесс) NAc.² *loagement* ‘сдача внаем недвижимости’; IOAc Признак объекта действия (непроцессуальный признак: имеющий отношение к тому, что названо производящим словом, к объекту действия) Adj. *loagier* ‘имеющий отношение к недвижимости, сдаваемой внаем’; ---S/NAg Имя деятеля (агент действия) NAg² *loagier* ‘тот, кто сдает или берет внаем’.

В старофранцузском деловом дискурсе ситуация разворачивается посредством реализации словообразовательных моделей прототипического словообразовательного ряда:

1) «*Cil qui prent une chose a louage doit faire totez choses selonc la loi del loage*» (Arch. Gdf.V);

2) «*Sale, chambres et estables, granches, louages et autres edifices quelconques*» (Arch. Somme, Gdf.V);

3) «*Le terme passé du lowagement que je avoie fait a mon seigneur Aliaum*» (1289, Cart. de Ponthieu, Gdf.V);

4) «*A cest lowement et asenement furent apelet ..*» (1263, Arch. du roy de Belg. Gdf. V);

5) «*Li premiers loierres contera les . L . besans*» (Ms. Montp. Н. 47. Gdf. V).

Деятельностная ситуация наследования актуализируется в деловом дискурсе по той же прототипической модели словообразовательного ряда, сравним:

Действие: V¹ *heriter / ireter* / ‘наследовать’ -ОАсN¹ *heritage / iretage* ‘наследство’; -Adj. *heritier* ‘наследуемый’; -V² *heritagier / iretagier* ‘вступать в право наследования’; -N² *heritagement / iretagement* ‘вступление в право наследования’; N Ag *heritagier / iretagier* ‘наследник’:

6) «*Li Signor et tout lor comandemens iroient a tout cest heritaige devant nomeit, si com a lor loial aquest*» (1228, Cart. de S. Sauveur, Richel Gdf. IV);

7) «*Item li diz Hues tous les dons heritiers et porcions de biens meubles et non meubles... promet a tenir fermes sanz venir encontre*» (1313, Arch. Gdf. IV);

8) «*Les bans d'eritagementz*» (Mardi apr. reminiscere 1391, S-t Paul de Leon, Arch. Gdf. IV).

Выводы

Проведенный анализ показал, что словообразовательные модели, характеризующиеся высокой валентностью составляющих их компонентов, относятся к центральному, прототипическим единицам системы языка.

Словообразовательная валентность основ и суффиксов в старофранцузский период проявляется в их способности формировать производные по прототипическим моделям, которые, в свою очередь, объединяются в прототипические многозвенные словообразовательные ряды. Структура ряда зависит от лексико-грамматического класса исходного слова, его семантической структуры, от активности словообразовательных формантов и от словообразовательных тенденций в этот период.

Кроме того, производные прототипических моделей отличаются высокой регулярностью функционирования в дискурсах. Глагол, мотивируя ряд производных,

связанных между собой формально и семантически в многозвенный словообразовательный ряд, реализует посредством звеньев этого ряда – прототипических словообразовательных моделей различных категорий – узловые элементы структуры деятельностной ситуации. В основе деятельностной ситуации находится пропозиция, представляющая основу определенной онтологической ситуации.

Как и когнитивная, словообразовательная модель, отражает ту или иную концептуальную сферу. Если когнитивная модель структурирует ментальное пространство и обобщает концептуальный план онтологического явления, то словообразовательная модель – это обобщение конструктивной сущности, (конструкта лингвистической модели по А. Ф. Лосеву), образуемых по ее правилам слов, а именно, словообразовательного значения, которое, и общее и частное, отмечается универсальностью.

Таким образом, применение положений теории прототипов и дискурсивного подхода к изучению процессов словообразовательной категоризации позволило определить механизм концептуальной интеграции прототипических словообразовательных моделей, не только, как единиц системы языка, но и как репрезентантов деятельностных ситуаций, вербализируемых в дискурсах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2002. 123 с.
2. Бондарко А. В. Понятия «инвариант» и «прототип» в системе анализа грамматической семантики // Когнитивная семантика. Тамбов, 2000. Ч. 2. С. 166-169.
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. 2-е изд., испр. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 224 с.
4. Демьянков В. З. *Studia Linguistica Cognitiva* – призыв к сотрудничеству // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. Москва: Гнозис, 2006. 364 с.
5. Илюшечкина Л. А. Словообразовательная валентность в современном французском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Москва, 1983. 223 с.
6. Кремзикова С. Ю. Слововір та дискурс: діяльнісні ситуації у старофранцузькій мові. Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2010. 512 с.
7. Кремзикова С. Е. Деятельностная ситуация как единица описания языковой картины мира в дискурсе (на материале старофранцузского периода) // Мир человека в пространстве языка. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. Вып. 13. С. 291-300.
8. Кубрякова Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. Москва: Наука, 2006. Т. 65. № 2. С. 3-13.
9. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. Москва: Индрик, 2003. С. 439-447.
10. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

11. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1988. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. С. 12-51.
12. Лосев А. Ф. Языковая структура. Москва: МГПИ. 1983. 375 с.
13. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. Москва, 1980. 295 с.
14. Русская грамматика. Т. I. Раздел «Словообразование». Москва: Наука, 1980. С. 133-452.
15. Штейнберг Н. М. Аффиксальное словообразование во французском языке. Суффиксация и префиксация. Ленинград: ЛГУ, 1976. 203 с.
16. Чельшева И. И. Старофранцузский язык // Языки мира. Романские языки. Москва, 2001. С. 250-278.
17. Шубина А. А. Прототипическая ситуация проявления свойства // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 2. Доступ: <https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK222.pdf>. (дата обращения 09.06.2022).
18. Darmesteter A. Cours de Grammaire historique de la langue française. III partie: Formation des mots et vie des mots. Paris: Delagrave: Forgotten books, 2017. 180 p.
19. Geeraerts D. Polysemy and Prototypicality. On Georges Kleiber, La sémantique du prototype: Catégories et sens lexical // Cognitive Linguistics, 1992. № 3-2. P. 219-231.
20. Rosch E. H. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Lawrence Erlbaum associates, Publishers. Hillsdale, N. J., 1978. P. 27-48.
21. Štekauer, P. "Derivational Paradigms» // The Oxford Handbook of Derivational Morphology. Oxford: Oxford University Press, 2014. С. 354-369.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Tobler A., Lommatzsch E. Altfranzosisches Wörterbuch. Berlin-Wiesbaden. Verlag. 1915. Vol. 1-10. [TL].
2. Godefroy F. Le Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX-e au XV-e siècle. Paris: Vieweg. Var.p., 1881-1902. T. I-X. [Gdf].
3. Greimas A. J. (1979 pour la première édition): Grand dictionnaire. Ancien français. La langue du Moyen Age de 1080 à 1350. Paris: Larousse, 2007. 630 p. [GDAF].
4. Godefroy F. Lexique de l'ancien français. Paris: Champion, 2003. 634 p. [LAF].
5. Dictionnaire d'ancien français. Moyen Age et Renaissance. Paris: Larousse, 1947. 593 p. [DAF].

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2002). *Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive semantics: (lecture course in English philology)]. Tambov: Tambovskiy gos. un-t. (In Russ.).
2. Bondarko, A. V. (2000). Ponyatiya «invariant» i «prototip» v sisteme analiza grammaticheskoy semantiki [«Invariant» and «prototype» terms in the analyse system of grammatical semantic]. In *Kognitivnaya semantika*. Tambov. P. 2. Pp. 166-169. (In Russ.).
3. Giyom, G. (2004). *Printsipy teoreticheskoy lingvistiki* [Principles of theoretical linguistics]. 2nd ed., rev. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
4. Demyankov, V. Z. (2006). Studia Linguistica Cognitiva – prizyv k sotrudnichestvu [Studia Linguistica Cognitiva – plea for cooperation]. In *Studia Linguistica Cognitiva*. Iss. 1. Yazyk i poznanie: Metodologicheskie problemy i perspektivy. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
5. Ilyushechkina, L. A. (1983). *Slovoobrazovatel'naya valentnost v sovremennom frantsuzskom yazyke* [Word-building valence in modern French]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. Moskva. (In Russ.).

6. Kremzikova, S. Yu. (2010). *Slovotvir ta diskurs: diyalnisni situatsiyi u starofrantsuzkiy movi* [Word-building and discourse: activity situations in the Old French language]. Kiev: Vidavnychiy Dim Dmitra Burago. (In Ukr.).

7. Kremzikova, S. E. (2017). Deyatelnostnaya situatsiya kak edinita opisaniya yazykovoy kartiny mira v diskurse (na materiale starofrantsuzskogo perioda) [Activity situation as description unit in linguistic worldview (based on the material of Old French material)]. In *Mir cheloveka v prostranstve yazyka*. Sankt-Piterburg. Iss. 13. Pp. 291-300. (In Russ.).

8. Kubryakova, E. S. (2006). Obrazy mira v soznanii cheloveka i slovoobrazovatelnye kategorii kak ikh sostavlyayushchie [Images of the world in the human conscience and word-building categories as their components]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Moskva: Nauka. Vol. 65. No. 2. Pp. 3-13. (In Russ.).

9. Kubryakova, E. S. (2006). Glagoly deystviya cherez ikh kognitivnye kharakteristiki [Activity verbs through their cognitive characteristics]. In *Logicheskiy analiz yazyka. Izbrannoe. 1988-1995*. Moskva: Indrik. Pp. 439-447. (In Russ.).

10. Lakoff, G. (2004). *Zhenshchiny, ogon i opasnye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things. What categories reveal about the Mind]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).

11. Lakoff, G. (1988). *Myshlenie v zerkale klassifikatorov* [Thinking in the mirror of classification categories]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moskva. Iss. 23. Kognitivnye aspekty yazyka. Pp. 12-51. (In Russ.).

12. Losev, A. F. (1983). *Yazykovaya struktura* [Language structure]. Moskva: MGPI. (In Russ.).

13. Miloslavskiy, I. G. (1980). *Voprosy slovoobrazovatel'nogo sinteza* [Issues of word-building synthesis]. Moskva. (In Russ.).

14. Russkaya grammatika [Russian Grammar]. In *Vol. I. Section «Word-building»*. Moskva: Nauka. 1980. Pp. 133-452. (In Russ.).

15. Shteynberg, N. M. (1976). *Affiksialnoe slovoobrazovanie vo frantsuzskom yazyke. Suffiksatsiya i prefiksatsiya* [Affix word-building in the French language. Suffixation and prefixation]. Leningrad: LGU. (In Russ.).

16. Chelysheva, I. I. (2001). Starofrantsuzskiy yazyk [Old French language]. In *Yazyki mira. Romanskije yazyki*. Moskva. (In Russ.).

17. Shubina, A. A. (2022). Prototipicheskaya situatsiya proyavleniya svoystva [Prototypical situation of quality manifestation]. In *Mir nayki. Sotsiologiya, filologiya, kyturologiya*. Vol. 13. No. 2. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK222.pdf> (accessed: 09.06.2022). (In Russ.).

18. Darmesteter, A. (2017). *Cours de Grammaire historique de la langue française*. II partie: Formation des mots et vie des mots. Paris: Delagrave.

19. Geeraerts, D. (1992). Polysemy and Prototypicality. On Georges Kleiber, La sémantique du prototype: Catégories et sens lexical. In *Cognitive Linguistics*. No. 3-2. Pp. 219-231.

20. Rosch, E. H. (1978). Principles of Categorization. In *Cognition and Categorization*. Lawrence Erlbaum associates, Publishers. Hillsdale, N. J. Pp. 27-48.

21. Štekauer, P. (2014). Derivational Paradigms. In *The Oxford Handbook of Derivational Morphology*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 354-369.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Tobler A., Lommatzsch, E. (1915). *Altfranzösisches Wörterbuch*. Berlin-Wiesbaden. Verlag. Vol. 1-10.

2. Godefroy, F. (1881-1902). *Le Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX-e au XV-e siècle*. Paris :Vieweg. Var.p., Vol. I-X.

3. Greimas, A. J. (2007). (1979 pour la première édition): *Grand dictionnaire. Ancien français. La langue du Moyen Age de 1080 à 1350*. Paris: Larousse.
4. Godefroy, F. (2003). *Lexique de l'ancien français*. Paris: Champion.
5. *Dictionnaire d'ancien français. Moyen Age et Renaissance*. Paris: Larousse, 1947.

Кремзикова Светлана Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской филологии (e-mail: svetlana-kremzikova@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Kremzikova Svetlana Ye. – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Romanic Philology Department (e-mail: svetlana-kremzikova@rambler.ru), Educational Institution of Higher State Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 10 сентября 2022 г.

УДК 81'373.612 : 005

© 2022 И. В. Лукашова

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ БИЗНЕСА И МЕНЕДЖМЕНТА)

Статья посвящена изучению метафоризации как одного из основных способов семантического изменения лексики на материале терминологии бизнеса и менеджмента в английском и русском языках. Рассматриваются особенности метафоризации терминов, выявляются и описываются типы метафор в данной области исследования в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: метафоризация, семантика, типы метафор, терминология бизнеса и менеджмента, семантическое изменение слова.

© 2022 I. V. Lukashova

METAPHORIZATION OF THE MEANING OF A WORD AS ONE OF THE MAIN SEMANTIC PROCESSES IN ENGLISH AND RUSSIAN (BASED ON THE BUSINESS AND MANAGEMENT TERMINOLOGY)

The article deals with metaphorization as one of the main ways of semantic change of meaning based on the terminology of business and management in English and Russian. The features of terms metaphorization are considered, the types of metaphors in this field of research are identified and described on a contrastive basis.

Key words: metaphorization, semantics, types of metaphors, business and management terminology, semantic word change.

1. Введение. Настоящее исследование посвящено метафорическому переносу, который получил широкое распространение в терминологии бизнеса и менеджмента (далее – ТБМ) в английском и русском языках.

В современной лингвистике и языкознании метафоризация является активной разновидностью семантического способа терминообразования. Значительный вклад в решение метафорической природы термина и процессов терминообразования внесли ряд отечественных и зарубежных лингвистов: Л. М. Алексеева, Н. Д. Артюнова, В. Н. Телия, Г. Н. Складарская, В. И. Корольков, Ш. Р. Басыров, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Эндрю Ортони, Харальд Вайнрих и многие другие.

Проблеме метафоризации терминов в разных специальных областях посвящены следующие новейшие публикации: Н. Н. Горбуновой, Р. А. Арчакова, Л. А. Ахтаевой в сфере предметных терминологий [Горбунова, Арчакова, Ахтаева, 2020], С. Ю. Спирчагова в сфере банковского дела [Спирчагов, 2019], И. А. Жилиной, М. Е. Панкратовой в области юриспруденции [Жилина, Панкратова, 2020],

Л. В. Балашовой в сфере спорта [Балашова, 2019], Л. С. Ревеко в сфере металлургии [Ревеко, 2020], О. И. Писарик в области строительства [Писарик, 2021].

В когнитивной модели языка метафора представляет собой принцип аналогии, действующий в семантике, и занимает в ней центральное место. Следовательно, важнейшей задачей когнитивной семантики оказывается описание типов или способов перехода от одного значения к другому, т. е. когнитивный процесс, в основе которого лежит понимание одной области через призму другой [Ревеко, 2020: 162].

Процессы семантической деривации базируются на свойстве человеческого мышления соизмерять, сравнивать и ассоциировать различные предметы, действия, процессы и понятия в масштабе антропосферы. Поэтому метафора как способы номинации являются одной из важнейших составляющих частей лексической системы каждого языка. В сознании человека перенос значения осуществляется на базе возникающих ассоциативных связей между разными предметами, признаками, процессами. При этом название одного предмета переносится на другой на основе внутренних семантических отношений по определенным метафорическим моделям [Басыров, 2020: 48].

Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии. Многие ученые, среди которых Дж. Сейгер [Sager, 1974], Г. Рондо [Rondeau, 1981], Г. Н. Скляревская [Скляревская, 1993], считают, что слово «терминология» является многозначным и под ним понимаются разные понятия. В настоящем исследовании под «терминологией» понимается совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания образующая особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию и упорядочению.

Термины, пришедшие из обиходной лексики, чаще всего отражают конкретный признак, который положен в основу метафорического переноса [Ревеко, 2020: 163].

Объектом исследования выступает особая группа терминов бизнеса и менеджмента, в основе которых лежит метафорический перенос. **Цель исследования** – рассмотреть типы метафор на материале ТБМ в сопоставительном аспекте. Данной цели подчинено разрешение следующих **задач**: 1) выявить типы метафор в ТБМ; 2) выявить черты сходства и различия в ТБМ английского и русского языков; 3) произвести количественные подсчёты цветовых коннотаций терминов бизнеса и менеджмента в английском и русском языках; 4) дать классификацию антропоморфных метафорических терминов бизнеса и менеджмента в английском и русском языках; 5) произвести анализ цветов и их

коннотаций в цветовой метафоре в английском и русском языках; б) произвести анализ зооморфных метафор с точки зрения экспрессивной оценочности.

Материалом исследования послужил 441 метафорический термин бизнеса и менеджмента английского (269 ед.) и русского (172 ед.) языков, отобранных из специализированных словарей английского [DBM; DB; DE] и русского языков [Розенберг, 1977; Райзберг, 2011], а также из двуязычных словарей [Булычева, 2011; Тимошина, 2009].

2. Результаты исследования. Метафорическое терминообразование представляет собой процесс номинации, сущность которой состоит в том, чтобы имеющимися номинативными средствами передавать новые понятия специальной области знания [Гринев-Гриневиц, 2008: 45].

В настоящем исследовании в процессе анализа было выделено 5 основных семантических типов метафор в сфере бизнеса и менеджмента: 1. Антропоморфная метафора, 2. Цветовая метафора, 3. Зооморфная метафора, 4. Бытовая метафора, 5. Пространственная метафора.

Сопоставительный анализ метафорических терминов бизнеса и менеджмента (далее – МТБМ) позволил выявить черты сходства и различия в бизнес терминологии английского и русского языков. Рассмотрим каждый из выявленных типов.

1. Антропоморфная метафора представлена 87 ед. (32 %) в английском языке и в русском – 57 ед. (33 %).

В обоих языках антропоморфные МТБМ образованы на основе аналогий, приведенных в таблице 1.

Таблица 1. Семантическая база ассоциативного переноса МТБМ антропоморфной метафоры в английском и русском языках

Семантическая база ассоциативного переноса	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во, ед.	%	Кол-во, ед.	%
1. Биологические характеристики человека	41	47,1	24	42,1
2. Семейные отношения	14	16,1	13	22,8
4. Социальные отношения	14	16,1	12	21,1
5. Психологические характеристики	18	20,7	8	14,0
<i>Всего:</i>	<i>87</i>	<i>100</i>	<i>57</i>	<i>100</i>

Рассмотрим более подробно каждую базу ассоциативного переноса, который лежит в основе антропоморфной метафоры МТБМ английского и русского языков.

1. Биологические характеристики человека (в англ. – 41 ед. или 47,1%; в рус. – 24 ед. или 42,1%). Они включают физиологические и анатомические свойства и качества человека как биологического вида. Например, такие биологические процессы как рождение, смерть,

сон, жизненный цикл и др. выступают в роли аналогий для образования терминов [Musolff, 2021], которые отражают срок службы какого-либо явления из области финансов или его общее состояние, ср.: англ. *dead money*: досл. ‘мертвые деньги’ → ‘неинвестированные денежные средства’ и рус. *жизненный цикл товара*, т. е. период времени, в который товар обращается на рынке. К данной группе также относятся термины, в состав которых входит компонент части тела человека или свойство живого организма, ср.: англ. *legs of a spread* ‘ноги спреда’, т. е. две стороны (самостоятельные сделки) операции спред и рус. *налоговый иммунитет* – освобождение от уплаты налогов, т. е. своего рода способ защиты.

2. Семейные отношения (в англ. – 14 ед. или 16,1%; в рус. – 13 ед. или 22,8%). В данную группу вошли термины, которые были образованы на основе аналогий с ролью, отведенной в семье ее разным членам. Ср.: англ. *sister company* ‘сестринская компания’ – компания партнер, с которой имеются тесные дружественные связи; *junior capital* ‘младший капитал’, т. е. капитал в форме акционерного капитала, который при ликвидации фирмы погашается только после обеспеченных кредитов; *senior capital* ‘старший капитал’, т. е. капитал в форме обеспеченных кредитов компании, который погашается перед акционерным капиталом в случае ликвидации фирмы и рус. *дочерняя компания* – филиал крупной акционерной компании; *старший долг* – долг, который выплачивается в первую очередь в случае ликвидации компании.

3. Социальные отношения (в англ. – 14 ед. или 16,1%; в рус. – 12 ед. или 21,1%). В данную группу антропоморфной метафоры вошли термины, опирающиеся на аналогии, связанные с социальными отношениями. Ср.: англ. *refugee capital* ‘беглый капитал’, т. е. капитал, вывозимый из страны и рус. *миграция денег* – перемещение денег между регионами и между различными социальными группами населения.

Следует отметить, что многочисленную группу МТБМ, опирающихся на аналогии социальных отношений в обоих языках составляют двухкомпонентные термины, в которых метафоризовано прилагательное *free* ‘свободный’. Например, в английском языке – *free trade* ‘свободная торговля’, *free competition* ‘свободная конкуренция’, *free enterprise* ‘свободное предпринимательство’, *free currency* ‘свободная валюта’ и в русском языке – *свободные резервы*, *свободная сделка*, *свободное обязательство*, *свободные активы*.

4. Психологические характеристики (в англ. – 18 ед. или 20,7%; в рус. – 8 ед. или 14,0%). Термины данной группы в своей структуре содержат метафоризованные прилагательные, которые отображают оценку качеств человека, перенесенных на

неодушевленные объекты. Ср.: англ. *sensitive market* ‘чувствительный рынок’, т. е. рынок, легко подверженный колебаниям в зависимости от благоприятных или неблагоприятных новостей и рус. *интеллектуальная собственность* – права лиц на продукт умственной деятельности.

Обобщая сказанное выше, следует отметить, что наиболее продуктивной семантической базой ассоциативного переноса антропоморфной метафоры в ТБМ являются биологические характеристики человека в обоих сопоставляемых языках.

2. Цветовая метафора в английском языке составила 64 ед. (24%), а в русском – 29 ед. (17%). Анализ языкового материала исследования свидетельствует о том, что в английской ТБМ участвуют восемь цветов, а именно: *black* ‘чёрный’, *white* ‘белый’, *green* ‘зелёный’, *grey* ‘серый’, *blue* ‘голубой’, *red* ‘красный’, *yellow* ‘желтый’, *pink* ‘розовый’. Например, англ. *black economy* ‘теневая экономика’, *white knight* ‘белый рыцарь’, *green currency* ‘зелёная валюта’, *grey knight* ‘серый рыцарь’, *blue-chip company* ‘крупная, первоклассная компания’, *red balance* ‘неблагоприятный платёжный баланс’, *yellow goods* ‘желтые товары’, *pink slip* ‘розовый листок’. Напротив, в русском языке в ТБМ выявлено 7 цветов, участвующих в образовании цветowych метафор, а именно: *черный*, *красный*, *серый*, *белый*, *синий*, *зеленый* и *желтый*. Например, рус. *черный нал*, *красная цена*, *белый рыцарь*, *серый рынок*, *синие корешки*, *зеленая карта*, *желтое обязательство*.

Анализ цветов и их коннотаций в цветовой метафоре в английском и русском языках представлен в таблице 2.

Таблица 2. Анализ цветов и их коннотаций в английском и русском языках

Набор цветов	Английский язык					Русский язык				
	Кол-во, ед.	%	коннотация			Кол-во, ед.	%	коннотация		
			Отр.	Положит.	Нейт.			Отр.	Положит.	Нейт.
1. Черный	16	25	13	3	–	8	28	8	–	–
2. Красный	12	19	7	1	4	4	14	3	1	–
3. Белый	11	17	1	4	6	5	17	1	3	1
4. Зеленый	8	13	1	3	4	5	17	1	2	2
5. Синий	6	9	–	3	3	2	7	–	–	2
6. Желтый	5	8	3	–	2	2	7	2	–	–
7. Серый	4	6	3	1	–	3	10	3	–	–
8. Розовый	2	3	–	–	2	–	–	–	–	–
Всего:	64	100	28	15	21	29	100	18	6	5

Согласно данным, приведенным в табл. 2, наиболее частотным цветообразующим компонентом в МТБМ обоих языков является черный цвет, который составляет 16 ед. или 25% цветowych метафор в английском языке и 8 ед. или 28% – в русском. В сфере бизнеса

и рыночных отношений в большинстве случаев черный цвет несет негативную коннотацию. Он ассоциируется с: крахом и убыточностью, ср.: англ. *Black Wednesday* ‘черная среда’ и рус. *черный понедельник* (или другой день недели); незаконностью, нелегальностью, ср.: англ. *black money* ‘подпольные доходы’ и рус. *черная касса*; опасностью и риском, ср.: англ. *Black swan* ‘черный лебедь’, т. е. непредсказуемое, роковое событие, имеющее грандиозные разрушительные последствия глобального масштаба, рус. *черный рыцарь* – физическое или юридическое лицо, делающее нежелательное для фирмы предложение о её поглощении. Многие из приведенных примеров были заимствованы из английской ТБМ и являются интернациональными терминами в сфере биржевой терминологии. Положительная коннотация встречается крайне редко и в основном в сфере бухгалтерской терминологии (3 ед.). Это объясняется тем, что прибыль в финансовых документах отмечали черным цветом чернил. Например, англ. *account in the black*, что означает положительный остаток на счёте.

Цветоконпонент *white* ‘белый’ входит в состав 11 ед. (17%) английских МТБМ и 5 ед. (17%) русских МТБМ. В обоих языковых картинах мира он ассоциируется с успехом, чистотой, благоприятными событиями. В ТБМ белый цвет несет в основном нейтральную или положительную коннотации: ср. англ. *white-shoe firm*: досл. ‘фирма белого ботинка’, что означает наиболее престижную фирму в сфере юриспруденции, аудита, менеджмента, *white goods* ‘электробытовая техника’ (досл. ‘белые товары’); рус. *белые Земли* – земли светских и духовных феодалов, население которых освобождалось от уплаты государственных налогов [Тимошина, 2009], *белые страницы* – котировки акций внебиржевого рынка, обращающихся в Чикаго, Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, публикуемые Национальным бюро котировок [Тимошина, 2009].

Цветоконпонент *red* ‘красный’ в подязыке финансов английского языка представлен заметно чаще (12 ед. или 19%), чем в русском языке (4 ед. или 14%); он несёт как отрицательную, так и положительную коннотацию. Ср.: англ. *red balance* ‘неблагоприятный платёжный баланс’, рус. *красное сторно* – бухгалтерская проводка с отрицательными числовыми значениями, используется для исправления ошибок в бухгалтерском учете. Это объясняется тем, что раньше бухгалтерия велась от руки, и красные чернила использовались для выделения отрицательного итога. Красный цвет также ассоциируется с энергией, жизненной силой, а в подязыке финансов с положительной динамикой и выгодой. Ср.: англ. *red-hot sector* ‘динамично развивающийся сектор’; рус. *красная цена* – цена сделки, удовлетворившая и продавцов, и покупателей, таким образом в семантической структуре

реализуется положительная коннотация.

Наименее частотным цветообразующим компонентом в МТБМ в английском языке является розовый цвет (2 ед. или 3 %), а в русском языке – синий и желтый цвета (по 2 ед. или 7 % с каждым цветом).

Таким образом, метафорические номинации с цветовым компонентом являются в обоих языках в большинстве случаев аксиологически маркированными образованиями. При этом в английском и русском языках МТБМ чаще содержат отрицательную коннотацию. Вместе с тем, положительно маркированные английские МТБМ более чем в два раза доминируют над аналогичными единицами в русском языке (англ. – 15 ед., рус. – 6 ед.). Негативная коннотация в подъязыке финансов несет в себе значение убыточности, краха, падения, риска, в основе положительной коннотации находится прибыльность, доходность, подъем, надежность. Английские МТБМ с нейтральной коннотацией количественно преобладают (21 ед.) по сравнению с русскими МТБМ (5 ед.).

3. Зооморфная метафора образуется на основе переосмысления зоонимов, которые являются источником создания метафоры во всех языках. Зооморфная метафора получила широкое распространение в финансовой терминологии, а в частности в биржевой лексике. Таким образом, в процессе исследования обнаружено в английском языке 36 ед. (8,0%) МТБМ, образованных на основе зооморфной метафоры, а в русском – 14 ед. (4,5%).

В основе метафорического переноса данного типа метафоры лежит семантический признак (поведение животного или характерная для него черта), который переносится на субъект или объект биржи. Например, рус. *валютная «змея»* означает систему согласованных валютных курсов между европейскими государствами. В данном случае *змея* ассоциируется с гибкостью и единством.

Метафорический перенос в рамках зооморфной метафоры может осуществляться на основе коннотаций [Телия, 1986], которыми наделены животное и слово, его обозначающее. В связи с этим зооморфные метафоры можно разделить на три группы по первичному оценочному признаку:

1. Негативно-оценочные зооморфные метафоры (в англ. – 10 ед. или 27,8%; в рус. – 7 ед. или 50%), например, англ. *alligator spread* ‘спред «аллигатор»’, означает любую сделку с опционами, при которой комиссионные расходы «съедают» потенциальную прибыль. Данный спред буквально съедает инвестора живьем из-за высоких комиссионных расходов. Примером негативной коннотации в русском языке служит термин *хромая утка* – компания в тяжелом финансовом положении, исправить которое

может, в частности, санация государства. Семантический признак, «недостаток, угрожающий существованию» переносится с птицы на субъект биржи.

2. Позитивно-оценочные зооморфные метафоры (в англ. – 3 ед. или 8,3%; в рус. – 2 ед. или 14,3%), например, англ. *fat cat* ‘жирный кот’ – богатый, обеспеченный человек, капиталист. Жирный кот ассоциируется с избытком и излишеством, поэтому слово *cat* нейтрально, но МТБМ *fat cat* в сочетании со словом *fat* приобретает положительную коннотацию. В русском языке МТБМ *наличная корова* также несет в себе положительную коннотацию, так как здесь проводится аналогия с коровой, которая дает доход как молоко.

3. Нейтрально-образные зооморфные метафоры (в англ. – 23 ед., 63,9%, в рус. – 5 ед., 35,7%), ср.: англ. *kangaroos (bonds)* ‘кенгуру (облигации)’ иностранные облигации, которые выпускаются на рынке Австралии неавстралийскими предприятиями (облигации получили такое название, потому что кенгуру является животным, символизирующим Австралию) и рус. *зебра* – последовательность из нескольких длинных белых и чёрных свечей.

Русская терминология, в отличие от английской, редко обращается к названиям животных для построения термина. Русский язык заимствовал из английского языка МТБМ *bear* ‘медведь’ и *bull* ‘бык’ и построенные на их основе словосочетания *рынок медведей*, *рынок быков*. В английском языке *bear* – продавец финансовых инструментов или биржевого товара, который ожидает падения цен. Медведь ассоциируется с медленным животным с ленивыми движениями. Термин с противоположным значением – *bull* ‘бык’, продавец финансовых инструментов, который ожидает повышение цены. Бык ассоциируется с животным, которое действует быстро. Данные МТБМ несут в себе нейтральную коннотацию, как в русском, так и английском языках.

Результаты анализа зооморфных метафор с точки зрения экспрессивной оценочности можно представить в виде таблицы 3.

Таблица 3. *Типы зооморфных метафор по первичному оценочному признаку в английском и русском языках*

Типы зооморфных метафор	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во, ед.	%	Кол-во, ед.	%
1. Нейтрально-образные	23	63,3	5	35,7
2. Негативно-оценочные	10	27,8	7	50,0
3. Позитивно-оценочные	3	8,3	2	14,3
<i>Всего:</i>	<i>36</i>	<i>100</i>	<i>14</i>	<i>100</i>

Таким образом, наиболее продуктивным типом зооморфных метафор в английском языке являются нейтрально-образные (23 ед. или 63,3%), а в русском – негативно-оценочные

(7 ед. или 50%). Это объясняется тем, что в английском языке в основе метафорического переноса преобладает сходство какого-либо понятия или явления из области финансов с животным, его формой или поведением, которые не несут в себе оценки. В русском же языке метафорический перенос в рамках зооморфной метафоры осуществляется на основе коннотаций, которыми наделено животное или слово его обозначающее.

4. В группу **бытовой метафоры** вошли МТБМ, связанные с предметами быта, а именно с домашним хозяйством, досугом и развлечением. Бытовая метафора представлена 30 ед. (11%) в английском языке и 16 ед. (9%) – в русском.

К группе МТБМ, связанных с домашним хозяйством, относятся термины, в которых метафоризовано прилагательное *clean* ‘чистый’, а также проводится аналогия с хозяйственным процессом. Например, в английском – *money laundering* ‘отмывание денег’, т. е. процесс подмены реальных нелегальных источников денежных средств фиктивными легальными. Семантический перенос строится на аналогии «отмывание, очищение вещи от грязи» → «очищение денег от нелегальности»; в рус. – *чистая прибыль*, т. е. часть прибыли после уплаты всех налогов и других отчислений в бюджет.

В группе также встречаются предметы быта, имеющие самое разнообразное предназначение. Ср.: англ. *tax umbrella* ‘налоговый зонтик’ – защита налогооблагаемой прибыли от части налоговых обязательств, т. е. в основе метафоризации лежит сходство функций; в рус. *ножницы цен* – расхождение, разрыв в ценах на отдельные группы товаров на международных рынках. Семантический перенос строится на аналогии «расхождение ножниц» → «расхождение цен».

Поскольку понятие «быт» включает материальные потребности людей (в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья), то отнесение сооружений и построек к бытовой метафоре является целесообразным. Так, в английском языке встречаются такие термины как: *boiler room* ‘котельная’, *bridge financing*: досл. ‘мостовое финансирование’, *pyramid selling*: досл. ‘пирамидные продажи’. В русском языке примером может служить термин *финансовая пирамида*.

5. **Пространственная метафора** представлена 52 ед. (19%) МТБМ в английском языке и 55 ед. (32%) МТБМ в русском языке. Ориентация человека в пространстве является одним из основных источников семантического переноса, поскольку представляет результат непосредственного физического опыта индивида [Chang, 2019]. Интересно отметить, что примеры метафорического переосмысления физической ориентации человека зафиксированы в форме стертых метафор во многих языках мира.

К пространственным ориентирам, которые чаще всего метафоризируются в

финансовой терминологии, относятся: «вверх-вниз», «вертикальный-горизонтальный», «внутренний-внешний», «прямой-непрямой», «передний-задний». Ср.: в англ. *upstream / downstream investment* ‘поток инвестиций вверх / вниз’, *front / back door method* ‘метод передней / задней двери’ – метод *черный вход* и метод *парадный вход*, один из методов «впрыскивания» банком Англии денег на денежные рынки, *inward / outward bills* ‘внутренние (импортные) / внешние (экспортные) счета’ и рус. *прямые / косвенные издержки, внутренние / внешние инвестиции, горизонтальное / вертикальное слияние*. Данные термины не несут в себе ни положительных, ни отрицательных коннотаций.

Таким образом, термины, образованные способом семантического переосмысления пространственных ориентиров, могут выступать в рассматриваемых языках как в форме антонимических пар, так и самостоятельно. Например, семантический признак «вверх» реализуется в следующих метафорических терминах: англ. *triple top* ‘тройная вершина’, *ascending tops* ‘поднимающаяся вершина’, *ceiling price*: досл. ‘потолок цены’ → ‘максимальная цена’; рус. *потолок цен, вершина, двойная вершина*. Семантический признак «низ» реализуется в следующих МТБМ: англ. *triple bottom* ‘тройное дно’, *floor price* ‘минимальная цена’; рус. *каменное дно, двойное дно*. В вышеприведенных примерах метафоризируется понятие «максимальная / минимальная цена».

Рассмотрение семантических групп целесообразно завершить общей таблицей, которая покажет роль каждой из групп в терминологии рассматриваемых языков.

Таблица 4. Семантическая характеристика МТБМ в английском и русском языках

Семантические типы финансовых метафор	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во, ед.	%	Кол-во, ед.	%
1. Антропоморфная метафора	87	32	57	33
2. Цветовая метафора	64	24	29	17
3. Пространственная метафора	52	19	55	32
4. Зооморфная метафора	36	13	14	8
5. Бытовая метафора	30	11	16	9
Всего:	269	100	172	100

3. Выводы

1. Метафоризация является одним из основных путей формирования и обогащения терминологической системы лексико-семантическим способом словообразования.

2. Наиболее частотным семантическим типом метафоры в обоих языках является антропоморфная метафора, которая составила в английском языке 87 ед. (19,3%) и в русском – 57 ед. (18,4%).

3. В обоих языках наиболее продуктивной семантической базой ассоциативного переноса антропоморфной метафоры в МТБМ являются биологические характеристики человека. Это обусловлено тем, что части тела человека и физиологические процессы во многих областях знаний являются универсальным источником образования сравнений.

4. Зооморфный тип метафоры наиболее выражен в МТБМ английского языка (13%). В русском языке зооморфная метафора составила 8% и является наименее частотным типом метафоры. Следует отметить, что русская ТБМ в отличие от английской редко обращается к названиям животным для построения термина, поэтому многие из них заимствованы из английского языка.

5. Наименее частотным типом метафоры в английском языке является бытовая метафора (30 ед., 11%).

6. Метафорические номинации с цветовым компонентом являются в обоих языках в большинстве случаев аксиологически маркированными образованиями. При этом в английском и русском языках МТБМ чаще содержат отрицательную коннотацию. Вместе с тем, положительно маркированные английские МТБМ более чем в два раза доминируют над аналогичными единицами в русском языке (англ. – 15 ед., рус. – 6 ед.). Негативная коннотация в сфере бизнеса несет в себе значение убыточности, краха, падения, риска, в основе положительной коннотации находится прибыльность, доходность, подъем, надежность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашова Л. В. Метафоризация спортивной терминологии в современном русском языке // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2019. № 4. С. 374-378.
2. Басыров Ш. Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках // Иностранные языки в современном мире. Казань, 2020. С. 46-52.
3. Горбунова Н. Н., Арчаков Р. А., Ахтаева Л. А. Метафоризация как основа для транстерминологизации в сфере предметных терминоминаций // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 92-109.
4. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. Москва: Академия, 2008. 304 с.
5. Жилина И. А., Панкратова М. Е. Процесс метафоризации в англоязычной юридической терминологии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 89-93.
6. Писарик О. И. Специфика формирования и обогащения терминологической системы подязыка строительства (на материале текста пояснительной записки к проекту) // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. № 1 (34). С. 369-372.
7. Ревеко Л. С. Метафоризация как способ образования субстантивных терминов немецкой металлообрабатывающей терминологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147). С. 161-165.
8. Скляревская Г. Н. Метафора в системе. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 150 с.
9. Спирчагов С. Ю. Метафора в терминосистеме банковского дела // Неофилология. 2019. № 18. С. 139-149.

10. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 143 с.
11. Chang L. P., Toor S., Jonathan L. Y. The Role of Scientific Terminology and Metaphors in Management Education // *European Journal of Social Science Education and Research*. 2019. Vol. 6. P.33-43.
12. Musolff A. Researching political metaphor cross-culturally: English, Hungarian, Greek and Turkish L1-based interpretations of the Nation as Body metaphor // *Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 183. P. 121-131.
13. Navarro I. Metaphorical Concepts and Their Cognitive Functions in Medical Discourse: Research Papers vs. Press Articles. 2021. *ESP Today*. 9. P. 150-174.
14. Rondeau G. Problèmes et methods de la néologie terminologique (néonymie) // *Infoterm Series* 6. 1981. P. 161-176.
15. Sager J. C. Classification and Hierarchy in Technical Terminologies // *Informatics 2. Proceedings of a Conference Held by the ASLIB Coordinate Indexing group on 25-27 March 1974 at New College Oxford*. Horsnell. 1974. P 117-156.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Булычева В. П. Толковый англо-русский словарь экономических профессионализмов с образным компонентом. Астрахань: Астраханский ун-т, 2011. 47 с.
2. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь. Москва: ИНФРА-М, 2011. 480 с.
3. Розенберг Д. М. Бизнес. Менеджмент: Терминологический словарь. Москва: Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. 463 с.
4. Тимошина А. А. Русско-английский словарь по экономике (с краткими пояснениями и перекрестными ссылками). Москва: Изд.-во МГУ, 2009. 512 с.
5. Collin P. H. A Dictionary of business. London: A & C Black Publishers Ltd, 2006. 481 p. [DB].
6. Collin P. H. A Dictionary of economy. London: A & C Black Publishers Ltd, 2006. 225 p. [DE].
7. Dictionary of Business and Management. 4th. ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. 568 p. [DBM].

REFERENCES

1. Balashova, L. V. (2019). Metaforizatsiya sportivnoy terminologii v sovremennom russkom yazyke [Metaphorization of Sport Terminology in the Modern Russian Language]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Philologiya. Zhurnalistika*. No. 4. Pp. 374-378. (In Russ.).
2. Basyrov, Sh. R. (2020). Metafori i metonimii v raznostrukturnykh yazykakh [Metaphors and metonymies in languages with different structures]. In *Inostrannye yazyki v sovremennom mire*. Kazan. Pp. 46-52. (In Russ.).
3. Gorbunova, N. N., Archakov, R. A., Akhtaeva, L. A. (2020). Metaforizatsiya kak osnova dlya transterminologizatsii v sfere predmetnykh terminonominatsii [Metaphorization as a basis for transterminologization in the sphere of subject terminological nominations]. In *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. No. 3. Pp. 92-109. (In Russ.).
4. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminovedenie* [Terminology studies]. Moskva: Akademiya. (In Russ.).
5. Zhilina, I. A., Pankratova, M. E. (2020). Protsess metaforizatsii v angloyazychnoy yuridicheskoy terminologii [The process of metaphorization in English legal terminology]. In *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No. 3. Pp. 89-93. (In Russ.).
6. Pisarik, O. I. (2021). Spetsifika formirovaniya i obogashcheniya terminologicheskoy sistemy podyazyka stroitelstva (na materiale teksta poyasnitel'noy zapiski k projektu) [Specificity

of forming and enriching the terminological system of the construction language for specific purposes (based on texts of the explanatory note to the project)]. In *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. No. 1 (34). Pp. 369-372. (In Russ.).

7. Reveko, L. S. (2020). Metaforizatsiya kak sposob obrazovaniya substantivnykh terminov nemetskoy metalloobrabatyvayushchey terminologii [Metaphorization as the way to form the substantive terms of the German metal-processing terminology]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4 (147). Pp. 161-165. (In Russ.).

8. Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metafora v sisteme* [Metaphor in the system]. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).

9. Spirchagov, S. Yu. (2019). Metafora v terminosisteme bankovskogo dela [Metaphors in banking]. In *Neofilologiya*. No. 18. Pp. 139-149. (In Russ.).

10. Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspect of nominative unit semantics]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

11. Chang, L.P., Toor, S., Jonathan, L.Y. (2019). The Role of Scientific Terminology and Metaphors in Management Education. In *European Journal of Social Science Education and Research*. Vol. 6. Pp. 33-43.

12. Musolff, A. (2021). Researching political metaphor cross-culturally: English, Hungarian, Greek and Turkish L1-based interpretations of the Nation as Body metaphor. In *Journal of Pragmatics*. Vol. 183. Pp. 121-131.

13. Navarro, I. (2021). Metaphorical Concepts and Their Cognitive Functions in Medical Discourse: Research Papers vs. Press Articles. In *ESP Today*. No. 9. Pp. 150-174.

14. Rondeau, G. (1981). Problèmes et méthodes de la néologie terminologique (néonymie). In *Infoterm Series 6*. 1981. Pp. 161-176.

15. Sager, J. C. (1974). Classification and Hierarchy in Technical Terminologies. In *Informatics 2. Proceedings of a Conference Held by the ASLIB Coordinate Indexing group on 25-27 March 1974 at New College Oxford*. Horsnell. Pp. 117-156.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Bulycheva, V. P. (2011). *Tolkovyy anglo-russkiy slovar ekonomicheskikh professionalizmov s obraznym komponentom* [English-Russian defining dictionary of economic professionalism with a figurative component]. Astrakhan: Astrakhanskiy universitet. (In Russ.).

2. Raizberg, B. A. (2011). *Sovremennyy ekonomicheskii slovar* [Modern dictionary of economy]. Moskva: INFRA-M. (In Russ.).

3. Rozenberg, D. M. (1997). *Biznes. Menedzhment: Terminologicheskii slovar* [Business. Management: A terminological dictionary]. Moskva: INFRA-M. (In Russ.).

4. Timoshina, A. A. (2009). *Russko-angliyskiy slovar po ekonomike (s kratkimi poyasneniyami i perekrestnymi ssylkami)* [Russian-English dictionary of Economics (with brief explanations and cross-references)]. Moskva: MSU. (In Russ.).

5. Collin, P. H. (2006). *A Dictionary of business*. London: A & C Black Publishers Ltd.

6. Collin, P. H. (2006). *A Dictionary of economy*. London: A & C Black Publishers Ltd.

7. *Dictionary of Business and Management*. 4th. ed. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Лукашова Ирина Вадимовна – аспирант
кафедры теории и практики перевода
(e-mail: irenlukashova@yandex.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Lukashova Irina V. – Postgraduate student
of Translation Studies Department
(e-mail: irenlukashova@yandex.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 05 декабря 2022 г.

ЛИНГВОЦВЕТОВАЯ КАРТИНА МИРА АНГЛИЧАН И РУССКИХ В ДРЕВНОСТИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК)

Статья посвящена выявлению семантических и лингвокультурных особенностей цветообозначений в английской и русской сказочных картинах мира. На основе отобранного авторами корпуса эмпирического материала определены общие и специфические черты вербализации цвета в английских и русских народных сказках. Предложенная комплексная методика исследования позволяет системно описать анализируемый материал и вносит вклад в разработку методики реконструкции цветового фрагмента сказочной картины мира.

Ключевые слова: семантические и лингвокультурные особенности, цветовой фрагмент, картина мира, английские и русские народные сказки.

© 2022 T. N. Nikulshina

COLOUR NAMINGS IN THE WORLDVIEW OF THE ENGLISH AND RUSSIANS IN ANCIENT TIMES: CONTRASTIVE SURVEY (BASED ON ENGLISH AND RUSSIAN FAIRY TALES)

The article deals with the identification of semantic and linguocultural features of colour namings in the English and Russian fairy tales worldview in ancient times. General and specific features of colour namings in English and Russian fairy tales are determined. The proposed research methods systematically describe the material analyzed and contribute to the development of a technique for reconstructing a colour segment in the minds of English and Russian speakers.

Key words: semantic and linguocultural features, a colour segment, worldview, English and Russian fairy tales.

Учитывая возрастающую заинтересованность лингвистического сообщества в когнитивных особенностях, обусловленных отличием картин мира [Корнилов, 2019; Левицкий, 2016; Маслова, 2011], большое научное значение имеют исследования отражения их отдельных аспектов. Цветообозначения – один из способов представления действительности, которые играют важную роль в лингвосообществе, помогая ориентироваться в пространстве и времени, регулируя отношения между людьми.

Цель данного исследования состоит в выявлении основных семантических и лингвокультурных особенностей цветообозначений в английской и русской сказочных картинах мира. Для реализации поставленной цели в работе решаются следующие задачи: 1) сформировать корпус эмпирического материала и осуществить его семантическую классификацию; 2) установить лингвокультурные особенности цветоименований как

носителей культурной информации, отображающей особенности ментальности английского и русского лингвосообществ.

Ввиду отсутствия единства в терминологическом обозначении цветовой лексики в лингвистике [Вежбицкая, 1996; Герасименко, 2014; Джалилова, 2016; Перфилова, 2022; Berlin, 1969; Frank, 1969] и во избежание стилистического единообразия, тавтологии при изложении материала, в работе применяем термины *цветообозначения*, *цветономинации* и *цветонаименования* как синонимичные.

Предлагаемое изыскание посвящено проблеме вербальной визуализации сказочного пространства сквозь призму его цветовой перцепции англичанами и русскими, и **объектом** нашего исследования служат как лексические единицы, способные передавать цвет или какой-либо его оттенок, так и номинации, не выражающие определённые характеристики цвета и не имеющие непосредственного отношения к цвету, но способные дать цветовую, хотя и не точную, характеристику, эксплицируя само наличие цвета.

Предмет изучения – сопоставление семантических и лингвокультурных особенностей цветообозначений средствами английского и русского языков.

Для комплексного и системного исследования цветообозначений используются следующие **методы и приемы лингвистического анализа**: *описательный метод*, применяемый для комплексного представления полученных результатов; *метод компонентного анализа*, с помощью которого определен состав и структура именной системы цветообозначений в семантической структуре цветообозначений, общие и дифференциальные семы. При исследовании функционирования цветономинаций в сказках применяется *метод контекстуального анализа*; *лингвокультурологический анализ* – для определения взаимосвязи цветообозначений в сказочной картине мира англичан и русских с их сознанием, мышлением, духовной жизнью, национальной психологией, историей и культурой; *семантический анализ* привлекается при исследовании содержательных характеристик и семантического объема отобранных цветонаименований; *сопоставительный метод* – для установления общих и отличительных особенностей в их семантике и функционировании в обоих языках; *метод количественного анализа* – для выявления преобладающих тенденций в семантическом объеме и лингвокультурных особенностях цветообозначений.

Эмпирическое восприятие цветового пространства формирует у человека цветовой образ или совокупность цветовых образов, являющихся оттенками какого-либо цвета, а также связанные с ними переносно-символические значения, вызванные культурными ассоциациями данного этноса, и поэтому, кроме образа, цвет имеет когнитивные

признаки, сформированные на основе социокультурного опыта носителей языка. Система цветовых образов образует цветовую картину мира, вербальным выражением которой, является лингвоцветовая картина мира как фрагмент языковой картины мира. В нашем исследовании мы используем термин *лингвоцветовая картина мира* [Алымова, 2007; Астахова, 2014; Джалилова, 2016; Перфилова, 2022; Тимофеева, 2003] для презентации системы цветообозначений в виде картины, которая реализуется как в отдельных лексемах, так и словосочетаниях, и органично входит в лексическую систему, в которой эксплицируется языковая картина мира.

Материалом исследования служат 200 английских* и 200 русских** народных сказок (далее – сказки) как средство выражения жизни англичан и русских, впитавшее этнографические особенности, историю, обряды и обычаи, образ жизни носителей английского и русского языков в давние времена. Представленные в трех жанровых модификациях (сказки о животных, волшебные и бытовые сказки), сказки являются богатейшим источником языкового материала, позволяя исследовать особенности взаимоотношения языка и культуры носителей разноструктурных языков в сопоставительном аспекте в древности.

Лингвоцветовая картина мира в английских и русских сказках – сложно организованное целое, эксплицируясь различными лексическими средствами, имеющими значение цвета: лексемами и словосочетаниями. Основным лексическим средством

передачи цветовых значений для носителей английского и русского языков в давние времена являются прилагательные, прямо (*the first red beams of the sun* ‘первые красные лучи солнца’, *yellow wild roses* ‘дикие желтые розы’, *brown eyes* ‘карие глаза’; *ала земляничка*, *Мороз-Синий нос*, *в худеньком сером кафтанишке*) или косвенно (*bloody clothes* ‘окровавленная одежда’, *to grow dim and rusty* ‘становиться тусклым и ржавым’, *золотые локоны*, *ржаной хлеб*) называющие цвет или оттенки.

Однако мы сочли бы досадным упущением не учитывать номинации, относящиеся к

---

*Briggs K. M. A Dictionary of British Folktales in the English Language incorporating the F. J. Collection. Routledge & Kegan Paul, 1991.

English Fairy Tales / Retold by Joseph Jacobs. London: David Nutt, 1890. Available: <https://www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/index.htm>. (accessed: 15.05.2019).

Folk Tales of England / Ed. by K. M. Briggs and R. L. Tongue. London: Routledge and Kegan Paul Limited Broadway House, 1964.

Riordan J. Folktales of British Isles. Москва: Радуга, 1987.

**Русские народные сказки. Доступ: <https://lukoshko.net/storyList/russkie-narodnye-skazki.htm>. (дата обращения: 17.07.2019).

Русские народные сказки. Доступ: <http://hyaenidae.narod.ru>. (дата обращения: 17.07.2019).

другим лексико-грамматическим категориям, и поэтому в иллюстрациях задействованы примеры с существительными (*blackberry* ‘черника’, *whitewash* ‘побелка’, *Goldilocks* ‘Златовласка’, *белянки*, *синяк*, *Сивка-бурка*), глаголами (*the dogs, a numerous pack, blackened the ground as far as it could seen* ‘от огромного количества собак все почернело вокруг’, *a new queen flushed up* ‘новая королева вспыхнула’; *от ветру и солнца почернела; хлеб сохнет, желтеет*), наречиями (*белешенько, докрасна, молодо-зелено*) и причастиями (*bleeding* ‘истекающий кровью’, *sandy-coloured* ‘цвет песка’, *запеченный поросенок, жареная говядина*), содержащими цветовой признак.

Цвет – один из основных перцептивных признаков при категоризации древнего мира и построении сказочного пространства англичан и русских, одна из ведущих, онтологически обусловленных зрительных характеристик сказочных персонажей и объектов. Природно-климатические, культурно-исторические и социальные факторы воздействуют на несовпадения в членении различными этносами лингвоцветовой картины мира, особенно ярко отражаясь в лексической семантике.

Лингвоцветовая картина мира является вербальным выражением цветовой картины мира, отражая глубинный исторический и культурный пласт посредством языковых средств. Какую бы психофизиологическую основу не имел цвет, традиции и обычаи народа на него неизбежно наслаиваются. Лингвоцветовая картина в английских и русских сказках эксплицирует как идентичные предпочтения, связанные с общечеловеческой наивной картиной мира, так и специфические предпочтения англичан и русских в цвете, которые диктуются их культурно-историческими традициями.

Каждый объект характеризуется определенной окраской, даже если она едва заметна и невыразительна. Являясь универсальными при первом визуальном опыте человека и существуя даже в самых примитивных языках, *светлое* и *темное* лежат в основе начальной перцепции и первичного цветоразличения человеком окружающего мира, его концептуализации и категоризации. Градация на хроматические и ахроматические цвета, а также определение их тона, насыщенности и яркости осуществляются на последующих этапах познания. *Светлое* и *темное* характеризуют свойства объектов, воспринимаемые через зрительные ощущения, и выступают потенциальными носителями цветовыражения без его чёткого указания. Не являясь колоративами, *светлое* и *темное* предполагают такую возможность благодаря своим периферийным и коннотативным значениям.

Прагматические потребности англичан и русских в древности предопределили незначительное количество наименований цвета. Цветовой континуум английской и русской сказочных картин мира насчитывает, соответственно, 143 и 132

цветообозначений и представлен в восьми базовых цветах (красный, белый, черный, зеленый, серый, желтый, синий, коричневый) и посредством группы неопределенных цветообозначений, семантику цвета которых затруднительно отнести к определенной цветовой доминанте (например, *the colour was a mystery to describe* ‘цвет, который трудно описать’, *the colour of the skin* ‘цвет кожи’, *vessels of unusual colour* ‘сосуды необычного цвета’, *pale cheeks* ‘бледные щеки’; *самоцветный, раскрашенный, ни кровинки на лице, побледнеть*). В сказках англичан и русских фиксируем отсутствие вербальной экспликации двух базовых цветов – оранжевого и фиолетового. Хотя в древности данные цвета не различались как самостоятельные, в английских и русских сказках зафиксирован ряд лексем, занимающих промежуточное положение между синим и красным (*crimson* ‘малиновый’, *малиновый*), а в русских – между желтым и красным (*рыжий, черемный*). Еще один базовый цвет, выделяемый в русской лингвокультуре, – голубой – ввиду семантических особенностей и фрагментарных примеров считаем оттеночным.

Цветовое пространство в английской и русской сказочных картинах мира эксплицировано несимметрично (см. табл. 1).

Таблица 1. Количественная характеристика лингвоцветовой картины английских и русских сказок

Цвет	Английские сказки		Русские сказки	
	Кол-во едениц	%	Кол-во едениц	%
1. Красный	32	22,38	22	16,67
2. Черный	23	16,08	22	16,67
3. Белый	23	16,08	21	15,91
4. Зеленый	14	9,79	7	5,3
5. Неопределенный	14	9,79	11	8,33
6. Желтый	11	7,69	9	6,82
7. Коричневый	11	7,69	11	8,33
8. Серый	8	5,6	19	14,39
9. Синий	7	4,9	10	7,58
Всего:	143	100	132	100

В английских сказках цветовое пространство формируется вокруг красного цвета. Цветовая визуализация ядра сказочного пространства русских определяется цветообозначениями трех цветов – красного, черного и белого. Околоядерная зона в английских сказках конституируется номинациями для экспликации черного и белого, в русских – серого. Ближняя периферия для англичан представлена цветообозначениями зеленого и неопределенными цветообозначениями; для русских – обозначениями коричневого и синего. Для носителей английского языка неактуальными в древности

были серый и синий. Для носителей русского языка точечное долевое положение имеет зона дальней периферии, представленная желтым и зеленым. Отмечаем наличие в лингвоцветовой картине английских сказок четких границ между ядерной и околядерной зонами, околядерной зоной и периферией и отсутствие таковых границ в лингвоцветовой картине русских.

Цветовая визуализация сказочного пространства англичан и русских осуществляется как с помощью основных цветообозначений, составляющих базис системы цвета, так и оттеночных – небазовых цветоименований, образующих ее «глубинку». Исследуемый материал позволяет говорить о небогатом разнообразии оттенков (см. табл. 2).

Таблица 2. *Количественная характеристика оттеночных цветообозначений в английской и русской сказочных картинах мира*

Базовый цвет	Английские сказки		Русские сказки	
	Кол-во единиц	%	Кол-во единиц	%
1. Красный	26	32,5	17	29,31
2. Белый	11	15	3	5,17
3. Черный	11	13,75	9	15,52
4. Желтый	10	12,5	7	12,07
5. Коричневый	9	11,25	11	18,97
6. Серый	5	6,25	8	13,79
7. Зеленый	4	5	–	–
8. Синий	3	3,75	3	5,17
Всего:	79	100	58	100

На наш взгляд, в древнее время отсутствовала необходимость в детальном разграничении цветовых родовых свойств объекта в пределах одного вида или категории, поэтому и спектр оттеночной цветовой номенклатуры не является широким, что обусловило незначительную количественную величину лексики различных оттенков, по сравнению с количественным и качественным составом современной оттеночной цветообозначающей лексики.

Согласно полученным данным таблицы 2, в оттеночном цветовом пространстве английских и русских сказок доминируют оттенки красного цвета; занимают околядерную зону в английской лингвокультуре оттенки белого, черного и желтого; в русской – оттеночная цветообозначающая лексика для экспликации зоны коричневого, черного и серого. Наблюдаются различия в ценности и семантике оттенков, составляющих ближнюю и дальнюю периферии цветового оттеночного пространства английских и русских сказок. Ближнюю периферию оттеночных цветообозначений для англичан формирует коричневый, для русских – желтый. Наименее значимыми для носителей английского языка являются оттенки серого, зеленого и синего, для русских –

оттенки белого, синего и зеленого (нулевая представленность).

В древности при категоризации мира разграничение родовых свойств объектов в пределах одного вида или категории не было релевантным для носителей русского языка, следовательно, и не был актуальным разнообразный оттеночный перцептивный признак цвета. В русской сказочной картине мира доминирует фокусное указание цвета, а не его точное детализированное описание.

Оттенки зависимы от прототипных референций, поэтому основную часть оттеночных цветообозначений в сказочной картине мира англичан и русских составляют цветономинации, которые легко определяются носителем языка на основе его представлений о цвете соответствующего объекта. Большой «лингвистической» активностью отличаются цветоименования природных объектов, что позволяет констатировать в вербальной экспликации оттенков многосложное сосредоточение трех разноплановых систем – феноменальности, биологии и онтологии.

Оттеночная семантика в русской сказочной картине мира характеризуется узкой лексической валентностью, поскольку в русских сказках большинство оттеночных цветообозначений фиксируют узкую закрепленность ряда объектов, например, узкоограниченные оттеночные цветономинации, которые эксплицируют исключительно цвет волос (*русый*), глаз (*карий*), щек (*румянец*, *румяна(я)*, *зарделась*, *зарумянилась*), масть лошадей (*буланый*, *бурый*, *вороной*, *гнедой*), окрас шерсти животных (*черемная*) или группу теплокровных яйцекладущих позвоночных животных (*сизокрылый*). У некоторых оттеночных цветообозначений сфера употребления немного шире. Например, номинация *сивый* эксплицирует как преклонный возраст (*сивый старик*), так и масть лошади (*сивый мерин*, *кобыла сивая*). Лексемы *сед* и *седой* номинируют не столько старшее поколение (в русских сказках для обозначения преклонного возраста используются преимущественно лексемы *старик* и *старуха*), сколько вербально репрезентируют представителей потустороннего мира: *Как только настанет полночь, выходит из воды косматый, седой старик; Оттого, – говорит, – я и сед, что чертов дед!*

Цветообозначения в английской и русской сказочных картинах мира отражают как идентичные свойства разноструктурных языков (системная организация), так и национальную специфику, связанную с экстралингвистическими (типичность цвета), языковыми (структурные и лексико-грамматические особенности, способы выражения), ассоциативными причинами.

Функционирование цветообозначений анализируется с лингвокультурологических

позиций, что позволяет рассматривать цветообозначения как сложно организованную систему, которая аккумулирует этноспецифическую лингвокультурологическую информацию. В английских и русских сказках со всей очевидностью запечатлены стереотипы цветовидения англичан и русских в древности, которые являются близкими, но не идентичными: национальные особенности функционирования цветообозначений в речемыслительной деятельности представителей разных этносов обусловлены их менталитетом и историко-культурными традициями.

Многочисленность аспектов антропоцентристского рассмотрения наименований цвета вскрывает в какой-то степени цветоцентризм человеческого восприятия: с помощью цветообозначающей лексики воссоздается место человека в социуме и его отношение к культуре, картина особенностей его поведения, мыслей, а при межъязыковом сопоставлении подобного рода феноменов и стереотипов – соответствующие этнические картины мира. Исследование и всестороннее изучение цветовой лексики является важным для систематизации представлений о жизни англичан и русских в древности и, следовательно, для реконструкции их системы представлений о цвете в древности, отраженной словесно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алымова Е. Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 2007. 18 с.
2. Астахова Я. А. Цветообозначения в русской языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2014. 234 с.
3. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. 1996. С. 231-291.
4. Герасименко И. А. Лингвокультурные компоненты значения русских колоративов // Мова. 2014. № 22. С. 145-148.
5. Джалилова М. Т. Структурно-семантический анализ цветообозначения в таджикском, английском и русском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Душанбе, 2016. 25 с.
6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Москва: ЧеРо, 2003. 349 с.
7. Левицкий А. Э. Антропоцентризм как основа когнитивно-дискурсивного анализа единиц языка // Когнитивные исследования языка. 2016. № XXVII. С. 184-191.
8. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Тамбов, 2011. 421 с.
9. Перфилова М. Н. Динамика лексики цвета в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Пенза, 2022. 251 с.
10. Тимофеева А. М. Сопоставительное исследование лингвоцветовых картин мира (на материале идиолектов Н. Заболоцкого и Р. Фроста): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2003. 19 с.
11. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkley and Los Angeles: University of California Press, Uca-Press, 1969. 587 p.
12. Frank J. Gender Differences in Color Naming // American Speech. 1990. Vol. 65. № 2. P. 114-126.

REFERENCES

1. Alymova, E. N. (2007). *Tsvet kak lingvokognitivnaya kategoriya v russkoy yazykovoy kartine mira* [Colour as a linguocognitive category in the worldview of Russians]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Sankt-Petersburg. (In Russ.).
2. Astahova, Ya. A. (2014). *Tsvetooboznacheniya v russkoy yazykovoy kartine mira* [Colour namings in the worldview of Russians]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Moskva. (In Russ.).
3. Wierzbicka, A. (1996). *Oboznacheniya tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya* [Designation of colour and universals of visual perception]. In *Yazyk. Kultura. Poznanie*. Moskva. Pp. 231-291. (In Russ.).
4. Gerasimenko, I. A. (2014). *Lingvokulturnye komponenty znacheniya russkikh kolorativov* [Linguocultural components of the meaning of Russian words denoting colour]. In *Mova*. No. 22. Pp. 145-148. (In Russ.).
5. Dzhililova, M. T. (2016). *Strukturno-semanticheskiy analiz tsvetooboznacheniya v tadzhikskom, angliyskom i russkom yazykah* [Structural and semantic analysis of colour namings in Tajik, English and Russian languages]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Dushanbe. (In Russ.).
6. Kornilov, O. A. (2003). *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsionalnykh mentalitetov* [Linguistic worldviews as national mentalities implications]. Moskva: CheRo. (In Russ.).
7. Levitskiy, A. E. (2016). *Antropotsentrizm kak osnova kognitivno-diskursivnogo analiza edinit yazyka* [Anthropocentrism as the basis of cognitive-discursive analysis of language units]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. XXVII. Pp. 184-191. (In Russ.).
8. Maslova, Zh. N. (2011). *Poyeticheskaya kartina mira i eye reprezentatsiya v yazyke* [The poetic worldview and its verbal representation]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Tambov. (In Russ.).
9. Perfilova, M. N. (2022). *Dinamika leksiki tsveta v russkom yazyke* [Dynamics of colour namings in Russian]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Penza. (In Russ.).
10. Timofeeva, A. M. (2003). *Sopostavitel'noe issledovanie lingvotsvetovykh kartin mira (na materiale idiolektov N. Zabolotskogo i R. Frosta)* [Comparative study of linguocolour worldview (based on the idiolects of N. Zabolotsky and R. Frost)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Ekaterinburg. (In Russ.).
11. Berlin, B., Kay, P. (1969). *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkley and Los Angeles: University of California Press, Uca-Press.
12. Frank, J. (1990). *Gender Differences in Color Naming*. In *American Speech*. Vol. 65. No. 2. Pp.114-126.

Никульшина Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Иностранные языки» (e-mail: tan_n-n@mail.ru), Автомобильно-дорожный институт, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный технический университет» 284646, г. Горловка, ул. Кирова, 51

Nikulshina Tatiana Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department (e-mail: tan_n-n@mail.ru), Automobile and Road Institute, State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» «Donetsk National Technical University» 51 Kirov str., Gorlovka, 284646

Поступила в редакцию 31 октября 2022 г.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ КОНВЕРСИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена изучению конверсивных отношений в немецком и русском языках и различных подходов к исследованию этого явления. Освещаются грамматический, лексико-грамматический, деривационный подходы. При конвертировании рефлексивных глаголов выявляются особенности на семантическом и синтаксическом уровнях в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: конверсия, конверсивный глагол, рефлексивный глагол, рефлексивная конструкция, залог, актантная структура.

© 2022 E. K. Rastarasova

REFLECTIVE CONVERSIVE VERBS IN GERMAN AND RUSSIAN

The article is devoted to the study of conversion relations in the German and Russian languages and various approaches to the study of this phenomenon. Grammar, lexico-grammatical, derivational approaches are highlighted. Converting reflexive verbs, features at the semantic and syntactic levels in the compared languages are revealed.

Key words: conversion, convertive verb, reflexive verb, reflexive construction, voice, actant structure.

Вводные замечания

В статье описываются рефлексивные конверсивные глаголы (РКГ) в немецком и русском языках, то есть, глаголы типа: рус. *покупать* – *продавать*, рус. *сдавать* – *принимать*, нем. *kaufen* – *verkaufen*, нем. *abgeben* – *annehmen*.

Рефлексивные глаголы активно исследуются отечественными и зарубежными учёными (Э. Ш. Генюшене, В. С. Храковский, И. А. Мельчук, А. А. Шахматов, С. А. Добричев, И. Е. Иванова, Ш. Р. Басыров). Тем не менее, особенности конверсива в сфере рефлексивных глаголов изучены недостаточно глубоко.

Актуальность работы определяется недостаточной изученностью проблем конверсии, в частности, в сфере рефлексивного глаголообразования. Одной из сложностей, вытекающих из лингвистических воззрений на проблему содержания феномена конверсивности, является нерешенный до конца вопрос о соотношении конверсива и смежных с ним категорий (залог, синонимия и др.) и отсутствие единого мнения на его функции.

Материалом исследования послужили рефлексивные глаголы и рефлексивные конструкции и их нерефлексивные глаголы и нерефлексивные конструкции, отобранные из Duden Universalwörterbuch, DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache), WDG

(Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache), Национального корпуса русского языка, Толкового словаря русских глаголов, Словаря русского языка (всего: в немецком языке отмечено 254 глагола и в русском языке 283 глагола).

Цель работы – выявить общее и отличительное в сфере конверсивных рефлексивных глаголов немецкого и русского языков.

1. Теоретические основы изучения конверсивности в языке

Конверсивность как языковая категория проявляет себя, прежде всего, в категории конвертируемости субъектно-объектных отношений предложения, реализуемой посредством актантной трансформации.

Конвертируемость – это способность предложения изменять направление отношения в обратном порядке, не изменяя его грамматическую структуру и денотативное значение [Иванова, 2016: 10].

Под актантной трансформацией понимается «изменение соотношения между семантическими и синтаксическими актантами», другими словами – смена позиции субъекта и объекта в актантной структуре предложения [Иванова, 2016: 10].

Конверсивные отношения являются одним из основных видов структурно-семантических отношений между единицами языка. Как общесемиотическое явление конверсивность универсальна по своей природе и обнаруживается прежде всего на синтаксическом уровне. Конверсивные отношения, наряду с синонимичными, антонимичными, гипонимичными, словообразовательными и др., представляют структурно-семантическое богатство любого языка и реализуются во всех сферах устной и письменной коммуникации в широчайшем конструкционно-преобразовательном разнообразии [Добричев, 2005: 3].

Конверсивность в широком понимании данного языкового явления представляет собой отношение между синтаксическими конструкциями, являющееся результатом взаимного перемещения как минимум двух субстантных элементов в синтаксической структуре при сохранении смыслового инварианта. Репрезентантами конверсии выступают лексические конверсивы, под которыми мы понимаем слова одного лексико-грамматического класса, содержащие в смысловой структуре лексико-семантические варианты, способные соотноситься с инвариантным денотатом конвертируемых предложений и реализовываться в изменении направления отношений в семантической структуре данных предложений. Формируя пласт конверсивной лексики в языке, лексические конверсивы тем самым демонстрируют его логическое и неотъемлемое

свойство – выражать обратные отношения в синтагматической и парадигматической системах [Добричев, 2005: 3].

В лингвистическом плане конверсивность – это особая, многоплановая, межуровневая категория, отражающая соотношение между лексико-синтаксическим типом предиката и синтаксической структурой высказывания. Данное обстоятельство объясняет неспособность перечисленных подходов к феномену конверсивности в полной мере раскрыть природу конверсивных преобразований и необходимость использования интегративного подхода, при котором ключевыми признаются основные положения теорий парадигматического синтаксиса и диктемного строения текста М. Я. Блоха, а также положения фреймовой семантики [Иванова, 2016: 11].

И. А. Мельчук определяет конверсив как «слово, которое называет то же самое отношение, что и ключевое слово, но взятое в ином направлении», то есть, с перестановкой тех же актантов на другие места», ср.:

(1) а. *Учёный проводит анализ* → б. *Анализ проводится учёным* [Мельчук, 1999: 83].

В данном примере и происходит перестановка местами актантов *учёный* (1а) и анализ (1б), сопровождающаяся изменением соответствия между их синтаксическими и семантическими ролями. В исходном предложении (1а) слово *учёный* на синтаксическом уровне оформляет субъект (подлежащее) и обозначает на семантическом уровне агенса (исполнителя действия), а компонент анализ является объектом (дополнением) и обозначает пациенса. В производной конструкции (1б) носителем действия выступает уже агентивное дополнение *учёным*, в то время как подлежащее *анализ* обозначает пациенса действия.

Ср. аналогично отношение в немецком языке:

(2) а. *Die Arbeiter (П/Ag) bauen das Haus (Д/Pt)* → б. *Das Haus (П/Pt) wird von den Arbeitern (Д/Ag) gebaut*, где П – подлежащее; Д – дополнение, Ag – агенс, Pt – пациенс.

Развивая эту мысль в морфологическом аспекте, Ю. Д. Апресян отмечает, что конверсивные отношения в русском языке находят отражение прежде всего в глагольной лексике, так как «глагол выработал специальную грамматическую форму, выражающую конверсивные отношения – форму действительного и страдательного залога. Следовательно, лексическая конверсия – явление залоговое» [Апресян, 1974: 264].

Конверсивность как семантическая категория обозначает особый тип связи между участниками ситуации (X и Y), состоящий в очевидной производности одного (X) по отношению к другому (Y). Такую связь можно сформулировать следующим образом:

Если есть X, то есть, и Y, ср.: X покупает ↔ Y продаёт. Важным условием конверсивных отношений является способность ролевой или актантной структуры к

обращению. Такая способность отмечается у двухвалентных глаголов, обладающими следующими признаками:

- 1) набор семантических ролей у участников ситуации одинаковый, то есть, если X выступает в роли субъекта и объекта, то и Y аналогичные роли (ср.: покупать-продавать);
- 2) семантические роли X и Y выступают в структуре предложения в различных синтаксических функциях (см. [Апресян, 1998]).

На семантическом уровне функция конверсивов заключается, в частности, в передаче различий в логическом ударении, то есть, различие в «определённости-неопределённости», которое Ю. Д. Апресян связывает с понятиями темы и ремы. Так, в предложении (3а) *Свод упирается на колонны* подлежащее *свод* представляет собой тему предложения (известное), то есть, принадлежит к категории определённости, а предложное дополнение *на колонны* употребляется впервые, то есть, обозначает новое (рема). Конвертируя предложение (3а), получаем следующий пример: (3б) *Колонны поддерживают свод*. В предложении (3б) дополнение *свод* уже будет ремой и относится к категории неопределённости, и напротив, подлежащее *колонны* обозначает тему [Апресян, 1998: 258-259]. Категория определённости-неопределённости, то есть, членение предложения на тему и рему, находит, таким образом, своё отражение и на синтаксическом уровне.

О. Есперсен справедливо связывает лексические конверсивы и понятие активного и страдательного залога, отмечая при этом смену функций между подлежащим и дополнением, или в «конвертировании дополнений» [цит. по: Апресян, 1998: 257].

Таким образом, можно сделать вывод, что темо-рематическая структура предложения (определённость-неопределённость) непосредственно связана с синтаксической структурой и с функциями подлежащего и дополнения.

2. Конверсивность и залог

Конверсив, как было сказано выше, может выражаться залоговыми формами и находит своё отражение, прежде всего, в глагольной лексике [Апресян, 1974; Басыров, 2014]. По словам Г. Г. Сильницкого, симметричные глагольные конверсивы представляют простые ситуации, в которых актанты связаны отношением координации, характеризуются одинаковым функциональным статусом в ситуации. Большинство то есть, глаголов данного типа являются двухместными предикатами и предполагают наличие релянтов, которые рассматриваются как коагены [цит. по: Добричев, 2005: 28].

Пассив является частным способом образования конверсивов [Лютикова, 1997: 83]. Переход от исходной (активной) к производной (пассивной) конструкциям

осуществляется путём изменения исходной конструкции. Деривационные отношения, которые связывают обе конструкции, определяют как залоговые [Фортунатов, 1899: 13].

С точки зрения В. С. Храковского, пассивная деривация приравнивается к каузативной, например:

(4) рус. а. *Он (Sub/Ag) дал мне книгу (Ob/Pt)*, то есть, каузировал меня иметь → б. *Мне (Ob/Pt) досталась его книга (Sub/Pt)* (перешла во владение по какому-либо распределению, может быть, случайно) [Апресян, 1998: 276].

Производный каузативный глагол в отличие от некаузативного обозначает не только конкретную ситуацию, но и абстрактную каузацию, которую можно описать словами «делать так, чтобы субъект оказался в некотором состоянии» [Храковский, 1978: 13].

Сопоставление пассивной конструкции с активной позволяет сделать следующие выводы. В пассивной конструкции различается обозначение субъекта на конкретном лексическом и абстрактном грамматическом уровнях [Бондарко, 1971: 56];

В некоторых пассивных конструкциях появляется агентивное дополнение, которое отсутствует в активной конструкции [Бондарко, 1971: 56], например:

(5) рус. а. *Coced (Sub/Ag) строит дом (Ob/Pt) у реки.* → б. *Дом (Sub/Pt) строится у реки.*

В производной пассивной конструкции (5б) глагол имеет одну обязательную валентность подлежащего, обозначающего объект. В производной конструкции (5б) агенс действия *coced* не реализуется, хотя возможна его экспликация:

(5) рус. в. *Дом (Ob/Pt) строится соседом (Sub/Ag) у реки.*

Несмотря на то, что валентность глагола на обстоятельство (у реки) факультативна, фраза (5) г. *Дом (Sub/Pt) строится* является, по мнению В. С. Храковского, «синтаксически ущербной и незавершенной» [Храковский, 1974: 44].

Залог как морфологическая глагольная категория присутствует при наличии «формальной оппозиции хотя бы двух рядов глагольных форм» [Храковский, 1978: 41] типа рус. *строить* → *строиться*; нем. *bauen* → *gebaut werden*. В отличие от других морфологических глагольных категорий (лицо, число, вид), категория залога более тесно связана с синтаксической структурой предложения. В исходном (активном) предложении глагол имеет обязательные валентности подлежащего и прямого дополнения, обозначающие соответственно субъект и объект действия, а также факультативную валентность обстоятельства места.

Категория залоговости охватывает средства, выражающие языковую семантическую интерпретацию отношения действия к субъекту и объекту. Наряду с морфолого-

синтаксическим ядром в рамках залоговости выделяются еще две оппозиции возвратности-невозвратности и переходности-непереходности [Бондарко, 1971: 56].

Возвратные глаголы выражают признак интранзитивности, невозвратные же остаются морфологически нехарактеризованными с точки зрения транзитивности-интранзитивности [Бондарко, 1971: 56].

Глагольная лексика русского и английского языков богата конверсивами прежде всего благодаря категории залога. В качестве объекта типологического сопоставления может быть взята залоговая подсистема образования конверсивов. Особенностью употребления страдательного залога в английском языке является его широкая распространенность благодаря тому, что практически все глаголы в английском языке имеют форму пассива. В русском и немецком языках категория залога свойственна только переходным глаголам [Ильинская, 2006: 14].

Залог как морфологическая глагольная категория присутствует при наличии «формальной оппозиции хотя бы двух рядов глагольных форм» [Храковский, 1978: 41] типа рус. *строить* → *строиться*; нем. *bauen* → *gebaut werden*.

Производные конструкции, в которых, в отличие от исходных, субъект не стоит на месте подлежащего, называются пассивными, или конверсивными [Храковский, 1974: 44].

3. Конверсив, рефлексив, залог

Рефлексивный глагол (РГ), по словам Н. Gelhaus, это глагол, который использует возвратное местоимение *sich* в качестве обязательного или факультативного дополнения, например:

(6) нем. *Ich schäme mich* [Gelhaus: 106].

По мнению L. Götze, рефлексивные глаголы — это те глаголы, в которых лицо, выраженное дополнением, идентично лицу в роли подлежащего [Götze, 1999: 71].

Есть две группы рефлексивных глаголов в немецком языке: «истинные» (*echte*) и «неистинные» (*unechte*). У истинных рефлексивных глаголов обязательным является возвратное местоимение, которое поэтому не может быть заменено существительным или местоимением [Götze, 1999: 71], например:

(7) нем. *Ich weigere mich* ‘Я отказываюсь’. ≠ *Ich weigere Hans* ‘Я отказываю Хансу’. ≠ *Ich weigere ihn* ‘Я отказываю ему’. У неистинных рефлексивных глаголов возвратное местоимение является не частью предиката, а дополнением, т.к. оно может быть заменено существительным или местоимением в *Akkusativ* или *Dativ* [Götze, 1999: 72], например:

(8) нем. а. *Ich wasche mich* ‘Я моюсь’. ↔ б. *Ich wasche meine Schwester* ‘Я мою сестру’. ↔ в. *Ich wasche sie* ‘Я мою её’.

По мнению Н. Gelhaus, возвратное местоимение *sich* имеет статус самостоятельного члена предложения, соответственно дополнения, требуемое валентностью глагола. В некоторых случаях оно может быть опущено, например:

(9) нем. а. *Sie wäscht sich* 'Она моется'. – б. *Sie wäscht* 'Она моет' [Götze, 1999: 110-111].

По словам Е. И. Шендельс возвратное местоимение *sich* первоначально являлось формой *Akkusativ* личного местоимения, но переняло на себя функции двух падежей, *Akkusativ* и *Dativ*. Оно используется в 3 лице единственного и множественного числа одинаково для всех родов [Шендельс, 1982: 205].

Существуют различные точки зрения относительно взаимосвязи рефлексивных глаголов, активного и пассивного залогов [Басыров, 2014: 49].

Так, А. А. Шахматов рассматривает рефлексивный глагол как третий залог наряду с действительным и страдательным залогами [цит. по: Басыров, 2004: 49]. К залоговым формам (действительному и страдательному) относятся залоговые формы, образованные путём сочетания возвратного местоимения и глагольных форм [Шахматов, 2001: 476]. Возвратное местоимение А. А. Шахматов определяет как название субъекта, которое в составе глагола «является указанием на то, что действие, признак переходит на субъект, что субъект становится объектом» [Шахматов, 2001: 476].

К возвратному залого А. А. Шахматов относит, в частности:

1) собственно-возвратный залог, который объектом своего действия видит «физическую личность самого субъекта-производителя действия, следовательно, переходит на его внешность, на поверхность его тела и т. д.» [Шахматов, 2001: 478-479]. Например: *купаюсь, устраиваюсь*.

2) общевозвратный залог, при котором объектом действия глагольного признака является «личность самого субъекта» [Шахматов, 2001: 478-479], причем субъект выступает в качестве объекта и не мыслится как производитель действия. Например: *радуюсь, несусь, появляюсь*;

3) косвенно-возвратный залог, обозначающий, что действие, «производителем которого мыслится нарочито сам субъект, имеет этого производителя также и косвенным своим объектом» [Шахматов, 2001: 478-479]. Например: *уложусь, уберусь*;

4) косвенно-результативно-возвратный залог, при котором действие, выполняемое субъектом, «проявляется во всей своей полноте» [Шахматов, 2001: 478-479]. Например: *наседимся, наемся, наловчусь*;

5) взаимно-возвратный залог означает, что действие, производимое субъектом, «имеет объектом связанные этим самым действием с субъектом объекты, почему действие

переходит косвенно и на самый субъект» [Шахматов, 2001: 478-479]. Например: *сговориться, согласиться, сражаться*;

б) пассивно-возвратный залог, при котором интенсивность действия делает его независимым от носителя действия. Например: *думается, мне кажется, не спится*;

7) кратно-пассивно-возвратный залог означает, что действие выражается кратко и интенсивно, что «сосредотачивает особое внимание на производителе признака, или даже характеризует его» [Шахматов, 2001: 478-479]. Например: *балуется, плачется, просится*;

8) страдательно-возвратный залог, в который переходит собственно-возвратный глагол, если подлежащее выражено неодушевленным предметом. Например: *пятна не отмываются, обвиняюсь, называюсь*.

В германистике В. Шмидт наряду с действительным и страдательным залогами выделяет и средний залог (*das Medium*). По мнению лингвиста, функция среднего залога большей частью переходит к возвратному глаголу. Специфика медиального (или среднего) залога рефлексивной конструкции состоит в «отнесённости действия на субъект», а также в «нередко встречающемся использовании возвратного глагола для выражения действия, которое развёртывается в сфере субъекта без указания производителя действия» [Schmidt, 1973: 211]. Например:

(10) нем. *Das Buch liest sich gut* 'Книга читается хорошо' [DWDS]. В приведённом примере подлежащее *das Buch* обозначает объект действия [Храковский, 1978: 152].

В. Г. Адмони определяет рефлексивную конструкцию как третий залог, наряду с действительным и страдательным залогами и утверждает также, что тенденция к объединению значения носителя действия, занимающего позицию субъекта в номинативе в возвратной конструкции, со значением деятеля типична для этой конструкции [Адмони, 1966: 181].

Подобной точки зрения придерживается и В. Д. Девкин, выделяя рефлексивную конструкцию в отдельную категорию, наряду с действительным и страдательным залогами. Возвратные глаголы он делит на «возвратные глаголы в узком смысле» и на глаголы с отношением «референциального тождества» [Девкин, 1990: 68-69].

Возвратные глаголы в узком смысле – это глаголы типа *sich erholen* – *отдыхать*, где возвратное местоимение *sich* занимает место синтаксического объекта, но на семантическом уровне логические объект и субъект не совпадают, ср.:

(11) а. *Die Mutter (Sub/Ag) erholt sich.* → *(б) *Die Mutter (Sub/Ag) erholt das Kind (Ob/Pt)*, где Sub – подлежащее, Ob – дополнение, Ag – агенс, Pt – пациенс. Возвратное

местоимение *sich* в исходном предложении (11а) на семантическом уровне не занимает место объекта, поэтому трансформация (11б) невозможна [Девкин, 1990: 68-69].

У возвратных глаголов с отношением референциального тождества субъекта и объекта типа *sich kämmen* семантическая функция возвратного местоимения выражена объектом, ср.:

(12) нем. а. *Die Mutter* (Sub/Ag) *kämmt sich* 'Мать расчесывается' ↔ б. *Die Mutter* (Sub/Ag) *kämmt das Kind* (Ob/Pt) 'Мать расчесывает ребёнка'. Трансформация исходного предложения (12а) возможна, т.к. возвратное местоимение выступает в роли объекта [Девкин, 1990: 68-69].

Иного мнения придерживается Н. О. Янко-Триницкая, которая к рефлексивным глаголам относит глаголы с пассивным значением. Согласно точке зрения Н. О. Янко-Триницкой, возвратный глагол чаще образуется от переходных глаголов, чем от непереходных глаголов. В непереходных глаголах на *-ся* семантическое обогащение слова не связано с грамматикой и «не опирается на многозначность аффикса *-ся*» [Янко-Триницкая, 1982: 24-25], ср.:

звониться (←звонить в дверной звонок, чтобы открыли дверь для того, кто звонит),
желтеться (←желтеть), *стучаться* (←стучать), *плакаться* (←плакать).

Таким образом, синтаксическое употребление непереходных глаголов не изменяется от присоединения аффикса *-ся*.

Отличной от предыдущих точек зрения является точка зрения Ф. Ф. Фортунатова, который различает две категории залога (возвратный и невозвратный) и не относит активные и пассивные обороты к категории залога. Глаголы без аффикса *-ся*, которые не имеют соотносительных с ними слов на *-ся* типа *долженствовать*, *ехать* и глаголы на *-ся*, которые не имеют соотносительных с ними глаголов без *-ся* типа *бояться*, *стараться*, *гордиться* не имеют форм залога [Виноградов, 1972: 181].

По Ф. Ф. Фортунатову, невозвратный залог как «нулевая форма» свойственен переходным глаголам, от которых произведены возвратные конструкции на *-ся*: (ср.: *опасаться*) из-за отсутствия соответствующих глаголов без *-ся* следовало бы отнести к не имеющим форм залога. Тем не менее, по мнению Ф. Ф. Фортунатова, формой залога можно считать лишь глаголы, которые могут употребляться с аффиксом *-ся* и без *-ся* [цит. по: Виноградов, 1972: 482-483].

В. С. Храковский делит все глагольные конструкции на активные и пассивные. В пассивных конструкциях субъект не занимает позиции подлежащего, «обозначается на абстрактном грамматическом уровне» и факультативно – на лексическом уровне. С точки

зрения В. С. Храковского, пассивная деривация сходна с каузативной, где производный каузативный глагол обозначает конкретную и так называемую «абстрактную каузацию», которую можно описать словами «делать так, чтобы некоторый субъект оказался в некотором состоянии», ср.:

(13) рус. а. *Он (Sub/Ag) дал мне книгу (Ob/Pt)*, то есть, каузировал меня иметь → б. *Мне (Ob/Pt) досталась его книга (Sub/Pt)* (перешла во владение по какому-либо распределению, может быть, случайно) [Апресян, 1998: 276].

В активной конструкции (13а) субъект «обозначается на конкретном лексическом уровне с помощью имени, занимающего позицию подлежащего» [Халипов, 1978: 19].

Что касается понятия «рефлексивность», то в современной лингвистике существует два подхода к ее определению:

1) *семантический подход*, направленный на понимание рефлексивности как семантического явления, когда действие направлено на действующее лицо, которое одновременно занимает роль субъекта и объекта действия [Недялков, 1975]

2) *морфологический подход*, направленный на выделение производящей основы и формального рефлексивного показателя [Генюшене, 1983; Янко-Триницкая, 1962].

Часто оба подхода используются одновременно. Так, В. П. Недялков понимает смысл формальной деривации РГ в маркировании изменения значения, то есть, семантической деривации. В результате такого преобразования может происходить добавление некоторого смысла (например, смысла «себя»), вычитание смысла (обычно каузативного) и добавление одного смысла и вычитание другого, то есть, пересечение значений РГ и его производящего нерефлексивного глагола [Недялков, 1975].

Среди исследователей семантического подхода делается попытка сочетать элементы двух предыдущих подходов.

Так, одни ученые считают средний залог (медий) универсальной семантической категорией, объединяющей все лексические классы глаголов на *-ся* в разных языках, и описывает десять семантических типов РГ, которые обычно связаны с медием. При этом медиопассив рассматривается как формальная категория, куда относятся все глаголы, имеющие «средний маркер» – местоимение *себя* в полной форме («тяжелая форма»), и *-ся* в краткой («легкая форма») [Недялков, 1985: 15-17].

Другие лингвисты утверждают, что «различные виды использования *-ся* («рефлексивные», «средние», «пассивные») являются только контекстно-зависимыми интерпретациями одного инвариантного значения. Инвариантное значение *-ся* может быть описано следующим образом: причинная цепочка события начинается и заканчивается

субъектом-референтом, то есть, субъектом глагола на *-ся* являются как отправная точка, так и конечная точка. При этом система глаголов на *-ся* рассматривается как континуум от рефлексивного до пассивного. Пассивные формы являются регулярными образованиями от глаголов несовершенного вида без морфемы *-ся*. Таким образом, они трактуются как часть не *-ся*-глаголов, потому что парадигма глаголов на *-ся* в какой-то степени представляет собой очень ограниченные лексические классы. Чтобы избежать терминологической путаницы из-за двусмысленности, отдельные лингвисты отказываются от терминов «рефлексивный глагол», «возвратный глагол», поскольку данными терминами называют любой глагол с постфиксом *-ся* [Недялков, 1985: 15-17].

Исследователями рассматриваются различные семантические группы РГ, однако в большинстве классификаций представлены следующие типы РГ: рефлексивные (или возвратные), РГ со значением «партитивный объект», декаузативные рефлексивы (акциональные, эмоциональные и медиальные бенефактивы, посессивные РГ, консеквенциональные, каузативные, дейктические, волитивные, неконсеквенциональные, рецептивные, квазипассивные, агрессивные и взаимные РГ [Недялков, 1985: 15-17].

Из сказанного следует, что категория рефлексивности связана как минимум с тремя языковыми уровнями. При этом рефлексивность может трактоваться как формально, так и содержательно. В рамках формального подхода рефлексивами признаются все глаголы, содержащие в своей структуре РП независимо от его значения, а рефлексивными по смыслу являются те глаголы, которые поддаются, в частности, толкованию через производящую основу глагола и смысл *себя* (*одеваться* = *одевать себя*). Рефлексивный смысл глагола передается т.о. через однореферентность двух окружающих его семантических актанта, а именно субъекта и объекта действия. Иными словами, один референт (участник описываемой ситуации) соответствует субъекту и объекту действия, то есть, актанты однореферентны [Недялков, 1985: 15-17].

4. Морфологические и грамматические свойства конверсивных НГ/РГ

В словообразовательном отношении немецкие и русские конверсивные РГ образуются по единой модели «исходный нерефлексивный глагол (НГ) + *sich/ся*», ср.:

(1) рус. *радовать кого-л.* (например, о подарке) → *радоваться чему-л.* (например, подарку), аналогично: нем. *jmdn freuen* → *sich (über etw.) freuen*.

Исходные НГ в обоих языках часто являются отадъективными дериватами со значением каузация определенного свойства человеку, предмету, явлению, процессу и т.п. Значение данных НГ поясняется в словарях обычно через значение каузативного глагола *tachen/(с)делать* и значение мотивирующего прилагательного, ср.:

(2) рус. лучший → *улучшить* <сделать лучше> → *улучшиться*; аналогично: нем. besser → *bessern* <besser machen> → *sich bessern*.

(3) рус. худший → *ухудшить* <сделать хуже> → *ухудшиться*, аналогично: нем. schlechter → *verschlechtern* <schlechter machen> → *sich verschlechtern*.

В ряде случаев НГ мотивируются именами существительными с конкретной и абстрактной семантикой, ср.:

(4) рус. туман → *туманить* → *туманиться*, аналогично: нем. *Nebel* → *benebeln* → *sich benebeln*.

(5) рус. страх → *страшить* → *страшиться*; аналогично: нем. *Angst* → *ängstigen* → *sich ängstigen*.

Отмечены также НГ, производящими основами которых выступают числительные или наречия, в немецком языке это производные наречия с количественным значением и содержащие в своей структуре продуктивный суффикс *-fach*, ср.:

(6) рус. два → *удвоить* → *удвоиться*; аналогично: нем. *zweifach* → *verzweifachen* → *sich verzweifachen*

В грамматическом отношении производящие НГ конверсивных РГ в сопоставляемых языках являются переходными (транзитивными), преимущественно двухвалентными глаголами, сочетающимися с различными типами прямых дополнений, а именно:

1) с одушевленным дополнением, ср.:

(7) рус. злить кого-л. → *злиться на кого-л.*, аналогично: нем. *jmdn. ärgern* → *sich über jmdn. ärgern*;

2) с неодушевленным дополнением, ср.:

(8) рус. обозначить что-л. <сделать хорошо заметным> (например, скулы человека) (о худобе) → *обозначиться (в ком-л.)* (например, о внутренней перемене); нем. *etw. ausbauchen* раздувать что-л. (например, парус, юбку на ветру) → *sich ausbauchen* раздуваться.

3) одновременно с одушевленным и неодушевленным дополнениями, ср.:

(9) рус. оживить кого-что (например, больного, торговлю и т. п.) → *оживиться*, аналогично: нем. *etw., jmdn. beleben* → *sich beleben*.

5. Дистрибутивные свойства конверсивных РГ

Семантико-синтаксический анализ нерефлексивных глаголов (НГ) и их конструкций (НК), а также производных рефлексивных глаголов (РГ) и их рефлексивных конструкций (РК) свидетельствует о том, что конверсия происходит посредством актантной трансформации, то есть, путем изменения соотношения между семантическими и

синтаксическими актантами, другими словами, иными словами меной позиции субъекта и объекта в актантной структуре НК и РК. Например:

(14) а. *Der Wind baucht die Segel aus* 'Ветер раздувает паруса'. – б. *Die Segel bauchen sich im Winde aus* 'Паруса раздуваются на ветру'.

НК (14а) и их РК (14б) описывают денотативно сходную ситуацию (приобретение парусами на ветру формы выпячивающегося живота (*Bauch*)), но с изменением в них неодушевленными именами своих синтаксических позиций: в исходных НГ/НК неодушевленное имя *der Wind*, выступающее в семантической функции субъекта, стоит в позиции подлежащего, а в производных РГ/РК (14б) оно преобразуется в косвенное локативное дополнение, выраженное предложной группой *im Winde*. Мена позиции в структуре предложений наблюдается и у актанта *die Segel*: объект-дополнение в НК (14а) → субъект-подлежащее в РК (14б). РК (14б) описывает ту же ситуацию, что и исходная НК (14а), но из перспективы второго актанта, переводимого в коммуникативно главную позицию подлежащего [Басыров, 2004: 50-51].

Анализ референтных свойств конвертируемых имен существительных позволяет заключить, что в позициях подлежащего и дополнения в НК и РК в основном появляются имена, называющие:

- 1) неодушевленные предметы;
- 2) явления природы (ветер, шторм, туман, облака и т. д.);
- 3) человека, его состояние;
- 4) предметы, вещества, созданные человеком (артефакты);
- 5) события, процессы, например:

(15) нем. а. *Seine Philosophie reflektierte die historischen Ereignisse* 'Его философия отражала исторические события'. – б. *Die historischen Ereignisse reflektierten sich in seiner Philosophie* 'Исторические события отражались в его философии'.

Особенно продуктивно конверсивные РГ образуются от глаголов, обозначающих каузацию определенного психо-эмоционального состояния человека. Ср:

(16) рус. а. *Его (г₁) поведение возмущает (к) её (г₂)*. – б. *Она возмущается его поведением*, аналогично:

нем. *Sein (г₁) Benehmen empört (к) sie (г₂)*. – б. *Sie empört sich über sein Benehmen*, где г₁ – каузирующий субъект (агенс), г₂ – каузируемый объект (пациенс), к – каузативный глагол.

По мнению И. О. Иорданской, описание таких пар как чистых конверсивов опирается на трактовку слов со значением чувства-состояния. Эмоции, называемые такими глаголами, как *беспокоиться, беситься, восторгаться, восхищаться, изумляться*,

огорчаться, радоваться, сердиться, страшиться и т. п., всегда трактуются языком как вызываемые в субъекте определенной оценкой некоторого события, а не как возникающие сами по себе; каузатив входит и в каждый из этих глаголов, и в производные от них существительные. Таким образом, транзитивные глаголы типа *беспокоить, бесить, восхищать* и т. п. оказываются конверсивами, а не каузативами, соответствующих нетранзитивных глаголов [цит. по: Апресян, 1998: 274].

6. Семантические типы немецких и русских конверсивных РГ

Для описания рефлексивных и нерефлексивных конструкций на семантическом уровне используются следующие семантические роли: Adn – адресант, Adr – адресат, Ag – агенс, Akk – прямое дополнение, выраженное винительным падежом, Caus – каузатор, El – элементив, Exр – экспериенцер, Ins – инструмент, Loc – локатив, Nom – подлежащее, которое выражено именительным падежом, O – гиперроль объекта, Ob – дополнение, Ob_{род} – косвенное дополнение, выраженное родительным падежом, Ob_{дат} – косвенное дополнение, выраженное дательным падежом, Ob_{предл} – косвенное дополнение, выраженное предложной группой, Ob_{твор} – косвенное дополнение, выраженное творительным падежом, Pt – пациенс, S – гиперроль субъекта, Stim – стимул, Sub – подлежащее.

Конверсивные РГ немецкого и русского языков образуются от лексико-семантических типов НГ, обозначающих:

1. «Каузировать / вызывать у кого-л. отрицательные эмоции» (нем. – 19,6 %, рус. – 20,4%). Данный тип выявляет одинаковую продуктивность в немецком и русском языках (см. табл. 1).

(17) нем. а. *Sein Benehmen* (Nom. / Caus.) *empört sie* (Akk. / Exр.) ‘Его поведение возмущает её’. – б. *Sie* (Nom. / Exр.) *empört sich über sein Benehmen* (Ob_{предл.} / Caus.) ‘Она возмущается его поведением’;

(18) рус. а. *Марков* (Nom. / Caus.) *перетревожил всех* (Akk. / Exр.) *своим письмом* (Ob_{твор.} / Instr). – б. *Все* (Nom. / Exр.) *письмом Маркова* (Ob_{твор.} / Caus.) [НКРЯ].

2. «Явления природы» (нем. – 14,1 %, рус. – 4,9 %);

(19) нем. а. *Der Wind* (Nom. / El.) *erhob den Sturm* (Akk. / Pt.) ‘Ветер вызвал бурю’. – б. *Der Sturm* (Nom. / Ob.) *erhob sich durch den Wind* (Ob_{предл.} / El.) ‘Буря разразилась из-за ветра’;

(20) рус. а. *Дождь* (Nom. / El.) *охладил воздух* (Akk. / Pt.). – б. *Воздух* (Nom. / Ob.) *охладился из-за дождя* (Ob_{предл.} / El.) [DWDS].

3. «Изменение психо-физического состояния человека» (нем. – 11,8 %, рус. – 10,6%);

(21) нем. а. *Ein kühles Getränk* (Nom. / Stim.) *hat sie* (Akk. / Exр.) *erquickt*

‘Прохладный напиток освежил её’. – б. *Sie* (Nom. / Expr.) *hat sich mit kühlen Getränk erquickt* (Ob. предл. / Instr.) ‘Она освежилась прохладным напитком’ [DWDS].

(22) рус. а. *Душ* (Nom. / Stim.) *освежил меня* (Akk. / Expr.). – б. *Я* (Nom. / Expr.) *освежился под душем* (Ob. предл. / Loc.) [DWDS].

4. «Передача информации» (нем. – 11,8 %, рус. – 10,6%);

(23) нем. а. *Die Zeitung «Spiegel»* (Nom. / Sub.) *hat darüber die Menschen* (Akk. / Ob.) *schon informiert* ‘Газета «Spiegel» уже проинформировала об этом людей’. – б. *Die Menschen* (Nom. / Sub.) *haben sich darüber schon aus der Zeitung* (Dat. / Ob. предл.) *informiert* ‘Люди уже проинформировались об этом из газеты «Spiegel»’ [DWDS];

(24) рус. а. *Нина знала, что мужа* (Akk. / Expr.) *консультирует* друг (Nom. / Sub.) *по каким-то делам*. – б. *Нина знала, что муж* (Nom. / Sub.) *консультируется с другом* (Ob. предл. / Pt) *по каким-то делам* [НКРЯ].

5. «Накопление / истощение, распространение / увеличение чего-либо» (нем. – 10,2%, рус. – 4,9%);

(25) нем. а. *Die ausländischen Waren* (Nom. / Sub.) *beleben den Markt* (Akk. / Ob.) ‘Иностранные товары оживляют рынок’. – б. *Der Markt* (Nom. / Sub.) *belebt sich mit den ausländischen Waren* (Ob. предл. / Instr.) ‘Рынок оживляется иностранными товарами’;

(26) рус. а. *Я* (Nom. / Sub.) *готов по всей строгости закона ответить за то, что провернул запрещенную сделку, отоварил злодеев* (Akk. / Ob.) *бумажными банкнотами, нарушив при этом финансовое, валютное и налоговое законодательство*. – б. *Я* (Nom. / Sub.) *готов по всей строгости закона ответить за то, что провернул запрещенную сделку, из-за которой отоварились злодеи* (Nom. / Sub.) *бумажными банкнотами* (Ob. твор. / Instr.) *нарушив при этом финансовое, валютное и налоговое законодательство* [НКРЯ].

б. «Изменение свойств предмета» (нем. – 7,8%, рус. – 7%);

(27) нем. а. *Die Sonne* (Nom. / Sub.) *hat das Holz* (Akk. / Ob.) *verbogen* ‘Солнце деформировало древесину’. – б. *Das Holz* (Nom. / Sub.) *hat sich in der Sonne* (Ob. предл. / Loc.) *verbogen* ‘Древесина деформировалась солнцем’ [DWDS].

(28) рус. а. *Он был сделан из какой-то синтетики и переливался всеми цветами радуги. Я* (Nom. / Sub.) *носил его* (Akk. / Ob.) *не снимая и засалил*. – б. *Он был сделан из какой-то синтетики и переливался всеми цветами радуги. Я носил его не снимая и он* (Nom. / Sub.) *изрядно засалился* [НКРЯ].

7. «Выделять», «отделять» (нем. – 3,9%, рус. – 1%);

(29) нем. а. *Ihre Umgebung* (Nom. / Sub.) *isolierte sie* (Akk. / Ob.) *immer mehr* ‘Её окружение изолировало её всё больше и больше’. – б. *Sie* (Nom. / Sub.) *isolierte sich*

immer mehr [von ihrer Umgebung] (Ob. / Pt) ‘Она изолировалась всё больше и больше от своего окружения’ [DWDS].

(30) рус. а. *Общий интерес* (Nom. / Sub.), *представляемый этого рода изучением, отдалил меня* (Akk. / Ob.) *от политических целей: моей единственной задачей было – верно изобразить известный тип современных людей, повторяющийся в наш благородный век повсюду в сотнях разнообразных форм.* – б. *Общим интересом* (Akk. / Pt.) *представляемым этого рода изучением, я* (Nom. / Sub.) *отдалился от политических целей: моей единственной задачей было – верно изобразить известный тип современных людей, повторяющийся в наш благородный век повсюду в сотнях разнообразных форм* [НКРЯ].

8. «Каузировать / вызывать у кого-л. положительные эмоции» (нем. – 2,3%, рус. – 7%);

(31) нем. а. *Dein Brief* (Nom. / Stim.) *hat mich* (Akk. / Exp.) *gefremt* ‘Твое письмо меня обрадовало’. – б. *Ich* (Nom. / Exp.) *habe mich über deinen Brief* (Ob_{предл} / Stim.) *gefremt* ‘Я обрадовался твоему письму’ [DWDS].

(32) рус. а. *Меня* (Akk. / Exp.) *очень радует, что в некоторые моменты это* (Nom. / Stim.) *происходило.* – б. *Я* (Nom. / Exp.) *очень радуюсь, что в некоторые моменты это* (Nom. / Stim.) *происходило* [НКРЯ].

9. «Выражать что-л. – выражаться в чем-л.» (нем. – 1,5%, рус. – 1,4%);

(33) нем. а. *Das Gemälde* (Nom. / Sub.) *drückt eine lyrische Stimmung* (Akk. / Ob.) *aus* ‘Картина выражает лирическое настроение’. – б. *Im Gemälde* (Ob_{предл} / Lok.) *drückt sich eine lyrische Stimmung* (Nom. / Sub.) *aus* ‘В картине выражается лирическое настроение’ [DWDS].

(34) рус. а. *Глаза* (Nom. / Sub.) *отражали тревогу* (Akk. / Ob.). – б. *В глазах* (Ob_{предл} / Lok.) *отражалась тревога* (Nom. / Sub.) [DWDS].

10. «Быть привлекательным для кого-л.» (нем. – 1,5%, рус. – 4,2%);

(35) нем. а. *Die Malerei* (Nom. / Stim.) *begeistert sie* (Akk. / Exp.) ‘Живопись восхищает её’. – б. *Sie* (Nom. / Exp.) *begeistert sich für die Malerei* (Ob_{предл} / Stim.) ‘Она восхищается живописью’ [DWDS].

(36) рус. а. *Её* (Akk. / Exp.) *пленил идея распространения Принципа дополнительности на биологию* (Nom. / Stim.). – б. *Он* (Nom. / Exp.) *пленится идеей распространения Принципа дополнительности на биологию* (Ob_{твор.} / Stim.) [НКРЯ].

11. «Переносить что-либо во времени» (нем. – 1,5%, рус. – 2,1%);

(37) нем. а. *Der Chef* (Nom. / Sub.) *hat einen Termin* (Akk. / Ob.) *verschoben* ‘Шеф перенёс встречу’. – б. *Der Termin* (Nom. / Sub.) *hat sich verschoben* ‘Встреча перенеслась’ [DWDS].

(38) рус. а. *Начальник* (Nom. / Sub.) *отодвинул отпуск* (Akk. / Ob.) *на осень.* – б. *Отпуск* (Nom. / Sub.) *отодвинулся на осень* [НКРЯ].

12. «Изменять внешний вид чего-либо» (нем. – 0,7%, рус. – 6,3%);

(39) нем. а. *Die Jahre* (Nom. / Caus.) *hatten sein Gesicht* (Akk. / Ob.) *vergrößert* ‘Годы сделали его лицо грубым’. – б. *Sein Gesicht* (Nom. / Sub.) *hat sich mit den Jahren* (Ob_{предл.} / Instr.) *vergrößert* ‘Его лицо сделалось грубым с годами’ [DWDS].

(40) рус. а. *Мы* (Nom. / Caus.) *перевернули жизнь* (Akk. / Ob.). – б. *Наша жизнь* (Nom. / Sub.) *перевернулась* [НКРЯ].

13. Позиционные глаголы (нем. – 0,7%, рус. – 12%). К позиционным глаголам относятся глаголы типа *сидеть, стоять, лежать*, а также *наклоняться, опираться, прислоняться*, которые В. С. Храковский называет «нестандартными позиционными глаголами» [Храковский, 2013].

(41) нем. а. *Er* (Nom. / Sub.) *neigte sein Ohr* (Akk. / Ob.) *lauschend gegen die Tür* ‘Он прислонил ухо к двери, слушая’. – б. *Er neigte sich* (Nom. / Sub.) *lauschend zur Tür* ‘Он наклонился к двери, слушая’ [DWDS].

(42) рус. а. *Он* (Nom. / Sub.) *наклонил голову* (Akk. / Ob.) *и стал шумно, большими глотками пить воду*. – б. *Он* (Nom. / Sub.) *наклонился и стал шумно, большими глотками пить воду* [НКРЯ].

14. Остаточная группа глаголов (нем. – 11,8%, рус. – 7%). В остаточную группу входят абстрактные глаголы, не вошедшие ни в одну из групп, например в немецком *erfüllen* ‘выполнять’, *organisieren* ‘организовывать’, *gestalten* ‘оформлять’ и т. д., в русском *организовывать, воплощать, оформлять*.

(43) нем. а. *Die Rebellen* (Nom. / Sub.) *organisierten den Widerstand* (Akk. / Ob.) ‘Мятежники организовали восстание’. – б. *Der Widerstand* (Nom. / Sub.) *organisierte sich von den Rebellen* (Dat. / Ob_{предл.}) ‘Восстание организовалось мятежниками’.

(44) рус. а. *Семейный доктор* (Nom. / Sub.) *наблюдает всю семью* (Akk. / Ob.). – б. *Вся семья* (Nom. / Sub.) *наблюдается у семейного доктора* (Ob_{предл.} / Pt.).

Таблица 1. Количественная характеристика семантических типов РГ в немецком и русском языках

Семантический тип	Кол-во в немецком языке	Кол-во в русском языке
1	2	3
1. «Каузировать / вызывать у кого-л. отрицательные эмоции»	50 (19,6%)	58 (20,4%)
2. «Явления природы»	36 (14,1%)	14 (4,9%)
3. «Изменение психо-физического состояния человека»	30 (11,8%)	30 (10,6%)
4. «Передача информации»	30 (11,8%)	30 (10,6%)

Окончание табл. 1

1	2	3
5. «Накопление / истощение, распространение / увеличение чего-либо»	26 (10,2%)	14 (4,9%)
6. «Изменение свойств предмета»	20 (7,8%)	20 (7%)
7. «Выделять», «отделять»	10 (3,9%)	3 (1%)
8. «Каузировать / вызывать у кого-л. положительные эмоции»	6 (2,3%)	20 (7%)
9. «Выражать что-л. – выразиться в чем-л.»	4 (1,5%)	4 (1,4%)
10. «Быть привлекательным для кого-л.»	4 (1,5%)	12 (4,2%)
11. «Переносить что-либо во времени»	4 (1,5%)	6 (2,1%)
12. «Изменять внешний вид чего-либо»	2 (0,7%)	18 (6,3%)
13. Позиционные глаголы	2 (0,7%)	34 (12%)
14. Остаточная группа глаголов	30 (11,8%)	20 (7%)
Всего:	254 (100%)	283 (100%)

7. Семантические типы немецких конверсивных РГ

Конверсивные РГ немецкого языка образуются от следующих лексико-семантических типов:

1. «Каузировать / вызывать у кого-л. отрицательные эмоции», например:

(45) а. *Mein Zustand bekümmerte ihn* ‘Моё состояние его огорчало’. – б. *Er bekümmerte sich über meinen Zustand* ‘Он огорчился моим состоянием’ [DWDS].

2. «Явления природы», например:

(46) а. *Der Sonnenuntergang färbte den Himmel rötlich* ‘Закат окрасил небо красным цветом’. – б. *Der Himmel färbte sich rötlich durch den Sonnenuntergang* ‘Небо окрасилось красным цветом из-за заката’ [DWDS].

3. «Изменение психо-физического состояния человека», например:

(47) а. *Die täglichen Aufregungen hatten ihren angegriffen Gesundheitszustand (noch verschlimmert* ‘Ежедневные волнения еще больше ухудшили ее измученное состояние здоровья’. – б. *Ihr angegriffener Gesundheitszustand hat sich durch die tägliche Aufregungen verschlimmert* ‘Ее измученное состояние здоровья еще больше ухудшилось ежедневными волнениями’ [DWDS].

4. «Передача информации», например:

(48) а. *Die Zeitung «Spiegel» hat darüber die Menschen schon informiert* ‘Газета «Spiegel» уже проинформировала об этом людей’. – б. *Die Menschen haben sich darüber schon aus der Zeitung informiert* ‘Люди уже проинформировались об этом из газеты «Spiegel»’ [DWDS].

5. «Накопление / истощение, распространение / увеличение чего-либо», например:

(49) а. *Die Touristen bevölkerten die Lokale* ‘Туристы заполнили кафе’. – б. *Die Lokale bevölkerten sich mit Touristen* ‘Кафе заполнились туристами’ [DWDS].

6. «Изменение свойств предмета», например:

(50) а. *Die niedrige Temperatur kristallisierte den Stoff* 'Низкая температура кристаллизует материю'. – б. *Der Stoff kristallisierte sich bei niedriger Temperatur* 'Материя кристаллизуется при низкой температуре'.

7. «Выделять», «отделять», например:

(51) а. *Der Wagen löste den Anhänger los* 'Машина отвязала прицеп'. – б. *Der Anhänger hat sich vom Wagen losgelöst* 'Прицеп отвязался от машины' [DWDS].

8. «Каузировать / вызывать у кого-л. положительные эмоции», например:

(52) а. *Dein Brief hat mich gefreut* 'Твое письмо меня обрадовало'. – *Ich habe mich über deinen Brief gefreut* 'Я обрадовался твоему письму' [DWDS].

9. «Выражать что-л. – выразиться в чем-л.», например:

(53) а. *Das Gemälde drückt eine lyrische Stimmung aus* 'Картина выражает лирическое настроение'. – б. *Im Gemälde drückt sich eine lyrische Stimmung aus* 'В картине выражается лирическое настроение' [DWDS].

10. «Переносить что-либо во времени», например:

(54) а. *Der Chef hat einen Termin verschoben* 'Шеф перенёс встречу'. – б. *Der Termin hat sich verschoben* 'Встреча перенеслась' [DWDS].

11. «Быть привлекательным для кого-л.», например:

(55) а. *Die Malerei begeistert sie* 'Живопись восхищает ее'. – б. *Sie begeistert sich für die Malerei* 'Она восхищается живописью'.

12. «Изменять внешний вид чего-либо», например:

(56) а. *Die Sonne hat das Holz verbogen* 'Солнце деформировало древесину'. – б. *Das Holz hat sich in der Sonne verbogen* 'Древесина деформировалась солнцем' [DWDS].

13. Позиционные глаголы, например:

(57) а. *Er neigte sein Ohr lauschend gegen die Tür* 'Он прислонил ухо к двери, слушая'. – б. *Er neigte sich lauschend zur Tür* 'Он наклонился к двери, слушая' [DWDS].

14. Остаточная группа глаголов, например:

(58) а. *Thiers hat seinen Traum erfüllt* 'Тирс исполнил свою мечту'. – б. *Thierses Traum hat sich erfüllt* 'Мечта Тирса исполнилась'.

Таблица 2. Количественная характеристика семантических типов РГ в немецком языке

Семантический тип	Кол-во	Примеры
1. «Каузировать / вызывать у кого-л. отрицательные эмоции»	50 (19,6%)	<i>Betrüben</i> ‘печалить’ – <i>sich betrüben</i> ‘печалиться’
2. «Явления природы»	36 (14,1%)	<i>Vernebeln</i> ‘затуманить’ – <i>sich vernebeln</i> ‘затуманиться’
3. «Изменение психофизического состояния человека»	30 (11,8%)	<i>Erfrischen</i> ‘взбодрить’ – <i>sich erfrischen</i> ‘взбодриться’
4. «Передача информации»	30 (11,8%)	<i>Informieren</i> ‘информировать’ – <i>sich informieren</i> ‘информироваться’
5. «Накопление / истощение, распространение / увеличение чего-либо»	26 (10,2%)	<i>Häufen</i> ‘накапливать’ – <i>sich häufen</i> ‘накапливаться’
6. «Изменение свойств предмета»	20 (7,8%)	<i>Kristallisieren</i> ‘кристаллизировать’ – <i>sich kristallisieren</i> ‘кристаллизироваться’
7. «Выделять», «отделять»	10 (3,9%)	<i>Isolieren</i> ‘изолировать’ – <i>sich isolieren</i> ‘изолироваться’
8. «Каузировать / вызывать у кого-л. положительные эмоции»	6 (2,3 %)	<i>Freuen</i> ‘радовать’ – <i>sich freuen</i> ‘радоваться’
9. «Выражать что-л. – выражаться в чем-л.»	4 (1,5%)	<i>Ausdrücken</i> ‘выражать’ – <i>sich ausdrücken</i> ‘выражаться’
10. «Переносить что-либо во времени»	4 (1,5%)	<i>Verschieben</i> ‘переносить’ – <i>sich verschieben</i> ‘переноситься’
11. «Быть привлекательным для кого-л.»	4 (1,5%)	<i>Begeistern</i> ‘восхищать’ – <i>sich begeistern</i> ‘восхищаться’
12. «Изменять внешний вид чего-либо»	2 (0,7%)	<i>Vergrößern</i> ‘ухудшать’ – <i>sich vergrößern</i> ‘ухудшаться’
13. Позиционные глаголы	2 (0,7%)	<i>Neigen</i> ‘наклонить’ – <i>sich neigen</i> ‘наклониться’
14. Остаточная группа глаголов	30 (11,8%)	<i>Kämmen</i> ‘расчесывать’ – <i>sich kämmen</i> ‘расчесываться’
Всего:	254 (100%)	

8. Семантические типы русских конверсивных РГ

Среди русских конверсивных РГ можно выделить следующие лексико-семантические типы:

1. «Каузировать / вызывать у кого-л. отрицательные эмоции», например:

(59) а. Однажды туманным осенним вечером Колумба обеспокоил сильный стук в дверь. – б. Однажды туманным осенним вечером Колумб обеспокоился сильным стуком в дверь [НКРЯ].

2. Позиционные глаголы, например:

(60) а. Он наклонил голову и стал шумно, большими глотками пить воду. – б. Он наклонился и стал шумно, большими глотками пить воду [НКРЯ].

3. «Передача информации», например:

(61) а. *И тут наступил очень трогательный момент, который Таль запечатлел в своей памяти.* – б. *И тут наступил очень трогательный момент, который запечатлелся в памяти Таля* [НКРЯ].

4. «Изменение психо-физического состояния человека», например:

(62) а. *Страх сжал сердце.* – б. *Сердце сжалось от страха* [НКРЯ].

5. «Каузировать / вызывать у кого-л. положительные эмоции», например:

(63) а. *Старуху все более льстят арабские денежки.* – б. *Старуха все более льстится на арабские денежки* [НКРЯ].

6. «Изменение свойств предмета», например:

(64) а. *Он был сделан из какой-то синтетики и переливался всеми цветами радуги. Я носил его не снимая и изрядно засалил.* – б. *Он был сделан из какой-то синтетики и переливался всеми цветами радуги. Я носил его не снимая и он изрядно засалился* [НКРЯ].

7. «Изменять внешний вид чего-либо», например:

(65) а. *Крем активизирует подкожный кровоток, что способствует улучшению цвета лица.* – б. *Подкожный кровоток активизируется кремом, что способствует улучшению цвета лица* [НКРЯ].

8. «Накопление / истощение, распространение / увеличение чего-либо», например:

(66) а. *а. Крестьян он едва ли не разорил – так спекулянты занизили цены.* – б. *Крестьяне едва не разорились из-за него – так спекулянты занизили цены* [НКРЯ].

9. «Явления природы», например:

(67) а. *Туча скрыла месяц.* – б. *Месяц скрылся за тучу* [НКРЯ].

10. «Быть привлекательным для кого-либо», например:

(68) а. *Меня же, врача-нарколога, интересует судьба больных.* – б. *Я же как врач-нарколог интересуюсь судьбой больных* [НКРЯ].

11. «Переносить что-либо во времени», например:

(69) а. *Начальник отодвинул отпуск на осень.* – б. *Отпуск отодвинулся на осень* [НКРЯ].

12. «Выражать» - «выражаться», например:

(70) а. *Глаза отражали тревогу.* – б. *В глазах отражалась тревога* [НКРЯ].

13. «Выделять», «отделять», например:

(71) а. *Именно походка отличает ее от других.* – б. *Именно походкой она отличается от других* [НКРЯ].

14. Остаточная группа глаголов, например:

(72) а. *Мама сушит на веревках белье.* – б. *На веревках сушится белье* [НКРЯ].

Таблица 3. Количественная характеристика семантических типов РГ в русском языке

Семантический тип	Кол-во	Примеры
1. «Каузировать / вызывать у кого-л. отрицательные эмоции»	58 (20,4%)	<i>Печалить – печалиться</i>
2. Позиционные глаголы	34 (12%)	<i>Наклонить – наклониться</i>
3. «Передача информации»	30 (10,6%)	<i>Определять – определяться</i>
4. «Изменение психофизического состояния человека»	30 (10,6%)	<i>Освежить – освежиться</i>
5. «Каузировать / вызывать у кого-л. положительные эмоции»	20 (7%)	<i>Радовать – радоваться</i>
6. «Изменение свойств предмета»	20 (7%)	<i>Обесцветить – обесцветиться</i>
7. «Изменять внешний вид чего-либо»	18 (6,3%)	<i>Загрязнять – загрязняться</i>
8. «Накопление / истощение, распространение / увеличение чего-либо»	14 (4,9%)	<i>Уменьшать – уменьшаться</i>
9. «Явления природы»	14 (4,9%)	<i>Охладить – охладиться</i>
10. «Быть привлекательным для кого-л.»	12 (4,2%)	<i>Пленить – плениться</i>
11. «Переносить что-либо во времени»	6 (2,1%)	<i>Передвинуть – передвинуться</i>
12. «Выражать» – «выражаться»	4 (1,4%)	<i>Отражать – отражаться</i>
13. «Выделять», «отделять»	3 (1%)	<i>Отдалять – отдаляться</i>
14. Остаточная группа глаголов	20 (7%)	<i>Наблюдать – наблюдаться</i>
Всего:	283 (100%)	

Выводы

1. Рефлексивная конверсия проявляется в конвертируемости субъектно-объектных отношений в структуре исходной нерефлексивной и производной рефлексивной конструкции. Денотативное значение НК и РК сохраняется, изменяются способ осмысления и направление описания денотативной ситуации из перспективы одного участника в НК и другого в РК, а также синтаксическое оформление субъекта и объекта действия.

2. Конверсивные РГ в немецком языке и в русском языках образуются от переходных глаголов, обозначающих каузирование отрицательного или положительного эмоционального состояния объекта, характеристики предмета, физическое воздействие на предмет, покрытие объекта / заполнение пространства чем-либо и др. типы (см. табл. 1, 2, 3).

3. В немецком и русском языках выделяются одинаковые семантические типы РГ, см. табл. 1.

4. В ходе исследования было установлено, что в немецком и русском языках конверсивы образуются по единой модели «мотивирующая основа + sich / -ся».

5. Высокую продуктивность в русском и немецком языках проявляет семантический тип НГ и РГ со значением «каузировать / вызывать у кого-л. отрицательные эмоции» (нем. – 19,6%, рус. – 20,4%). Высокая продуктивность КРГ данной ЛСГ объясняется тем, что различные психо-эмоциональные состояния человека обычно вызываются

(каузируются) определенными причинами, которые легко эксплицируются в синтаксической структуре конверсивных рефлексивных глаголов.

6. Производящие НГ конверсивных РГ в сопоставляемых языках являются переходными (транзитивными), преимущественно двухвалентными глаголами, сочетающимися с различными типами прямых дополнений, а именно: с одушевленным дополнением, с неодушевленным дополнением, одновременно с одушевленным и неодушевленным дополнениями.

7. В материале исследования отмечено 7 синтаксических типов конструкций в немецком языке, 6 в русском языке и соответствующие им семантические типы конструкций (см. обозначения семантических и синтаксических элементов в примерах выше).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Г. Строй современного немецкого языка. 2-е изд. Москва: Просвещение; Ленинград, 1966. 284 с.
2. Апресян Ю. Д. Каузативы или конверсивы? // Типология. Грамматика. Семантика. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 273-281.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимичные средства языка. Москва: Наука, 1974. 367 с.
4. Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Изд-во «Ноулидж», 2014. 562 с.
5. Басыров Ш. Р. Типология глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках. Донецк: ДонНУ, 2004. 351 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 1).
6. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Ленинград: Наука, 1971. 112 с.
7. Виноградов В. В. Вопросы грамматического строя. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. 482 с.
8. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. Москва: Высшая школа, 1972. 614 с.
9. Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983. 168 с.
10. Девкин В. Д., Прокопова Л. И., Хельбиг Г. Конфронтативная лингвистика. Киев: Лыбидь, 1990. 144 с.
11. Добричев С. А. Конверсивные отношения в современном английском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Москва, 2005. 42 с.
12. Иванова И. Е. Репрезентация конверсивной лексики в современном русском языке и проблемы её лексикографирования. Иркутск, 2016. 182 с.
13. Ильинская О. Г. Языковая природа конверсии и типы конверсивов в современном русском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2006. 20 с.
14. Лютикова Е. А. Рефлексивы и эмпфаза // Вопросы языкознания. Москва, 1997. № 6. С. 49-74.
15. Мельчук И. А. Опыт теорий лингвистических моделей «Смысл-текст». Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. I-XXII. 346 с.

16. Неद्याлков В. П. Типология рецессивных конструкций: Рефлексивные конструкции // Диатезы и залого. Ленинград: Наука, 1975. 21 с.
17. Фортунатов Ф. Ф. О залогах русского глагола. Санкт-Петербург: Типография Императ. Академии наук, 1899. 6 с.
18. Халипов С. Г. Возвратные глаголы в шведском и немецком языках // Филология и методика преподавания немецкого языка. Ленинград, 1978. Ч. 1. С. 78-85.
19. Храковский В. С. Залог и рефлексив // Проблемы теории грамматического залога. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1978. С. 50-61.
20. Храковский В. С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1974. С. 5-45.
21. Храковский В. С. Проблемы теории грамматического залога. Ленинград: Наука, 1978. 288 с.
22. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
23. Шендельс Е. И. Практическая грамматика немецкого языка. 2-е изд. Москва: Высш. школа, 1982. 400 с.
24. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. Москва: Изд-во АН СССР, 1962. 247 с.
25. Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология. Москва: Рус. яз., 1982. 246 с.
26. Gelhaus H. Die Wortarten. Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Bd. 4. Mannheim. Leipzig. Wien. Zurich: Dudenverlag, 1998. 863 S.
27. Götze L. Das Wort. Berteismann Lexikon Verlag GmbH Gütersloh. München, 1999. S. 71-72.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный корпус русского языка. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/new>. (дата обращения: 08.10.2022). [НКРЯ].
2. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Доступ: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 08.10.2022). [DWDS].
3. Duden Universalwörterbuch. Доступ: <https://www.duden.de>. (дата обращения: 08.10.2022).
4. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausgegeben von R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin: Akademie Verlag. Bd. 1, 198, 800 S.; Bd.2, 1981, 1600 S.; Bd.3, 1984, 2412 S.; Bd.4, 1981, 3212 S.; Bd.5, 1980, 4012 S.; Bd.6, 1976-1977, 4551 S. [WDG].

REFERENCES

1. Admoni, V. G. (1996). *Stroy sovremennogo nemetskogo yazyka* [System of the modern German language]. 2nd ed. Moskva: Prosveshchenie; Leningrad. (In Russ.).
2. Apresyan, Yu. D. (1998). Kauzativy ili konversivny? [Causative or converive verbs?]. In *Tipologiya. Grammatika. Semantika*. Sankt-Peterburg: Nauka. Pp. 273-281. (In Russ.).
3. Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantic: Synonymic language means]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
4. Basyrov, Sh. R. (2014). *Slovoobrazovanie glagolov s refleksivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii* [Word-building of the verbs with reflexive complex from typological perspective]. Donetsk: Noulidzh (Donetskoe otdelenie). (In Russ.).
5. Basyrov, Sh. R. (2004). *Tipologiya glagolov s refleksivnym kompleksom v indoevropeyskikh yazykakh* [Typology of the verbs with reflexive complex in the Indo-European languages]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; Vol. 1).

6. Bondarko, A. V. (1971). *Grammaticheskaya kategoriya i kontekst* [Grammatical category and the context]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

7. Vinogradov, V. V. (1955). *Voprosy grammaticheskogo stroya* [Issues of language system]. Moskva: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).

8. Vinogradov, V. V. (1972). *Russkiy yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language: (Grammatical theory of the word)]. 2nd ed. Moskva: Vysshchaya shkola. (In Russ.).

9. Genyushene, E. Sh. (1983). *Refleksivnye glagoly v baltiyskikh yazykakh i tipologiya refleksivov* [Reflexive verbs in the Baltic languages and reflexive typology]. Vilnyus. (In Russ.).

10. Devkin, V. D., Prokopova L. I., Helbig H. (1990). *Konfrontativnaya lingvistika* [Confrontative linguistic]. Kiev: Lybid. (In Russ.).

11. Dobrichev, S. A. (2005). *Konversnye otnosheniya v sovremennom angliyskom yazyke* [Conversive relations in modern English]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).

12. Ivanova, I. E. (2016). *Reprezentatsiya konversivnoy leksiki v sovremennom rusском yazyke i problemy ee leksikografirovaniya* [Conversive verbs representation of the lexical units in modern Russian and the problems of its lexicographic description]. Irkutsk.

13. Ilinskaya, O. G. (2006). *Yazykovaya priroda konversii i tipy konversivov v sovremennom rusском i angliyskom yazykakh* [Language nature of conversion and conversive types in the modern Russian and English languages]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Moskva. (In Russ.).

14. Lyutikova, E. A. (1997). Refleksivy i emfaza [Reflexives and Emphase]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. Moskva. No. 6. Pp. 49-74. (In Russ.).

15. Melchuk, I. A. (1999). *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl-tekst»* [The theory of linguistic models «Meaning-Text» experience]. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». I-XXII. (In Russ.).

16. Nedyalkov, V. P. (1975). Tipologiya retsessivnykh konstruktsiy: Refleksivnye konstruktsii [Typology of recessive constructions: Reflexive constructions]. In *Diatezy i zalogi*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

17. Fortunatov, F. F. (1899). *O zalogakh russkogo glagola* [On the Russian verb voice]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperat. Akademii nauk. (In Russ.).

18. Khalipov, S. G. (1978). Vozvratnye glagoly v shvedskom i nemetskom yazykakh [Reflexive verbs in the Sweden and German languages]. In *Filologiya i metodika prepodavaniya nemetskogo yazyka*. Leningrad. Ch. 1. Pp. 78-85. (In Russ.).

19. Khrakovskiy, V. S. (1978). Zalog i refleksiv [Voice and Reflexive]. In *Problemy teorii grammaticheskogo zaloga*. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. Pp. 50-61. (In Russ.).

20. Khrakovskiy, V. S. (1974). Passivnye konstruktsii [Passive constructions]. In *Tipologiya passivnykh konstruktsiy. Diatezy i zalogi*. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. Pp. 5-45. (In Russ.).

21. Khrakovskiy, V. S. (1978). *Problemy teorii grammaticheskogo zaloga* [Issues of grammatical voice theory]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

22. Shakhmatov, A. A. (2001). *Sintaksis russkogo yazyka* [The Russian language syntax]. 3rd ed. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).

23. Shendels, E. I. (1982). *Prakticheskaya grammatika nemetskogo yazyka* [German Grammar]. 2nd ed. Moskva: Vysshaya Shkola. (In Russ.).

24. Yanko-Trinitskaya, N. A. (1962). *Vozvratnye glagoly v sovremennom rusском yazyke* [Reflexive verbs in the modern Russian language]. Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. (In Russ.).

25. Yanko-Trinitskaya, N. A. (1982). *Russkaya morfologiya* [Russian morphology]. Moskva: Russkiy Yazyk. (In Russ.).

26. Gelhaus, H. (1998). *Die Wortarten. Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Mannheim. Leipzig. Wien. Zurich: Dudenverlag. Bd. 4.
27. Götze, L. (1999). *Das Wort*. Berteismann Lexikon Verlag GmbH Gütersloh. München. Pp. 71-72.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/new>. (accessed: 08.10.2022).
2. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 08.10.2021).
3. *Duden Universalwörterbuch*. Available at: <https://www.duden.de>. (accessed: 08.10.2022).
4. *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. Herausgegeben von R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin: Akademie Verlag. Bd. 1, 198, 800 S.; Bd.2, 1981, 1600 S.; Bd.3, 1984, 2412 S.; Bd.4, 1981, 3212 S.; Bd.5, 1980, 4012 S.; Bd.6, 1976 – 1977, 4551 S.

Растарасова Екатерина Константиновна – аспирант кафедры германской филологии (e-mail: e.rastarasova@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Rastarasova Yekaterina K. – Postgraduate student of German Philology Department (e-mail: e.rastarasova@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 28 октября 2022 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity. ...

Key words: .....

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ....
2. ....
3. ....

REFERENCES

1. ....
2. ....
3. ....

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие III. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (*например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitelno-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 18 Выпуск 4 (58) 2022

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 20.01.2023 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 16,16.
Тираж 100 экз. Заказ № 23янв06/3.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.